

US4LEN
Валерий Витальевич Ковтун
Художественная юмористическая повесть

Радиоловительские приключения

*

Старое название
Наша подводная радиозадача

2003г

Первый день на островке

Так вот, пока мы, радиолюбители, оживленно беседовали, подплывая к островку среди озер; Петька, троюродный брат Виталия, ковырял своим грязным пальцем, самодельный резиновый сосок нашей надувной лодки. Этот зловещий сосок, мы ремонтировали целых два дня, изрезав на куски старую автомобильную камеру и потратив целый тюбик специального резинового клея. Но так как никакой альтернативы ему не было, нам приходилось мучаться, обклеивая его все новыми слоями резины, пока он не стал выдерживать требуемое давление. И видимо, Петька, решив изучить столь необычную конструкцию соска, начал там щупать и ковыряться.

- А - а -а, трансивер!!! - кричал я.
- Аккумулятор, где аккумулятор?! - кричал Виталий.
- Очки мои, очки! - кричал Петька.

Когда мы находились примерно в семидесяти метрах от островка, сосок сначала зашипел, а потом раздался хлопок и выстрелил кусок резины у его основания. Петька вывалился за борт, Виталия кинулся к дыре и я тоже. Не выдержав перекося, наша и без того тонущая лодка, сразу же перевернулась, вместе со всем радиолюбительским скарбом.

Но что произошло, то произошло - на поверхности озера плавала наша тряпичная экипировка (одеяла, фуфайки и прочая одежда), клеенка - тент, и некоторые еще не утонувшие сумки, а так же всякая мелочь. Все остальное оборудование: инструменты, хозяйская утварь (котелок, кружки, тарелки и пр.), антенный канатик и проволока, рыболовные снасти, тяжелые сумки, аккумулятор и трансивер - мгновенно утонуло. Но я все же успел спасти сумку с двумя переносными радиостанциями "Недра".

Эти радиостанции дал нам на время нашей, так называемой радиоэкспедиции выходного дня, а точнее просто рыбалки с трансивером, радиохулиган Генка. По спецификации они работали в районе 1.8 мГц и имели выходную мощность около 0.3 . 0.5 Вт. Но Генка, как всегда, их модифицировал и они смонтированные в корпусе несколько большего размера, обладали гораздо более универсальными, по сравнению с прежними фабричными параметрами.

Во-первых, они работали в двух диапазонах частот: на 160 метров . 3 канала (кварцы) и на 10 метров +/- 100 кГц (3 кварца с подстройкой). Правда, в руке такую радиостанцию держать было уже несколько неудобно и ее приходилось носить в противогазной сумке, используя внешнюю гарнитуру. В качестве переносной антенны, из сумки торчал 1,5 м штырь - куликовка. Дальность связи между радиостанциями достигала на 10 м - приблизительно 7 . 10 км в лесу и на 160 м на куликовку - 2- 3 км. Но, если подключить хотя бы к одной радиостанции, проволочную около 10-15 метров антенну, то можно смело связываться на 10 и более километров SSB.

В общем, пока Виталий с Петькой барахтались, вылавливая плавающие вещи, я усиленно плыл к островку, гребя одной рукой, а второй держал довольно нелегкую сумку с радиостанциями, стараясь как можно меньше макать ее в воду. Наконец мне удалось добраться до суши и, проваливаясь по колена в муляку, выбраться на берег. На берегу я бросил сумку в кусты, достал мощный охотничий нож и срубил ровный ореховый шест, трехметровой длинны, чтобы потом, подплыв к месту катастрофы, пометить его, воткнув в илистое дно. Тем временем, Виталия, подгонял к берегу плавающие сумки, а Петька-тормоз, барахтался на том же месте, дико вопя, что его что-то кусает, и он уже больше терпеть не в состоянии, и скоро утонет сам.

На что очень злой Виталия, выбравшись с сумками на берег, прокричал: - Плавай, плавай вредитель! - А если ты хочешь на берег, то плыви-ка лучше назад, потому что здесь, я тебя, сам утоплю! Но назад Петька поплыть не мог, так как до ближайшей суши, за исключением островка, не менее 150 метров, кроме того, он был виноват и естественно боялся Виталия, хотя и был с ним ровесник. И пока Виталий разбирает мокрые сумки, громко ругая нерадивого брата, я, с палкой, как

можно быстрее, подплывал к страдающему Петьке. Подплывши к месту катастрофы, прикинул, по периодически идущим со дна пузырям, где именно должен находиться утонувший инструмент, трансивер и аккумулятор и, воткнув ореховый шест, поплыл назад, к острову, вместе с несчастным Петькой.

На берегу как только не ругали этого Петьку! Наш гнев поутих, лишь когда он снял для просушки свои мокрые штаны и мы увидели три жирные черные пиявки, из которых две присосались к правой ноге, а одна к левой; причем последняя, судя по ее размеру, успела высосать гораздо больше крови, чем первые две. Петька сразу запаниковал и хотел было ее немедленно вырвать, но тут подбежал Виталий и начал его пугать, что если он начнет тянуть пиявку, то она порвется, а кровососущая головка, скорее всего, останется под кожей, как у клеща. А я со своей стороны, подтвердил, что это не исключено, по крайней мере, клеща, мне никогда так просто вырвать не удавалось и самый лучший способ - это капнуть на него азотной кислотой для травления печатных плат. Но Петька радиолителем не являлся, и, следовательно, был совершенно далек от технологии изготовления этих плат, более того, услышав про кислоту, занервничал, ухватил пиявку рукой и что есть силы дернул, предварительно закрыв глаза.

Не знаю, может это совпадение, но пиявка действительно порвалась так, что один ее конец остался у Петьки в руке, а другой гораздо менее длинный, в ноге. И это еще не все. Так как пиявка уже напилась крови, то она, разорвавшись, заляпала ее всю Петькину ногу, из-за чего он имел довольно жутковатый вид. В общем, здесь нет ничего страшного, многих людей, особенно рыбаков во время ловли рыбы бреднем на озерах, часто кусают пиявки; известно даже, что их применяют и в лечебных целях. Но в нашем случае, удручающе шокирующий вид Петьки-тормоза, нагнетал крайне неприятные ассоциации, вызывая сильнейшие подозрения насчет того, что с увеличением количества лет, прожитых Петькой, резко увеличивается и его способность притягивать и производить самому всевозможные несчастья. Один только вид его заляпанной ноги, вызывал дрожь при мысли, что нам еще придется нырять за оборудованием, когда по злому стечению обстоятельств и благодаря Петьке, лодка утонула, видимо, как раз в пиявочном месте. Тем более что в этом районе озер мы как-то бывали и даже купались, соорудив небольшой помост для удобного входа в воду, и никакие пиявки нас не кусали.

Но, все же, через некоторое время эмоции улеглись и ситуация оказалась снова под контролем. У Виталия как раз прошла, накатившая было, волна жалости к страдающему от укусов пиявок брату, и он злорадно ухмыляясь, произнес:

- Ну что Петька, говорил я, что нечего тебе здесь делать?! Сидел бы себе дома и портил там что-нибудь. Нет, он поперся на озера! На рыбалку! И чем же это ты, интересно собирался тут рыбу ловить? А может, думаешь, что я такой дурак, что дам тебе свой телескоп, после того как ты им крысу ловил?! И Валера тебе ничего не даст, разве что пилу, бревна пилить или топор, дрова рубать!

- Не дам я ему никакую пилу! - сказал я, - что бы сломал еще! А вот топор дам, пусть дрова рубит, все равно больше никакого толку.

Надо сказать, что Петька-тормоз, имел свое прозвище, совершенно не просто так. Я и сейчас не перестаю удивляться, как после всего того, что мы о нем знали, взяли его с собой. Сколько помню, еще с четвертого класса, где ни появлялся Петька, то обязательно произойдет что-то идиотское, или если ему в руки попадет какая-либо вещь, то он ее обязательно сломает. А самым ярким примером, из моих воспоминаний, является случай с запуском самодельной ракеты.

Это было давно, мы тогда с Виталием учились в классе четвертом или пятом, радио еще серьезно не занимались (разве что паяли простейшие приемники прямого усиления), а интересовались, как и всякие пацаны того возраста, различными пиротехническими экспериментами, собирали всевозможные пугачи, самопалы, "спичкострелы" и т. п., лишь бы стреляло и грохотало. Но вот однажды, овладел нашими умами, один очень интересный проект. Нашли мы в каком то журнале "Юный Техник" конструкцию самодельной ракеты. И, загоревшись идеей, тщательно изготавливали ее корпус по чертежам.

Когда же он был готов (это склеенная из нескольких слоев картона полуметровая гильза, со стабилизаторами - крыльями), сконструировали к нему специальный заряд. Это была легкая латунная трубка, около двадцати сантиметров длиной, со вставленным охотничьим патроном у

основания. Патрон имел насквозь просверленный капсюль и в образовавшееся отверстие был вставлен нихромовый запал. Далее вся латунная трубка была напрессована порохом, серой со спичек и еще чем-то. Для запуска ракеты, предполагалось спрятаться за гаражом и подключить длинный десятиметровый провод, аккуратно наброшенный на контакты запала, к мотоциклетному аккумулятору.

Пока Виталий устанавливал на находящейся неподалеку (~10 метров) лавочке ракету, я аккуратно размотал провод и подтянул концы к стоящему в гараже аккумулятору. В общем, завел концы в гараж и бросил, а сам пошел к Витале помочь подключить их к запалу. Подключив, решили все перепроверить, начав слегка шевелить ракету и двигать, проверяя ее устойчивость и вертикальность установки. А тем временем, как вы уже, наверное, догадались, вокруг шнырял туда-сюда и постоянно мешал, Виталин троюродный брат Петька. Мы же, увлеченные процессом и предвкушая это чрезвычайно интересное зрелище запуска ракеты, как-то и не заметили, что надоедливо мешающий Петька, вдруг исчез. И вот, находясь приблизительно около метра от ракеты, услышали как она начала странно шипеть, а потом повалил густой дым и посыпались искры. Еще через секунду, ожившая ракета, выстрелив запалом и громко бахнув, стремительно ринулась в небо, оставляя за собой небольшой дымовой хвост, словно комета. Сказать что мы, извините за выражение, наделали в штаны - это, значит, не сказать ничего.

Потом Ярослав, наш товарищ, который в тот момент находился в гараже, рассказал нам ситуацию. Значит так: Петька-тормоз, постоянно крутился возле ракеты, безрезультатно пытаясь что ни будь сделать, схватить или потрогать. Но мы с Виталием не отходили от нее ни на шаг, ревностно следя, чтобы Петьке ничего не попадало в руки. Тогда Петька, видимо поняв, что ему тут более не перепадет ничего интересного, направился в гараж, в надежде найти там чего-нибудь. В гараже он сначала внимательно смотрел как Ярослав, манипулируя отверткой, пытается разобрать старый и давно не исправный мотоциклетный спидометр. Потом же начал давать советы и выпрашивать спидометр себе, заверяя Ярослава, что разберет его в два счета. Но хотя спидометр был и так неисправный, Ярослав не стал рисковать и ему ничего не дал. Разочаровавшись, Петька-тормоз, стал осматривать гараж на предмет чего-либо интересного. И тут его внимание привлекли концы, одиноко валявшиеся рядом со стоявшем на полу аккумулятором. Обрадованный Петька взял их в обе руки и, решил, что если есть концы, то они непременно должны быть куда-нибудь подключенными. Недолго думая, он поднес их к аккумулятору и стал периодически касаться клемм, наблюдая, как на них проскакивает небольшая искра. Ярослав, услышал щелчки, прекратил ковырять спидометр, повернулся, и зацепенел на мгновение, увидев, как Петька играет концами. Потом он подорвался, что бы остановить беду, но было уже поздно, так как спустя пару секунд раздался громкий выстрел взлетающей ракеты. Спасибо Судьбе, нам повезло, что никто не пострадал, так как последствия могли бы быть не предсказуемы.

И еще можно вспомнить очень много случаев подобного рода, среди которых были не только неприятные, а и весьма смешные. Короче, чудной какой-то, этот Петька. Ты ему говоришь, после очередного происшествия . ?Ты тормоз!?, а он спокойно спрашивает - "А че???". Нам бы конечно, надежней было не брать его с собой, но здесь имелась некоторая проблема. Дело в том, что Петька жил не в поселке, а в Харькове, в поселок же он приезжал на лето, отдохнуть на каникулах, сначала после учебы в школе, потом в училище. А мама Виталия, часто его (Виталю) ругала, что мол, приехал брат отдыхать, из города, а вы его ни на речку, ни в лес, ни на рыбалку не берете. Поэтому приходилось брать.

Так вот, мы оказались на острове, в довольно неприятном положении. Кроме того, что потерпели катастрофу, лишились оборудования, и неизвестно еще заработает ли трансивер вообще, даже если его получится поднять сегодня. А если не заработают спасенные мною "Недры", тогда нас и вовсе, ждет "веселая" жизнь, почти как Робинзона Крузо. Потому, что ситуация получилась хотя и не смертельная, но довольно щекотливая.

Во первых, мы, отправились отдыхать приблизительно на неделю и, даже, при всем нашем желании, попасть домой без лодки будет довольно затруднительно. И не потому, что никто из нас не умел хорошо плавать, а потому, что мы находились в самой гуще труднодоступных речных плавней, откуда до ближайшей нормальной суши имелось расстояние около 6-7 км. Плавни эти, представляли лесную заболоченно-озерную зону, где все крупные озера соединялись между собой через более мелкие, а мелкие, в свою очередь, посредством болотных зарослей камыша. А там где не было камышей, находилось множество больших и маленьких островков, заросших густой лесной растительностью. Точнее: каждый островок, размерами от нескольких десятков, до нескольких сотен метров, представлял собой кусочек суши, изобилующий различными породами

кленов, осин, береста, черемухи, а также немного дуба, с другими, менее распространенными породами деревьев в нашей местности. При этом он, являлся наглухо заросший густым, очень труднопроходимым кленово-орешниковым подлеском, зачастую спутанным зарослями лиан дикого винограда. Но через кленовый подлесок еще можно было пробраться, особенно имея при себе длинный самодельный тесак, изготовленный из косы, которым очень удобно разрубивать эти лианы. Правда, основное количество оплетенного диким виноградом подлеска, находилось в южной части острова, а в северной и того хуже: там, среди деревьев, произрастало много тернового кустарника, через который вообще не пролезть. Передвигаться по острову, хотя и с трудом, можно было, в основном по центру.

Конечно, теоретически возможно, переплывая от островка до островка, добраться когда-нибудь и до суши, правда, эдак, через два-три дня. Кроме того, не так-то просто при этом, придерживаясь нужного направления, что бы не заблудиться в болотах. Иными словами, у нас имелось два реальных варианта: первый - подсушить "Недру", одну и вторую, а затем, связавшись с Генкой или с Ярославом, объяснить ситуацию и новый план соответственно; второй - сидеть и ждать, пока через пару дней, не дождавшись нас в эфире, они приплывут к нам сами как мы и договаривались. Тогда план был таков - мы втроем, Виталий, Петька и я, высаживаемся на остров с основным оборудованием. Далее не торопясь, так как время есть, разбираем лагерь, приготовив все для относительно длительного (неделя-полторы) комфортного пребывания. Это, значит, строим шалаш, заготавливаем дрова, проверяем рыболовные снасти, а потом, выходим на связь; либо сразу на десятке, либо, если не получится, на 160м, натянув полноразмерную антенну. А, связавшись, уточняем, что еще надо привезти вместе с основным запасом провизии. Потому что, трансивер, как известно, мог работать на природе совсем не так как дома и возможно, понадобились бы, дополнительные детали и 12ти вольтовый паяльник. Но так как загружать и без того перегруженную лодку, ящиком с радиодетальями вовсе не хотелось, мы и решили взять только необходимое для обустройства лагеря. Основное количество продуктов, усилитель на ГУ-29, радиодетали на случай ремонта, плюс три мощные лопаты и металлоискатель, привезут с собой Ярослав и Генка. Далее, Ярослав оставался с нами, а Гена отправлялся назад, так как у него днем были свои дела, а свободен он только вечером.

Скажу, это теперь уже не секрет, увлекались мои друзья, особенно Виталий, еще со школы, различными военными раскопками. У него и так уже накопилась огромная коллекция всевозможного холодного и поржавевшего огнестрельного, естественно небоеспособного, оружия, времен Второй Мировой Войны. Он знал, так же и других коллекционеров подобного добра, и, в случае удачи, можно было выгодно реализовать очередную "музейную" находку. А в местах поселка, где проживали мои друзья, точнее в лесах, во время войны шли очень сильные бои, особенно в Копанском лесу. Но в Копанском лесу уже практически не оставалось чего-либо существенно интересного, тем более, что Виталий, облазил его вместе с друзьями, еще с начальных классов школы и надо отметить, школьный военный музей явно не испытывал недостатка в экспонатах. Конечно, Виталий и сам являлся страстным коллекционером (чего только стоили, здоровенное противотанковое ружье и целый, хотя и поржавевший, станковый пулемет), поэтому ясно, почему в школьный музей попадали не самые ценные экспонаты.

А в отличие от Копанского леса, озерно-болотистая местность, из-за своей труднодоступности, была в этом отношении исследована нами крайне мало. Только однажды зимой, Виталий не поленился и, изучая замерзшие озера, а также пользуясь относительно легкой, благодаря льду, доступности островков, зашел очень далеко вглубь плавней. Летом туда практически никто не заплывал, так как рыба ловилась достаточно хорошо и поближе, охота также, а вот заблудиться в бесчисленных протоках или напороться на подводную корягу, на малоизученных местах, можно было наверняка. Виталий же, заметил, явно перспективную, слегка заросшую камышом протоку, и если летом немного потрудиться, вырывая камыш, то можно всего за два-три часа добраться до достаточно большого подковообразного озера, где много крупной, не пуганной сетями рыбы. Почти в центре озера, и находился наш островок, приблизительно метров 500 длиной и 300 шириной, сплошь заросший деревьями и кустарником. И хотя, времени оставалось мало, так как начинало быстро темнеть, Виталя, все же решил его изучить, невзирая на сильную усталость. Домой же он пришел только поздней ночью, из-за чего дома произошел скандал. Но настроение у Виталия было очень хорошее и даже домашний скандал не смог его омрачить.

Правда, на следующий день у него начался грипп, вследствие чего он всю неделю провалялся в постели. Когда же здоровье стало улучшаться, мы пришли его проведать, и тут Виталий рассказал нам, что он, наверное, нашел на острове военный блиндаж. Мы, конечно, засомневались, но Виталий продолжал убеждать, утверждая, что если это и не блиндаж, то наверняка очень

хорошая, видимо офицерская, землянка. А во внутрь проникнуть не удалось, потому как, все завалено землей и какими-то старыми деревьями, и вообще надо раскапывать, а зимой, в мороз, это крайне трудно. В отличие от Виталия и Ярослава, я, в общем, то не любитель подобных занятий, тем более зимой, спросил его, с чего это он, вообще взял, что там землянка. Виталий занервничал и сказал, что точно видел остаток толстой ржавой трубы, торчащей из-под земли. А в том глухом месте, просто так торчать ни будет никакая труба, значит, это может быть только землянка и если хорошенько покопать, то можно отрыть заваленный вход. Далее спорить я не стал, и правильно, так как спустя всего несколько дней, началась оттепель, поэтому отправиться копать было невозможно. Весной тоже не получалось, выбраться в такую, хоть и местную, но все же глушь; ведь что бы провести время с пользой, надо хорошенько подготовиться и остаться там, на несколько свободных дней, с ночевкой. А ночевать было холодно, да и собраться все на такое, относительно длительное время, не могли.

Потом возникла идея поехать на рыбалку и взять с собой трансивер, который правда, еще надо было собрать, и хотя я знал озеро, где рыба ловится очень хорошо (это, в основном, толстые полукилограммовые караси), мы решили, несколько усложнив проект и основательно подготовившись, отправиться на поиски таинственной землянки, а за одно и неплохо отдохнуть, наслаждаясь прекрасной рыбной ловлей по утрам и слушая чистый, без QRMов, эфир по вечерам. Конечно, на какие-то особые связи не рассчитывали (у всех 4 категория), но рассказать друзьям и знакомым по эфиру, как мы здесь клево проводим время (ловим рыбу, варим уху, экспериментируем с антеннами и т. п.) - чрезвычайно заманчиво. А Виталию и Ярославу, скорее всего, еще заманчивее было, найти и раскопать военный блиндаж, добыв разнообразные музейные трофеи.

К военным штучкам питал определенную слабость и Генка, но поучаствовать в этом увлекательном проекте не имел возможности. Поэтому он, по плану, оказывал нам информационно-координирующую поддержку, держа в курсе событий. Тем более что для этой цели, он изготовил специально для нас, переносной телевизионный передатчик, а в качестве приемника, снабдил экспедицию специально переделанным 12ти вольтовым телевизором "Электроника". Доставить это интересное оборудование на островок, предполагалась вторым рейсом.

Телевизионный передатчик являлся нашей совместной разработкой. Схема не отличалась какой-либо особой сложностью, по сравнению с традиционными УКВ SSB передатчиками. Он работал на частоте 57 МГц, с кварцевой стабилизацией несущей ТВ сигнала. Задающий генератор возбуждался приблизительно на 19 МГц, с последующим умножением частоты до требуемого значения. Далее, сигнал несущей 57 МГц, поступал в двухтактный смеситель на 2х КП 350, на второй вход которого, через соответствующие цепи коррекции, подавался видеосигнал с небольшой черно- белой телекамеры (такого типа, как в метро, с возможностью питания от 12 вольт.), а при необходимости и с видеомэгнитофона или со "Спектрума". Сформированный АМ телевизионный сигнал, через пятизвенный LC фильтр, выделяющий верхнюю боковую полосу ТВ сигнала и ослабляющий нижнюю, поступал на блок предварительного линейного усилителя, а затем на линейный усилитель мощности - КТ610 и КТ920 соответственно. Для формирования звукового сопровождения имелся LC генератор 6.5 МГц, модулированный по частоте звуковым НЧ сигналом. ЧМ сигнал 6.5 МГц, через буферный каскад, подавался на аналогичный двухтактный смеситель (КП350), на второй вход которого, поступал сигнал несущей 57 МГц с умножителя частоты. На выходе смесителя получался суммарный ЧМ сигнал равный 63.5 МГц и являющийся ТВ звуковым сопровождением, который, пройдя LC фильтр на 63.5 МГц, линейно усиливался до необходимого (1:10) уровня, и через дифференциальный ВЧ трансформатор подавался на базу КТ610 усилителя мощности. На выходе передатчик имел несложное согласующее устройство и индикатор мощности. От 12ти вольт, мощность в антенне достигала 2.7 - 3 Вт, чего вполне хватало для работы видеотелефона до 10 км на полуволновой диполь.

Конструктивно телевизионный передатчик, был смонтирован во влагонепроницаемом корпусе от радиостанции Р-105м, специально для походных условий. То есть, в случае непогоды, можно плотно закрыть лицевую панель и аккумуляторный отсек, специальными крышками с резиновой прокладкой. Для питания применялся набор относительно небольших, по сравнению с родными военными, герметичных щелочных аккумуляторов, общим напряжением 12.5 в и емкостью 8а. Сам аппарат потреблял ток около 1 ампера, а маленький телевизор "Электроника" - приблизительно 1.5 а. В общем, видеотелефон, передатчик и телевизионный приемник совместно, имели время непрерывной работы чуть более трех часов. Ну, а теперь вернемся к сути рассказа. Как видно, основные наши надежды были направлены к радиостанциям "Недра". А пока они, на всякий

случай, подсыхали на солнышке, мы думали как бы лучше удалить оставшихся пиявок с Петькиной ноги. И тут я вспомнил, что у меня, как у любителя ловли поплавочной удочкой, должен находиться в кармане военного пиджака, небольшой пинцет, для удобного извлечения крючка со рта рыбы. Этот пинцет, кроме основного назначения, выполнял еще такие полезные функции, как удаление попавших под кожу заноз, и крючков зацепившихся за одежду. Вот и сейчас, осторожно манипулируя пинцетом, удалось аккуратно удалить оставшийся конец порванной пиявки, а также и двух целых; за что удрученный Петька остался весьма благодарен, так как Виталий, вообще предлагал для этой цели воспользоваться зажигалкой. Затем, плеснув из целлофанового кулька водой, обмыли ногу, пшикнув на последок тройным одеколоном, прихваченного для отпугивания комаров.

Еще спустя пол часа, решили, что уже подсохли "Недры" и, подключив куликовку, подали питание, клацнув переключателем. Приемник действительно заработал, а передатчик вел себя как-то ненормально, то работал, то нет. Решив разобраться с этим потом, взяли вторую радиостанцию, она вела себя вполне нормально, как на прием, так и на передачу. Установивши частоту на 28.600 МГц +/- 1кГц, начали, сильно волнуясь, вызывать Генку и Ярослава. Но, увы! В ответ динамик гарнитуры лишь мерно шумел и иногда потрескивал. Переключив на 1,8 МГц, отметили, что треск является ни чем иным, как дальними разрядами грозы.

- Ну вот, нам как раз грозы и не хватало! - произнес Виталий, с досадой отбросив гарнитуру. - Ну и че нам теперь делать? У нас-то и так одежда еще не высохла, и связаться не можем, а если даже мы и поднимем со дна сумку с проволокой, то на 160 метров в грозу нас никто слушать не будет, и на десятке пусто. И придется нам кукарекать аж до завтрашнего вечера!

- Подожди Виталя, не горячись, - ответил я. - Думаю, у нас еще есть время. Смотри, солнце нормально светит, туч не видно, а разряды летом и так все время хлопают. Подождем, тем более что до вечера еще далеко. А связаться успеем, главное "Недры" работают. Другое дело, связаться надо, в нашей ситуации, чем быстрее, тем лучше. Поэтому предлагаю план: пусть Петька, раз он покусанный пиявками, берет радиостанцию, залазит на этот клен и кричит на десятке, а мы будем нырять, пока есть силы.

- Да-а-а, план хорош, - протянул Виталя с иронией, только он был бы значительно лучше, если б этот чертов Петька полез в озеро нырять, тем более ему терять нечего, раз он и так покусанный пиявками, как ты Валера говоришь. А я тогда, сам бы залез на клен и кричал, что есть силы, и не только в микрофон, в рупор, если бы он был, кричал; жаль только, кричи, не кричи, а черта с два, тебя кто ни будь, услышит на куликовку.

- Да нет, же! Говорю тебе, должно быть слышно! Я сам проверял недавно на рыбалке. Это было хотя и поближе, но слышно нормально, следовательно, и здесь, пусть и плохо, но должно быть слышно. А Генки дома, как и Ярослава, очень даже может и не быть, тем более в это время. Так что, пусть Петька периодически кричит, а мы достанем инструменты и трансивер, да если повезет, еще чего-нибудь.

- Нам крупно повезет, если мы достанем Петькины очки! - с издевкой произнес Виталя и зло пнул валяющуюся рядом ветку, полез в воду, поднимая муляку со дна.

Проинструктировав Петьку, как обращаться с "Недрой" и что говорить, я посадил его на дерево, предупредив, что если он в ней что-нибудь сломает, тогда пусть лучше забудет вниз дорогу и не слзлит с дерева, пока не упадет. Но, видимо, чувство, своего рода, экстремальных условий, заблокировало Петькину способность ломать и на этот раз он действительно, ничего не испортил.

В месте потопления нашей надувной лодки, глубина озера равнялась чуть более двух метров, и, задержав дыхание, можно продержаться под водой секунд тридцать - сорок. Маски у нас не имелось, поэтому приходилось, открывши глаза в воде, сразу же их закрывать, так как во время ощупывания дна поднималась густая илистая жижа, зачерняя все вокруг. Поднятые сумки, прикреплялись к плавучему куску ствола, с упавшего в воду дерева. И так, за несколько ходок, нам удалось поднять и отбуксировать на остров практически все сумки. Определенную тревогу вызывали утонувшие аккумулятор и трансивер. Аккумулятор был очень хороший, импортный автомобильный, сухогерметичный, т. е. он не нуждался в смене электролита. Его емкость равнялась 60 а/ч, но мы, все же, беспокоились, что в воде он разрядится. В отличие от трансивера, аккумулятор удалось нащупать сразу, а вот поднять его, было не в наших силах. С

трансивером же, намного хуже - его вообще не удалось обнаружить. Особенно удручало осознание факта, что в утонувшем аппарате установлен чужой электромеханический фильтр и бросить его "на дне глубоком" совершенно невозможно.

На берегу нас ожидало радостное событие: оказывается Петька связался с Ярославом, но сделал это, как всегда, по-своему. Сначала он, как ему и было поручено, передавал Виталин позывной и позывной Ярослава, а затем слушал, ответит ли кто. Потом ему, минут через десять, надоело это, по его мнению, тупое занятие, и он решил, что раз уж дали микрофон, то надо найти ему более конкретное применение, чем безтолку выкрикивать никому неинтересные имена- позывные. И, чтобы не скучать, стал рассказывать в эфире анекдоты про Чапаева, вставляя между ними наши позывные. А получилось так, что его услышал СВ - шник Сергей, проживающий в соседнем поселке и имеющий направленную антенну "Двойной Квадрат" на 27 мГц, а также хорошую радиостанцию "АЛАН", с диапазоном частот до 31.5 мГц с SSB. Он планировал получить позывной, поэтому часто прослушивал любительский десятиметровый диапазон. Вот и наткнулся на Петькины анекдоты. Конечно, он знал наши позывные, так как мы часто общались с ним на СВ, посредством популярной в то время радиостанции "Президент Горбачев" (P-123). Дома у него находился "АЛАН", а всех своих многочисленных родственников, он снабдил, для оперативной связи, двадцатью третьими, поскольку "американских президентов" (дорогих СВ радиостанций с SSB) на всех не настачишься. В наших беседах, мы часто обсуждали варианты модернизации P-123их и возможности внедрения однополосной модуляции, сформированной фазовым методом.

Так вот, услышав на 28.600 подозрительный голос, который рассказывал на фоне квакающих жаб и поющих птиц анекдоты, с известными ему позывными, он, недолго думая, позвонил по телефону Ярославу. Ярослава дома не было, но буквально минут через десять, придя домой, он перезвонил Сергею, узнав о звонке от домашних. Кратко переговорив по телефону, Ярослав включил трансивер и действительно услышал Петькин голос, пробивающийся сквозь шум и помехи. Когда же тот перешел на прием, Ярослав спросил, где все остальные.

- Остальные в озере ныряют, - ответил Петька, а я на дереве сижу, а еще сильно кусают комары и пиявки.
- Кого кусают пиявки?
- Меня кусают пиявки.
- Не понял, повтори, где находишься.
- На дереве, на де-ре-ве. Принял?
- Что-то я не пойму, - ответил Ярослав, а кого кусают комары, Виталин что ли? А Валера, где? В озере плавают?
- Нет, не-е-т. В озере плавают все, все-е-е. А комары кусают меня, ме-е-ня. Лодка пе-ре-в-ну-лась. Все у-то-ну-ло. Срочно приплывайте, а то нам тут совсем.

Со временем, Ярославу таки удалось выяснить подробности, и, приказав Петьке оставаться на связи, он, что есть духу, помчался до Генки. Генку нашел в гараже, где тот, включив мощный трехфазный наждак, точил лопаты и ножи. Узнав о происшествии, бросил инструменты, закрыл гараж и вместе с Ярославом поспешил во флигель, к трансиверу; тем более что подходило, предварительно договоренное время выхода на связь.

Там у Геннадия находились, на данное время, радиохулиганская АМ радиостанция и переделанная "НЕДРА" с любительскими 10 и 160 метров диапазонами (как и у нас), а также, два телевизионных передатчика: один - стационарный, и другой, как я уже рассказывал - переносной. Для "НЕДРЫ", он использовал антенну бегущей волны длиной 38 метров, нагруженной на резистор, работающей в десятиметровом диапазоне. Антенна имела направление в сторону озер и Ярослава, с Генкиной радиостанции, было слышно не хуже чем из дому.

Во время сеанса связи (я уже забрал у Петьки "НЕДРУ") выяснилось, что на куликовку вполне удовлетворительная слышимость не только на дереве, но и на земле, особенно, если подобрать соответствующее положение радиостанции в пространстве. Обсудивши с товарищами последующие действия, пришли к такому плану: ребята, все что нужно, тщательно упаковывают, не забыв при этом подводные маски, трубки и очки; затем идут к одному нашему знакомому и всеми правдами и неправдами, выпрашивают большую надувную лодку, а рано утром приплывают к нам. Связь будем поддерживать "НЕДРАми" на 28.600 кГц.

Переговорив с друзьями, мы, очень довольные, одели уже просохшую одежду и начали готовиться к ночлегу. Первым делом, разожгли большой костер, используя поднятые со дна пилу и топоры для приготовления необходимого запаса дров. Потом, Виталий с братом, используя длинные ореховые палки и клеенку-тент, соорудили просторную будку, в которой можно спокойно переночевать, даже если начнется сильный дождь. А пока они натягивали клеенку, я взял тесак и нарубил камышей для настила. Выложив настил, сверху, поверх камышей, расстелили подсохшее одеяло и фуфайки. Получилось тепло и уютно.

Когда стемнело, начал накрапать спокойный ровный дождик, напоминающий осеннюю мрячку. Нам, конечно, повезло, что гроза, бушевавшая за несколько десятков километров, прошла стороной, потому что сильного ураганного ветра наша клееночная будка, наверное, не выдержала бы. Чтобы не мокнуть под дождем, мы решили не варить традиционный суп-кондер, а ограничиться чаем и консервами. Когда же чайник закипел, я затащил его в будку и принялся заваривать чай, а Виталя извлеки из нестабильно работающей другой "НЕДРЫ" аккумулятор, соорудил удобное освещение. Вход в будку мы привалили небольшим бревном, оставив достаточное отверстие для доступа свежего воздуха. А что бы к нам не набивались комары, закрыли его марлевой тряпкой. Вообще, все было готово. Внутри - сухо, тепло, светло и уютно, плюс накрыт импровизированный столик, главной достопримечательностью которого, являлся, заваривающийся в походном чайнике чай, готовый переключать в наши армейские кружки. Снаружи же - дождь, сырость, комары.

И вот, разливая очередную порцию крепкого чая, рассказал я товарищам одну "чайную" историю. Историю эту, мне поведал один знакомый, который работал на заготовке древесного угля в лесхозе.

Работали они бригадами, по 15-20 человек. Работа заключалась в очистке леса от старых засохших, упавших и больных деревьев. Днем они трудились, распиливая стволы и загружая их в печи, установленные на опушке и по своему виду напоминающие "Пепелацы" из популярного фильма "Кин-дза-дза". А вечером, отдыхали, в основном распивая крепкие спиртные напитки местного "home made" производства. В такие вечера, количество находящихся на территории производства древесного угля людей, резко увеличивалось, потому, как, приходили к ним совместно провести вечернее время, подальше от своих ворчливых жен, другие работники лесхоза, расположенного за пару километров. За это многие и любили данную работу, где, невзирая на тяжкий дневной труд, вечер был легкий и веселый. Но все же, утро, встречало работников пилы и топора, тяжелым похмельным синдромом. Тогда, взявши кружку, котелок или стакан, угрюмые мужики, постепенно подтягивались к здоровому, кипящему на слабом огне, котлу.

Этот армейский тридцатилитровый котел, с плотно закрывающейся откидной крышкой, разогревался каждое утро, очередным дежурным. Разогреть его требовалось очень аккуратно, внимательно следя, что бы он, точнее его содержимое, набрав высокую температуру, не закипало, находясь в предкипящем состоянии. А содержимое этого спасительного котла, составляло ни что иное, как всевозможная чайная заварка, с помощью которой и снимали мужики сильный похмельный синдром. По мере истощения крепости, старая заварка не выбрасывалась, а каждый день, в течение недели, в котел засыпалась новая пачка. И только по прошествию шести-семи суток, он хорошенько вымывался, и цикл начинался сначала.

В очередной веселый вечер, между моим знакомым и лесхозовским кузнецом, после употребления изрядного количества самогона, завязался спор на историко-политической почве. Мой знакомый являлся заядлым коммунистом, противником любой частной собственности, а кузнец частником, и даже по его угрюмому, исподлобья, взгляду, скажешь - вот он, кулак! Спорили они долго, каждый доказывал свою собственную правоту. Но когда мой знакомый, обозвал его покойного деда "Махновской мордой", а самого кузнеца "недобитым отпрыском банды Козолупа", то терпение последнего закончилось окончательно и он встал из-за стола, яростно сжимая кулаки и громко ругаясь. При других обстоятельствах, кузнец не раздумывая, начистил бы обидчику физиономию, но здесь делать это, учитывая превосходящую численность противника (работников чистки леса), было явно нецелесообразно. Поэтому, поругавшись, он допил стакан и, достав карманный фонарь, пошатываясь, направился домой по лесной дороге.

Спустя несколько дней, кузнец снова посетил вечернюю гулянку, прихватив из дому трехлитровую банку самогона и "торбынку" с салом. Ну, мой знакомый и подумал, что он пришел мириться. Только кузнец был какой-то не разговорчивый, пил мало, пел неохотно. А поздней ночью, когда практически все разошлись по вагончикам спать, начал собираться домой, но, проходя мимо

чайного котла, задержался. Далее, внимательно осмотрелся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, достал из сумки пыльные резиновые подошвы, срезанные со старых кирзовых сапог, которые он, открыв тяжелую крышку котла, аккуратно занурил на самое дно.

Как потом выяснилось, эти подошвы, кипятились вместе с заваркой, целых четыре дня, пока мужики не заметили, что чай (и без того сами знаете, какой), стал почему-то отдавать странным, ядовито-горьким вкусом. Сначала грешили на недавно купленные на базаре, последние несколько пачек китайского чая, но, со временем, вкус стал чрезмерно отвратителен, а из чайного котла начал пробиваться специфический, похожий на гуталиновый запах. Тогда пить больше не стали и, отбросив кружки в стороны, несколько работников, перевернули злощастный котел, вывалив содержимое в канаву. И какого же было их удивление, когда вместе с заваркой, они увидели, парующие, еще горячие подошвы!

Такую, вот историю, рассказал я товарищам, во время нашего ночного чаепития. Прослушав ее до конца, Виталья, заливаясь со смеху, налил себе еще чая, и я тоже, а Петька отказался, ссылаясь на то, что у него, что-то заболел живот и ему больше чая не хочется. А, спустя еще полчаса мы, закутавшись в фуфайки и одеяла, улеглись спать, быстро уснув под шелест дождя и стук падающих на клеенку капель.

***

Секретный блиндаж

Первым проснулся Петька. Слегка содрогаясь от прохлады, он высунул из-под одеяла руку и стал шарить, пытаясь по привычке нащупать свои очки. Но, ничего не обнаружив, медленно привстал, потирая заспанные глаза и соображая, где же это он находится. Через некоторое время, немного очнувшись ото сна, потянулся к стоящему у входа чайнику, что бы, отхлебнув пару глотков, подбодриться. Утренняя прохлада разбудила и меня, но мне вставать еще не хотелось, поэтому, закутавшись посильнее в фуфайку, я наблюдал за Петькиными действиями. А когда он, присосавшись к горлышку, начал втягивать чай, я, вкрадчивым голосом, спросил:

- Ну что, Петька, понравилась тебе моя вчерашняя история про лесорубов?

Петька на секунду задумался, перестав булькать чайником, а затем, громко харкнув, сильно поперхнулся, обливая чаем уже просыпающегося Виталия. Виталий сразу вскочил, выхватил у него чайник и, возмущенно заорал:

- Че, ты, тянешь?! Че, ты, тянешь! Не умеешь, не берись! Дегенераты и аристократы шампанское по утрам пьют, а он чая нормально потянуть не может! Дай сюда, смотри как надо!

И, глубоко выдохнув, стал не отрываясь пить из чайника. Но, сделав с десяток мощных глотков, тоже подавился. Когда же он откашлялся, выяснилось, что во время демонстрации процесса чаепития с «горла», в чайнике закончился чай и Виталий, просто-напросто, подавился оставшейся на дне заваркой. Тогда, опять ругая Петьку, что тот выхлестал весь чай, он, выбросив наружу пустой чайник, начал вылезать из будки.

Утро нас встретило разноголосым пением птиц, громким кваканьем лягушек и дикими укусами комаров. Остров полностью заволкло плотным молочным покрывалом и Виталий, выбравшись наружу, ходил во круг лагеря, словно ежик в тумане. Первая наша мысль – разжечь костер и, как можно, быстрее. Но сделать это обычным способом очень непросто, учитывая ночной дождь и утреннюю влагу. Поэтому, пришлось сжечь почти все, подсохшие после вчерашней катастрофы, газеты. Петька, который планировал их сначала перечитать, начал возмущаться и протестовать, предлагая спалить журналы «Радио», упирая на то, что они тоже подсохли. Эти старинные журналы, я специально отобрал, что бы потом, удобно расположившись у костра, не спеша полистать, рассматривая всяческие схемки и различные статьи, попивая при этом, еще горячий чаек, искусно приготовленный в котелке и дымом пахнущий.

- Ну, давай хотя бы, сначала спалим листы, из рубрики «Ленин и Радио» и всякие там съезды с пятилетками, зачем они, тебе Валера нужны? – клянчил Петька.
- Я тебе спалю съезды! Я тебе спалю рубрики! Мало того, что пустил на дно лодку, так он еще и над моими журналами надругаться хочет! А ну быстро сюда тащи, свои никчемные газетки, будем жечь, покуда не распалим!

Петьке деваться было некуда, и он с видом обреченного на казнь человека, принес сумку с газетами. Мы же с Виталием, явно злорадствуя, начали разжигать огонь, из самых, с нашей точки зрения наиболее интересных, газет. А когда наши усилия увенчались успехом и костер, дымившийся в холостую, стал весело потрескивать, поедая подсохшие ветки, то от толстой и некогда полной газетной кучи, осталась только тоненькая стопочка.

Отогревшись у костра, напомнили набундючившимся Петьке, что аккумулятор и трансивер пока еще находятся на дне, причем первый невозможно поднять, а второй – обнаружить. Тогда Петька, словно по взмаху волшебной палочки, сразу сменил обидчиво-кислую мину на радостно-услужливое выражение лица. И когда я предложил ему топор, он, невзирая на сплошную росу и сырость, с радостью помчался рубить старое дерево. А мы с Виталей, включивши «НЕДРУ», занялись приготовлением пищи, ожидая сигналов от друзей. На завтрак решили не давиться консервами, а приготовить походный суп-кондер со всеми атрибутами, правда, намочив вчера лавровый лист, несколько снижал качество, но зато у нас находилась целая майонезная банка перца, и также полулитровая, с хреном, абсолютно герметичные и не намочившие. А, как говорил, Денис Кораблев, с хреном все можно съесть.

Приблизительно часа через полтора, суп был готов, и я позвал Петьку, который все еще рубил засохшее дерево. Тот пришел сразу, но без топора. А когда Виталий спросил, где же топор, он ответил, что рубить осталось немного, поэтому топор остался в дереве. А дерево находилось от лагеря, метров эдак 50-60 и Виталий попросил все же принести топор, так как он может понадобится. Но Петька уже снял на просушку, подмокшие от росы кроссовки и возвращаться ему не хотелось. Он сказал, что принесет потом, когда поест.

Тем временем, суп, разлитый по металлическим мискам, слегка поостыл и, можно было, приступить к еде. Я подсыпал в миску немного перца, Петька тоже, а Виталий, по привычке, наложил хрена. Но, он забыл, что все наши батоны размокли в озере, следовательно, придется, есть без хлеба. А доза положенного им хрена была большая и когда Виталий ел суп, то у него текли слезы, которые он, после нескольких глотков, вытирал носовым платочком.

Когда мы уже доедали суп, вдруг ожила висящая на дереве «НЕДРА» и сквозь шуму стал пробиваться голос Ярослава. Но, по мере движения лодки слова обрывались, потом связь исчезла совсем, а спустя еще пять минут, мы получили довольно устойчивый, баллов на 6-7 сигнал. Оказалось, ребята нас слышали, но также плохо. Тогда они установили между сумками пятиметровый стеклопластиковый телескоп (удочку), на верхний конец которого прикрепили провод, подключив его к радиостанции. Иногда они проплывали сквозь узкие протоки между островками и чтобы не цепляться за свисающие ветви деревьев, опускали телескоп в горизонтальное положение, сильно ухудшая связь. Плыли около четырех часов, часто консультируясь куда лучше заплывать.

Установив радиосвязь, так сказать, с технической точки зрения, Ярославу захотелось, не откладывая, заняться радиолюбительством прямо в лодке. И пока Генка греб, умело варьируя между корягами, Ярослав достал ящик с радиодетальями и, подключив к аккумулятору 12ти вольтовый паяльник, принялся паять переходник с разъемом СР-50, чтобы состыковать «НЕДРУ» и усилитель на 160 метров. Усилитель на ГУ-29 предназначался для трансивера (что утонул) и напрямую подключить его к «НЕДРЕ» было затруднительно. Напомню, что «НЕДРЫ» являлись переделанными, с диапазонами 160м (3 канала, кварцы) и 10м (кварцы с подстройкой), SSB.

По обоюдной договоренности, переключили радиостанцию на 1.8 мГц и стали ждать. И действительно, через пол часа из «НЕДРЫ» раздался чистый громкий голос Ярослава. Кроме того, что сигнал стал весьма сильный, так он еще и не был подвержен, в отличие от 10 метров, замираниям во время движения лодки. Правда, за прошедшее время, лодка уже проплыла половину пути, но озерно-болотистая лесная местность, все еще сильно ослабляла сигналы десятиметрового диапазона и переход на 160 метров, тем более с усилителем давал существенный выигрыш по напряженности поля. Нас Ярослав принимал на 160 неплохо и без усилителя, так как приемники «НЕДРЫ», особенно после переделки, обладали хорошей чувствительностью, что и позволяло нормально работать на куликовку. Конечно, сигнал Ярослава,

с лодки, звучал очень громко, но зато у нас радиостанция не перемещалась, а, как известно, энергетические показатели приема и передачи не равны; на малоэффективную антенну передавать значительно труднее, чем принимать. К тому же, у нас кроме куликовки, было заземление, а у Ярослава не было. Но самое главное, передачу с лодки неплохо принимали и другие радиолюбители районного масштаба, некоторые даже не верили, что станция мобильная и работает на пятиметровый удочный телескоп. Нас же, кроме наших товарищей, практически никто не принимал, а мы всех корреспондентов слышали нормально.

В общем, слушали-слушали, а потом у Виталия взыграло самолюбие и он таки решил распутать, запутавшуюся при подъеме проволочную антенну. Антенна была свернута колечками, а когда ее поднимали со дна, размоталась и, в итоге, запуталась. Поэтому мы и работали на куликовку, так как резать провод не хотелось, а подключить «черте что» боялись, дабы не сжечь выходной транзистор радиостанции. Распутывали мы ее целый час, пока не получился длинный луч, приблизительно 74 метра. Получится-то, он получился, но валялся на траве, и растянуть его было некуда. Тогда я предложил натянуть антенну на стоящее неподалеку, около 100 метров, засохшее дерево. Дерево находилось в воде, точнее на затопленном камышовом островке, несколько левее от места нашей стоянки. И если пройти вдоль берега влево, то до него будет метров тридцать, а прямо от лагеря не меньше ста, что нас вполне устраивало. Оставалось только решить, кто же поплывет ее вешать.

- Ну, раз тебе так не терпится провести QSO, то тебе и провод в руки! – лукаво предложил я Виталию и начал усиленно драить песком закопченный чайник.

Виталия, сначала было, посмотрел на перешнуровывающего кроссовок Петьку, а потом на замазанный остатками супа котелок, и лежащие в нем, невымытые тарелки. И, видимо поняв, что я занят очень важным делом, а Петьке, естественно, доверять подобную операцию, совершенно противопоказано, тихо вздохнул, смотал провод и поплыл к дереву.

Минут через двадцать, он вернулся, с проволочным концом в руке. Тогда я, взял капроновую веревку и влез на самый высокий, на территории лагеря, клен. Потом Виталий, отсчитав метров пятнадцать от конца антенны, сделал небольшую петельку, за которую и зацепил спущенную мной с дерева, веревку. Я веревку подтянул, и получилась традиционная, Г-образная антенна, 10-13 метров в высоту и 60 в длину.

Когда антенну подключили к радиостанции, наши друзья находились не более километра от острова. Виталий сразу начал вызывать на общий вызов и первым ему ответил, естественно, Ярослав. Слышимость, конечно, была громобойная. Выяснилось, что они, в данное время, не плывут, а отдыхают, решив немного перекусить на каком-то островке. Пожелав приятного аппетита, Виталий предупредил, что бы они, не наедались от пуза, так как Валера, т.е. я, уже взял большую сковородку и собирается «профессионально», с лучком и чесночком, нажарить картошечки, в честь приезда долгожданных «спасительных» гостей. А шашлыков не будет, они утонули. Ребята ответили, что не беда, они об этом знают, так как Петька, когда его спросили, что же утонуло конкретно, первым делом уведомил, что утонули его любимые, долгожданные шашлыки. Так что они, как раз, замочили «аварийный запас» и везут их в бидончике, вместе с «железяками».

- А-а-а шашлычки мои-и, шашлычки! – радостно запел Петька, услышав это, затем подорвался, и стал возбужденно бегать у костра, без надобности подбрасывая дрова.

Это привело к тому, что поставленная на специальную решетку в костре, сковородка, начала перегреваться и дымить, поэтому налитое в картофель подсолнечное масло – пыхнуло и загорелось.

- Тормоз!!! Ну и тормоз! – неистово заорал Виталия, увидев первым, как поставленная было на жар картошка, пылает и трещит, выстреливая со сковородки.

Причем добраться до огнедышащей сковороды, рискуя получить ожог, оказалось весьма нелегким делом. Тогда я, набросив лежащее в будке одеяло, полез в огонь, потому что, считал себя виноватым, раз отвлекся и не усмотрел. Короче, быстро выхватил горящую картошку и сразу вывалил ее в рядом стоящий котел, а затем, плотно накрыл крышкой и одеялом. В общем, картошка потом получилась, правда, несколько подгоревшая и не такая вкусная, как предполагалось.

Наше, опять упавшее настроение, восстановилось только по прибытию друзей. Словно корабль-призрак, тихо появилась в озере, vyplывая из поросшей камышом протоки, большая надувная

лодка, загруженная до самых краев сумками и ящиками, с гордо возвышающемся пятиметровым телескопом, на вершине которого, красовался, играя по ветру, импровизированный флаг. Флаг мы заметили издали, и, достав с Виталиного рюкзака хороший военный бинокль, принялись рассматривать его по очереди.

Флаг нарисовал, по просьбе Ярослава, его старший брат, который увлекался живописью и любил порисовать на досуге всякие абстрактные вещи. Ярослав же, решив не утруждать себя объяснениями, а заодно не забивать голову брата техническими подробностями, кратко описал цель экспедиции и попросил его изобразить с юмором что-нибудь по теме. Когда же до подплывающей лодки оставалось не более десяти метров, мы рассмотрели творение во «всей его красе» - на светло-зеленом, слегка камуфлированном фоне, большими темно-синими буквами, сверху, имелась надпись: «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАДИОЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ВОЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ»; а снизу красовался белоснежно-белый череп, в черной немецкой каске, с традиционно перекрещенными, но не костью, а киркой и лопатой.

На наш шуточный вопрос «Откуда такая крутизна?», Ярослав рассказал, что когда первый раз увидел рисунок, то целую минуту думал, что же ответить, ожидающему оценки, брату.

- Слушай, Костя, красиво нарисовано, но знаешь, как-то сильно броско, прямо-таки милитаризм какой-то.
- Ну, а вы что, на раскопки собираетесь, или бабочек ловить? Или, может, это у меня вся шифоньерка ржавым хламом завалена? И это я слышу от человека, который за какой-то старый немецкий значок отдал хороший магнитофон!

С магнитофоном Ярослава доставали все родственники и лишней раз про это слушать, он не хотел. И, немного с раздражением, продолжил:

- Это ты, Костя, что называется, спутал «гришнэ з правэдным», такую серьезную надпись, и такой прикольный рисунок, вместе слепил. Надо или надпись упростить, или рисунок упростить.
- Да ладно! Скажи лучше, что вы просто комплексуете, боитесь лишней раз внимание привлечь!
- Хорошо, давай сюда свой крутой флаг. Будем рыбакам мозги парить.

Я, в общем, так и не понял, что имел в виду Ярослав, собираясь «рыбакам мозги парить» и предложил заканчивать болтать, а лучше побыстрее разгрузить, такую, очень долгожданную, лодку.

Первым делом выгрузили сумки, ящики и мешок, а затем, доставшийся страшно детективным путем у родственников Ярослава, еще один аккумулятор. Но, не буду отбивать хлеб у Остапа Бендера, раскрывая многочисленные относительно честные способы добычи дорогих аккумуляторов у бедных родственников. Аккумулятор стоял на деревянной перекладине поперек лодки, и транспортировать его как-либо иначе, ребята не решились, рискуя прорвать нежное резиновое дно. Поэтому его, величественно, словно царя на троне, Виталий и я понесли в лагерь, осторожно взявшись за края деревянной перекладины.

- Ух, клево тут у вас! – произнес Генка, разминая затекшие ноги на берегу. Жаль, не могу остаться. А то я побродил бы по чащам, в поисках военных, так сказать, сокровищ!

- Да-а, вот сидишь ты, Гена, дома, а все наши радиолюбители по озерам разбежались, сокровища ищут! – продолжил я, вспомнив известное произведение и хитро поглядывая на Виталия с Ярославом.
- Заметьте, свои сокровища, свои! – подыграл Виталия далее.
- Нет, не свои! – не сдавался я, цитируя произведение.
- Как это не свои? А чьи же? Кто нашел место? – продолжал Виталий, наблюдая как Генка, спокойно жуящий бутерброд, вдруг закашлялся, слегка поперхнувшись со смеху.
- Национализированные! – гордо произнес я, умело копируя отца Федора.

Тут Виталий, уже и сам едва сдерживаясь чтобы не рассмеяться, спросил:

- Так может ты, Валера, еще и комсомолец?

- Да ну вас, дураки! Дайте же человеку прожевать спокойно! – прервал наш импровизированный спектакль Генка, в очередной раз подавившись бутербродом. Устроили тут Гамлета, понимаешь! А ведь человек пять часов веслами вкалывал, без крошки во рту подвиг совершил, по спортивному ориентированию среди этих дурацких протоков, в которых сам черт сломает ногу, а не то, что нормальный радиолобитель проплывет! – Чаво ржете? – не унимался Генка, видя что все смеются, с интересом наблюдая, как он пытается восстановить упавший маслом вниз свой недоеденный бутерброд.
- Слышь, Валера, давай мне новый бутерброд. Засмешили, блин, человека и довольны. Ну, ничего. Вот я посмеюсь, сидя дома на диване и спокойно наблюдая по телеку, как вы тут будете лазить с телекамерой по чащобам, и кормить комаров, в поисках своей, вероятно не существующей, землянки!
- Так ты же, только что жалел, что не сможешь кормить комаров вместе с нами. Завидуешь нам Генка. А я тебе говорил, решай свои дела быстрее, тогда и отдыхали бы вместе, – сказал Виталя, - а так, максимум что мы сможем для тебя сделать, правда, если получится – это включить телепередатчик и показать самое интересное по ходу поисков и раскопок.
- Да, Виталя, тебе хорошо, - мечтательно отметил Генка, - вот найдешь что-нибудь редкостное и если захочешь, выгодно реализуешь, к примеру поменявшись с Васькой на его крутую шашку.

Действительно, Васькина шашка являлась общей мечтой всех коллекционеров «ржавого хлама». Во время, когда Виталя с усердием очищал от ржавчины очередной кусок железа, совершенно непригодного, как и все остальные находки к чему-либо, везучий Васька натирал до блеска практически не ржавую, боевую полнофункциональную шашку. Ее он раскопал, в достаточно далеком от поселка Андреевском сосновом бору, где благодаря песчаному грунту, она прекрасно и сохранилась, пролежав 50 лет на двухметровой глубине. А все наши коллекционеры-пацаны постоянно обменивались своими, музейными железками, и чрезвычайно выгодной сделкой было бы, поменять свою находку на Васькину шашку. Но, пока всем попадался, по большому счету, только ржавый металл, бывшего некогда грозным, оружием...

Вдоволь нашутившись и насмеявшись соответственно, решили все же, заняться делом. Начали с планирования дальнейших действий. Итак, на ближайшее время, было решено: первое – настроить телевизионную аппаратуру, пока Гена находится на острове; второе – также совместно починить нашу другую «НЕДРУ»; третье – если останется время, достать утонувшие аккумуляторы и трансивер, используя надувную лодку, так как в противном случае, нам придется строить плот.

Пока разбирали сумки, извлекая всяческие кабели и провода, Ярослав рассказал про бушующие в соседних областях грозы, предупредив, что слышал прогноз, согласно которому гроза приближается и к нам, так что наша клееночная будка – не самое надежное убежище. Гроза наделала много бед, самыми серьезными из которых являются сломанные и поваленные ураганом деревья. Мы же рассчитывали построить вместо клееночной будки, хороший шалаш, из небольших стволов орешника и молодых кленов, а стены внутри защитить камышом, привязанного проволокой к этим стволам. Крышу также планировалось соорудить из камышей, предварительно накрыв сооружение клеенкой. Прослушав подробную лекцию о конструкции шалаша, Ярослав согласился, что это действительно достаточно надежная конструкция, но только когда речь идет о дожде, а нам, возможно, придется встретить сильную грозу с ураганным ветром, чьи шквальные порывы, способны сломать и вывернуть с корнем, не только сухие деревья. Вспомнив о вчерашнем дожде, мы поблагодарили Судьбу, за спокойный ровный дождик, под стук капель которого, приятно было засыпать в теплой клееночной будке.

Слова Ярослава, вызвали у меня тревогу, поэтому я предложил отложить на сегодня, запланированное ныряние, и, проверив аппаратуру, отпустить Гену домой; самим же начать строить шалаш, предварительно срубив несколько сухих деревьев находящихся неподалеку и представляющих, в случае сильного ветра, серьезную опасность. Конечно, заманчиво попытаться достать аккумулятор, обвязав его веревкой и поднимая со дна, находясь при этом в лодке; а что, если потом, начнется ураган и кого-нибудь придавит упавшим сухим деревом? Короче, решили с этим не шутить и хотя, можно было, удобно расположившись на прибрежной травке, расслабиться и позагорать, благо комары на солнце не кусали, мы, все же решили с этим вопросом не откладывать, даже, невзирая на объективно солнечную погоду. В общем, быстренько убедившись, что телевизионный передатчик вполне функционирует, решили отправить Геннадия домой, тем более что наша вторая «НЕДРА» - нормально заработала, видимо, хорошенько просохла. Генка сначала отпирался, хотел помочь нам пилить деревья, но Ярослав убедил его, рассчитав, что плыть ему, даже налегке, выходит не менее трех часов, а за это время может произойти все что

угодно, и если не повезет с грозой, то он также рискует получить упавшим деревом, курсируя среди узких протоков.

Предварительно установив «НЕДРЫ» на 28.600, обоюдно договорившись не болтать без необходимости, дабы сэкономить время, попрощались с Геннадием, отправив его плыть домой и, решив, если все будет нормально, вечером связаться. Далее занялись делом. Я взял пилу и вручил Петьке конец толстого капронового каната, поручив ему, взобраться на дерево и привязать как можно выше, чтобы направлять спиленное дерево при падении.

Виталий, тем временем, полез на следующее сухое дерево, а Ярославу поручил принести топор, который Петька, как всегда беспечно, оставил торчать в недорубленном дереве. Немного пройдя в нужном направлении, Ярослав увидел топор, действительно торчащий в практически на 90% срубленном стволе. Про себя отметив, что вот так усердно рубить и потом, когда все уже практически готово, бросить – додумается только дурак; он подошел к дереву и с силой потянул зажатый в расщелине топор. Дерево заскрипело и затрещало, но, все же, немного наклонившись, осталось стоять. Тогда Ярослав подумал, что хорошо бы, заставить Петьку доделать недоделанную им работу, но решил: нежели чем связываться с нерадивым Петькой, лучше сделать самому. И, размышляя, какие же бывают безответственные люди, отошел немного, стараясь облегчить несколько вспучивший живот, видимо от чрезмерного употребления незрелых кислых яблок, во время следования лодки. Точно не знаю, но, похоже, что Ярослав имел повышенную кислотность желудка и нормальные спелые яблоки, казались ему по вкусу «никакие», как резина, поэтому он употреблял только кислующие незрелые плоды.

В общем, присел Ярослав и начал тужиться, прилагая серьезные усилия, так как роящиеся вокруг полчища комаров, так и норовили искушать за «библейные» места. И как только он напрягся, совершая очередное усилие, за спиной, сначала негромко, послышался треск, а затем, с сильным хрустом и душераздирающим скрипом, прямо на него, рухнуло недорубленное дерево. Благо, Ярослав, расположился по нужде, на таком расстоянии, что упавший ствол его не придавил и не зашиб, а только задел, изрядно исцарапав.

Когда же Ярослав показался в лагере, злой и с топором в руках, то он, крепко сжимая топориче, сразу направился к Петьке, который привязал веревку и спускался с дерева. Петька, почти уже спустившийся, увидев выражение лица Ярослава и интуитивно почувствовавший наступивший час расплаты за очередную выходку, сразу ретировался, полезши вверх со скоростью дикой обезьяны. Ярослав молча подошел к дереву и принялся зло рубать, не реагируя на Петькины возмущения, крики и протесты. Мы с Виталием, сразу догадались в чем, собственно, дело, и едва сдерживая смех, молча, с напускным серьезным видом, смотрели, чтобы Ярослав и правда, не разрубил дерево больше чем надо. Спустя несколько минут, его ярость улеглась и он остановился, размышляя, что же делать дальше. Тогда я подошел и серьезным тоном предложил:

- А вот, Ярослав, смотри, какая еще пила есть! Зверь, а не пила! Этой пилою ты точно достанешь маленького зас...ца!
- Ничего себе маленький! – проговорил Ярослав, уже улыбаясь, видимо представив ситуацию со стороны. – А ну, тебя, Петька, к черту! Слезай уже, что с тебя, дурака, возьмешь!
- А я, еще, ничего и не дам! – радостно ответил Петька, спускаясь с дерева.

Ох, и насмеялись мы потом, когда Ярослав подробно рассказал о своих злоключениях! Отметили, что не только нам, но уже и ему, досталось от Петькиных проделок. А Ярослав, обрадовался, так как прибыл только на второй день, а не сразу, потому что Петька, действительно, завидный тормоз. Я же, в свою очередь, выдвинул предположение, что если бы родился Петька на десяток годов пораньше и подался в политику, то из него бы вышел, что ни на есть отличный, тормоз перестройки.

Наступил теплый летний вечер, комаров прибавилось, поэтому мы разожгли большой красивый костер, используя ветки спиленных деревьев. Незаметно быстро пролетело время, и величественное оранжевое солнце, разукрасив горизонт нежными розовыми облаками, плавно опускалось. Легкий ветерок, бывший днем, также поутих; природа, словно замерла, предвкушая отдохнуть после дневного зноя в вечерней влаге озер. Виталий сколотил аккуратнейший помост, для удобного входа в воду и все искупались в теплой сверху, но прохладной снизу, воде, которая к вечеру, медленно остывая, наполняла воздух сильным запахом водорослей и ряски. Искупавшись в озере, каждый нашел занятие по вкусу, используя этот короткий часок, перед сумерками, когда,

уединившись и отдыхая от постоянного совместного общения днем, погрузиться в себя, пребывая в лоне природы; открыть ей свое сердце, наполнив чувства всевозрастающим восторгом бытия; открыть сознание – успокоив ум, который по привычке скачет, среди множества мыслей, или выстраивая их четким планом, или просто прокручивая в голове, словно заевшую пластинку. И ничто так не ограничивает человека, его сознание, как узкое, однобокое, замкнутое в своем «маленьком я», мышление. Созерцая прекрасный вид, освободившись от дневной суеты и всевозможных бытовых идей, начинаешь ощущать безграничность пространства и Величие Творения, в котором как пылинки в бесконечности, растворяются все наши человеческие достижения...

Когда на лагерь опустилась темнота, из громкоговорителя работающей на дежурном приеме «НЕДРЫ», послышался, перекрывая звонкое стрекотание сверчков и пение ночных птиц, голос нашего товарища Шурика, который пришел до Генки для проведения сеанса телевизионной связи и связи вообще, а его трансивер, как известно, был похищен. Шурик рассказал, что Генка добрался нормально, сейчас готовит телепередатчик и нас просит подготовиться. Я ответил, что у нас, в принципе, все уже готово, осталось, только, подать питание на телекамеру; передатчик сейчас передает клеточки и микрофон работает, так что пусть послушают пение сверчков. Еще спустя минуту, Шурик сообщил: сигнал нормальный, чуть-чуть снежит, звук слышно хорошо – костер трещит, сверчки поют. Тогда мы включили телевизор и попросили их передать свой сигнал.

В качестве 57 мГц антенны, у нас использовался полуволновой диполь, направленный на поселок и расположенный горизонтально, чтобы уменьшить затухание, вносимое вертикально стоящими деревьями. Генка с Шуриком пользовались аналогичной антенной, только поднятой повыше. Правда, в гараже у Генки, находилась практически готовая трехэлементная конструкция из алюминиевых трубок, которую осталось, всего лишь, собрать и поднять, но времени на это пока не было.

Ярослав, для освещения лагеря, повесил, используя трехметровый ореховый шест, 10 ватную 12ти вольтовую лампочку. Этого вполне хватало для работы телевизионной камеры. Проверив качество сигнала собственного передатчика и, переключив на прием, приняли, вполне нормально, Шурика и Генку, которые, удобно расположившись на диване, лопали пельмени, макая их в сметану. Петька даже пожалел, сопоставив, что его кусают комары, а Шурик кусает Генкины пельмени, находясь у него в гостях. На это Шурик, поднеся смачный пельмень к объективу телекамеры, с юмором ответил, что «является заслуженным лауреатом по количеству полезных заслуг» перед нашим радиолюбительским товариществом, и до чего еще Петьке – как до «Киева рачки».

В общем, как выяснилось, наш 57 мГц видеотелефон, достаточно хорошо работал в базовом варианте на выносную антенну. Это придавало уверенности, что и в мобильном варианте, на куликовку, сигнал пропадать не должен, особенно если к тому времени, Генка, установит направленную антенну. Проведя такую интересную видеосвязь и продемонстрировав товарищам, в противовес их пельменям, нашу испеченную в углях, завернутую в фольге и с лучком, картошку; мы, обсудив планы на завтра, решили ложиться спать.

Проснувшись утром следующего дня, первым делом включили «НЕДРУ» и с тревогой обнаружили определенно усилившийся треск грозových разрядов, причем на 10 метрах, а это, вполне понятно, не сулило нам ничего хорошего. Еще, спустя несколько часов, утреннее солнце затянуло плотной пеленой, а на горизонте появились, медленно приближаясь, темные преддождевые облака.

- Да-а, плохи дела... - невесело произнес я, поглядывая то в небо, то на товарищей.

И тут Виталия осенила, трудновыполнимая, но в случае удачи, вполне спасительная, мысль:

- Слушайте, пацаны, - задумчиво произнес Виталий, - похоже, к вечеру, если не раньше, собирается гроза или даже ураган, о котором ты, Ярослав, нам рассказывал; и, знаете, если с этих довольно высоких кленов, нам на головы будут падать сломанные ветки – это плохо; но я еще больше опасаясь, как бы какой-нибудь из них, не рухнул на шалаш, расквасив нас в нем, словно тараканов в банке. Я думаю, укрываться в шалаше, совсем небезопасно. Но время у нас, похоже, имеется. Короче, предлагаю: не откладывая, приготовить оборудование и снарядить экспедицию в глубь острова; остров небольшой, я знаю конфигурацию, поэтому найти обнаруженную мною, зимой, землянку - займет от силы, пару часов. Сложность, только, пробираться сквозь чащобы, но хорошо представляя нужное направление, мы сможем добраться до места достаточно быстро. Копать четверым

– дело нехитрое, и, в случае удачи, получим достаточно надежное убежище, которое не проломит ни одно упавшее дерево. – Да, риск, конечно, есть, но в принципе, много не потеряем: если не повезет, сможем достаточно быстро вернуться назад по прорубленной тропе, а если повезет, то перетащим в землянку остальные причиндалы. – Ну, что?

Немного поразмыслив, все согласились, что план действительно хороший, по крайней мере, отрыть вход заброшенной землянки – дело гораздо более быстрое, нежели чем выкапывать свою собственную. А в шалаше, правда небезопасно.

Обворовывать нас, в такой глуши, пожалуй некому, поэтому, оставив не нужные в экспедиции вещи, начали собирать нужные и вообще, экипироваться. Основной нашей экипировкой являлись инструменты (три лопаты, топор, длинный тесак, короткий тесак, небольшая кирка, пила), рюкзак с провизией, две радиостанции, телевизионный передатчик с малогабаритной телекамерой и дополнительные походные антенны.

- Так, Петька, - сказал Виталя, - будешь тащить наши глаза, так что одевай фуфайку.
- Не буду я, одевать фуфайку! – отпирался Петька.
- Одевай, одевай! То, ничего, что жарко, зато комары не кусают.
- Меня и в афганке не кусают, зачем мне летом эта дурацкая фуфайка!
- Дурень, я тебе говорю, что будешь телепередатчик тащить, поэтому и нужна фуфайка, иначе тебе так ляжками плечи так надавит (корпус с Р-109, с аккумуляторами), что и спать потом не сможешь, во всяком случае, мало не покажется.
- А-а-а, так бы сразу и сказал, что тяжелятина.
- А ты думал здесь на солнышке «прохлаждаться» и шашлыки лопать? Не забывай, у нас еще трансивер на дне, и аккумулятор тоже.
- Да понял, я, понял! Давайте свою фуфайку. Хотя и мои очки там тоже.

Ну, веди нас, Сусанин, герой! – торжественно произнес Ярослав, обращаясь к Виталию, когда все было готово. И экспедиция двинулась в путь, на поиски военных «сокровищ» и убежища одновременно. Впереди шел Виталя, указывая направление и прорубливая длинным тесаком себе дорогу в труднопроходимых местах. Труднопроходимые места начинались сразу же, так как с нашей, южной стороны островка, о чем я уже упоминал, кленово-ореховый подлесок был сплошь переплетен лианами дикого винограда. Их Виталий рубал, продираясь сквозь заросли и поднимая полчища злых и кусачих лесных комаров. За ним следовал я, дорубливая коротким тесаком кленовые ветки и мешающие движению кусты. Попутно оперировал на «НЕДРЕ», находящейся в переброшенной через плечо, противогазной сумке. Я говорил с Шуриком, оставаясь на связи, если транслируемый нами телевизионный сигнал, срывался, как только носимый Петькой передатчик, оказывался в неблагоприятных местах по пути следования в лесу. «Недра» работала на куликовку, связь вполне удовлетворительная, диапазон – 10 метров, расстояние – около 8-10 км. Генка и Шурик встали рано утром, даже раньше, чем мы, и успели установить направленную трехэлементную антенну на 57 мГц. Поэтому, сейчас, Шурик дежурил на десятке, информируя обо всем, и поддерживая дух экспедиции сообщениями о прогнозе погоды, с Харьковского радио и информацией, полученной от знакомых операторов гражданского диапазона; а также давая RS и всевозможные прикольные советы. И хотя, нам было не до шуток, мы часто посмеивались, прослушав очередную реплику Шурика.

Генка же, с самым серьезным видом, пытался записать на видеоманитофон, транслируемый нами, «исторический» маршрут следования по острову в поисках землянки. Но записать наши спины или потные, искусанные комарами, лица, мелькающие в сплошных кустах, ветках, виноградных лианах и прочих зарослях; ему не давали частые срывы синхронизации телепередатчика, работающего на куликовку. Передатчик нес за плечами, используя стандартную схему ношения ранцевых радиостанций, замыкающий Петька. Как я говорил, он смонтирован в корпусе от Р-109м и являлся не менее тяжелым, чем сама стодевятка. В общем, за плечами у Петьки располагался телепередатчик с торчащей 1.5 м куликовкой и чуть пониже груди закреплена черно-белая телекамера, с помощью самодельных кожаных ремней: один обвязывался вокруг туловища, другой надевался на шею, словно хомут. Камера была зачехлена в чехол, сшитый со срезанных голенищ старых женских сапог.

Перед Петькой, после меня, следовал Ярослав, несший большой тяжелый рюкзак с провизией и аналогичную «НЕДРУ», свернутую в противогазной сумке, а также связанные воедино, три лопаты, кирку и зачехленную пилу, переброшенные словно ружье, через другое плечо.

Можно, конечно, прогуливаться в парке и представлять, что обойти небольшой островок в поисках нужного места, не представляет особого труда, но, это справедливо не в нашем случае. Мы же, целый час пробирались по чащам, пока резко не вынырнули, из зеленого плена, на противоположной части острова. Тогда Виталий объяснил, что всему виною наша лень, так как, стараясь облегчить себе путь, продвигались по середине острова, где деревья повыше, солнца поменьше, соответственно подлесок пореже – меньше кустов и практически полное отсутствие переплетенных виноградных лиан, что естественно значительно ускоряло продвижение; вот и пропустили интересующее нас место. Потом, несколько возвратившись по прорубленной тропе, стали курсировать вдоль западной части острова и, приблизительно, еще через час, увидели старый дуб, около которого, по приметам, должна находиться искомая нами землянка.

Действительно, в 5-6 метрах от дерева, она и находилась, что было хорошо заметно по метровому пригорку, полностью заросшему дикой ежевикой и травой. Виталий сразу кинулся высматривать ржавую трубу. А когда, действительно увидел кусок ржавой, с обломленными краями, трубы, торчавшей из-под земли сантиметров на тридцать – замер; затем, радостно воткнув в землю тесак, торжественно произнес: «Вот он, секретный блиндаж!». Причем, сделал это с таким величественным видом, будто вся цель его жизни теперь достигнута.

- Ну, это конечно не блиндаж, - сказал я, - а обыкновенная землянка, скорее всего партизанская, правда, сделана, похоже, вполне добротно.
- Ему все, что не рухнуло, кажется блиндажом и к тому же секретным, – поддержал меня, не такой эмоциональный Ярослав, - хотя, действительно, выглядит заманчиво – добавил он, разглядывая торчащую трубу.
- Ох, хорошо, доперлись, наконец! – произнес Петька, сбрасывая ненавистные ему, лямки телепередатчика. - Лучше б я, сидел дома – продолжал он, отстегивая телекамеру.
- Дома сидеть поздно уже, - проговорил Виталий, радостно развязывая лопаты, - но сидение в землянке я вам гарантирую.
- Ты, прямо как Остап Бендер, который гарантировал бессмертие Кисе Воробьянинову, перед тем как нарисовать картину сеятеля, разбрасывающего облигации выигрышного займа – пошутил я.
- И что, его потом побили? – спросил Петька.
- Кого?
- Кису Воробьяниного.
- Кису? – Темнота ты Петька, читаешь свои примитивные газетки, а классику жанра не знаешь, хотя бы фильм посмотрел. Хорошо, что мы их уже спалили. Вот если Ярослав начитанный, так оно сразу и видно, видал, какой он аккумулятор у родственников выдурил?! То-то же. Учись студент!

Затем мы вооружились лопатами и хотели уже приступить раскапывать заваленный вход, но Виталий остановил нас, достав металлоискатель. Надо отметить, что он являлся весьма опытным в этом деле, и имел много грамот за своевременное оповещение об опасных находках. Насколько я помню, по его уведомлению, из Копанского леса, два или три раза выезжала машина саперов, вывозя неразорвавшиеся крылатки и даже ящик со снарядами; за это Виталия в школе наградили грамотой, но дома, отчим отстегал ремнем.

Не обнаружив металлоискателем подозрительных предметов, начали копать, проверяя через каждые 70-80 см. Наконец, показался проем, копать стали интенсивнее, разбрасывая песок вперемешку с гнилой древесиной: возможно, это была дверь или деревянный щиток, закрывающий вход. За ходом процесса, захватываяще наблюдали, через включенный телевизионный передатчик, Генка и Шурик, периодически комментируя на «НЕДРЕ»; иногда Петька, которому копать не доверили, а поручили оперировать, чему и был он очень рад, переключал его на прием; тогда мы, отложив лопаты, отдыхали, рассматривая веселые лица товарищей в походный телевизор «Электроника», который транспортировался в рюкзаке вместе с продуктами. Благодаря направленной 57 мГц антенне, у Генки, связь на месте была удовлетворительная – немного снежило изображение и слегка шипел звук. Правда, сильно начали мешать, постоянно усиливающиеся грозовые разряды, с шипением хлопа в динамике, они срывали синхронизацию ТВ изображения. У нас использовалась куликовка, а у друзей антенна была лучше и выше, поэтому разряды у них проявлялись сильнее. Генка не мог толком записать сигнал, потому что при срыве, на несколько секунд, синхронизации, в видеоманитофоне нарушалось слежение (типа автотрекинга, только на запись, по импульсам видеосигнала), и при последующем воспроизведении звук «плавал», а изображение превращалось «в кашу».

Но вот, после получасового труда, мы, наконец, отрыли заваленный вход. Отверстие получилось достаточное, чтобы в него пролез даже несколько толстый человек. Тогда, оставив Ярослава извне, мы все по очереди, друг за другом, осторожно проникли во внутрь, не включая фонарь сразу и дав глазам привыкнуть к полумраку. Увидели довольно большую длинную нишу, сверху – ржавые перекладки из толстых труб, вперемешку с черной трухлявой древесиной; по бокам – стены, из меньшего количества труб, в основном из бревен, таких же черных, но менее трухлявых, чем на потолке. Местами, как на потолке, так и на стенах, бревна прогнили основательно: из дыр периодически насыпался песок, поэтому пол, особенно у входа, был засыпан, приблизительно на пол метра.

Осмотревшись и немного привыкнув, шагнули пару метров вглубь, включив карманный фонарик. Сначала Виталий посветил в глубину: мы увидели стенку на отдалении пяти метров от нас; вдоль стен, и справа, и слева, виднелись деревянные нары, прогнившие и завалившиеся. Далее, Виталий направил луч вниз и начал медленно перемещать световое пятно по засыпанному песком полу. И тут нашему зору стал виден грудной темно-серый костяк, наполовину присыпанный песком, а также каска, похоже, немецкая. Мы замерли, а Виталий присел и стал аккуратно разгребать руками. Немного разгреб и вытащил каску, из которой вывалился на песок, почерневший человеческий череп.

- Так это ж мертвый солдат! – вскрикнул Петька, толи от волнения, толи испугавшись.
- А ты, что, рассчитывал здесь увидеть живого епископа?! – ответил я словами капитана Флинта, исходя из Петькиной интонации и чтобы немного развеять напряженку, хотя сам изрядно волновался. – Тут, Петька, мертвого уже ничего нет, - убеждал я, так как нам здесь еще придется ночевать, - это просто кости, они не могут быть ни мертвые, ни живые. Понял?
- Я знаю, но ночевать здесь, мне не хочется.
- Я так и знал, что ты, Петька, трусишь.
- Нет, мне просто неприятно.
- А мне, что, приятно?
- А мне нормально, клевая каска, немецкая и не ржавая. И череп тоже редкостный, не каждый день находишь – сказал Виталий, увлеченный находками.
- Ладно, Петька, вылезай и смотри там, не топчись, чтобы на головы нам чего-нибудь не отвалилось, а мы лучше с Ярославом дальше посмотрим.

Дальше мы отрыли ржавый немецкий автомат, без магазина и покореженным дулом; какой-то военный нож; немецкую винтовку, без затвора и приклада; потресканный и ломкий военный ремень; коррозионный алюминиевый котелок, несколько необычной конструкции; сапоги; немецкие значки; какие-то черные лохмотья и прочая мелочь, которую всегда находишь, участвуя в подобных мероприятиях.

Но, надвигалась гроза и нам некогда было изучать находки. Первым делом навели порядок, раскопав вход до нормальных размеров и выбросив наружу песок, мусор, гнилую древесину. Ярослав почистил от песка ржавую бочкообразную печку-теплушку, отбив обухом топора приржавевшую дверцу. Но использовать ее не удалось, так как забитая труба, не смотря на его усилия, не пробивалась, видимо, там все спрессовалось, за много лет. Потом я попросил Ярослава с Петькой, не откладывая, пробраться по прорубленной тропинке в лагерь и принести от туда нужные недостающие для ночевки вещи, на всякий случай, припрятав остальные в полиэтиленовых мешках. Также пусть вытянет клеенку-тент из-под шалаша и вообще, желательно перетащить побольше.

Пока они ходили, мы с Виталием, нарубили орешника (ровные длинные стволы, диаметром с кулак) и, используя прихваченные заранее гвозди, соорудили две лавки-лежанки 2 метра в длину и 1 в ширину. Потом сколотили простую бревенчатую дверь, обтянув ее брезентом, которой закрывали вход, прислонив к отверстию и подперши бревном изнутри. В землянке было сыровато, поэтому Виталий, прокурил ее дымом, распалив небольшой костер у входа. Тем временем вернулись наши товарищи, и мы быстренько расстелили тент над землянкой, прямо на траву, набросав сверху песка и рубленых веток, чтобы не сдуло ветром.

Вечерело, а небо, и так затянутое пеленою, начинало наливать на горизонте, длинной свинцовой полоской и уже слышались раскаты грома, гулкие и тревожные. Последний раз переговорив с друзьями, решили аппаратуру больше не включать, а связаться только после грозы, если будет еще не сильно поздно. Узнали, что у них ветер, который усиливается, и накрапает

дождь. Мы оперативно нагрели на костре чайник и, осмотревшись нечего ли не забыто, юркнули в землянку, оставив открытый вход. Снаружи почернело все небо, а там, где наблюдалась свинцовая полоса, уже сверкали молнии, озаряя горизонт малиновым светом. Резко налетел ветер, и дуб стоящий неподалеку, протяжно заскрипел, изгибаясь под его порывами; клены, захлопали широкими листьями, словно глхнувший двигатель в выхлопную трубу. Затем раздался треск обламываемых сухих веток и хруст не выдержавших сильного напора верхушек.

- Давай закроем вход – шепотом предложил Петька.
- Подожди, успеем – ответил Ярослав.
- Да, лучше еще посмотрим – согласился я.
- Видимо, у художников хорошая интуиция – почему-то промолвил Ярослав, задумчиво поглядывая, сквозь открытый вход, в сторону, где мы спрятали череп и кости.
- Ты это, к чему?
- Это я про флаг, что брат нарисовал. Он нарисовал, а мы и нашли точно такое.
- Да-да, точно такое – с волнением подтвердил Петька. И каска и череп.
- И кирка, и лопата – с иронией произнес Виталия. Прямо мистика какая-то. В такую погоду нам как раз надо Бабу Ягу с метлой, или чертей со сковородками.
- А сковородки-то, зачем?
- Как зачем? Грешников жарить. Вот скажи, Петька, ты грешный? – продолжал шутить Виталий.
- А ты, грешный?
- Ну, хорошо, кто здесь самый грешный перед нашим коллективом? – не унимался Виталий, хитро прищурился.
- А че, вы сразу на меня смотрите? – отпирался Петька.
- А на кого же, нам смотреть, может скелет внести? – выяснял Виталий, - смотри: кто утопил лодку? – раз, кто читал анекдоты? – два, кто поджег сковородку? – три, кто не дал Ярославу облегчиться? – четыре. Я уже не говорю обо всем остальном, что раньше было. Так что, Петька, черти твои.
- Ну, ладно шутить, надо уже действительно закрывать дверь, и интуиция – да, штука хорошая – сказал я. А тебе, брат больше ничего не говорил? – спросил я Ярослава, потом.
- Да нет, ничего – ответил Ярослав, пожимая плечами.

Виталий засветил подвешенную к перекладине лампочку, а мы, с Ярославом, плотно закрыли вход самодельной дверью, тщательно подоперши ее бревном от противоположной стенки, а снаружи началась гроза. Здоровенная, черная туча, разразилась проливным дождем, бешеным ветром и десятками молний. В лесу стоял треск расчленяемой древесины, моторошный скрип пригибаемых к земле деревьев, секущий листву шум дождя, с громкими и мощными раскатами грома. Слышны были гулкие удары падающих на землю, выворачиваемых с корнем, сухих и трухлявых, высоких и низких, больных и здоровых не выдержавших гнет стихии, деревьев.

***

После тревожной ночи

Гроза разыгралась не на шутку. Слышно было, как снаружи нашего убежища с треском падают на землю обламываемые ураганом ветки близстоящих деревьев. И только сейчас мы поняли, как нам повезло, что все - таки удалось найти и обустроить эту старую землянку, а не оставаться ночевать в ненадежном шалаше.

Однако, часа через полтора, глиняные стены землянки, вместе со старыми бревнами, стали заметно сыреть, а воздух сильно увлажнился и вызывал озноб и чувство дискомфорта. Тогда Виталий, вынул из сумки спасительный кулек «Сухого горючего» и поджег несколько таблеток, расположив их на печке-теплушке, так как ее саму растопить было невозможно, ввиду полного отсутствия тяги. Минут через пятнадцать воздух прогрелся и в нашей землянке стало тепло и уютно. Ярослав, тем временем, привязав к ржавой, но еще прочной трубе стальную проволоку, подвесил закипать над печкой, трехлитровый чайник. Благо «Сухое горючее» или как его называли в народе «Сухой спирт», стоило недорого, и мы набрали целую сумку, скупив все что было в местном магазине.

На вопрос продавца «А зачем вам столько горючего?» Виталий ответил, что если эти таблетки растворить в солярке, то получится классное высокооктановое топливо, даже покруче чем 93 бензин. И на недоверчивое «А вы что, уже пробовали?» он ответил: «Конечно, а иначе зачем бы мы его столько брали». Потом, когда уже вышли из магазина, и я его спросил, что же все-таки будет, если «Сухой спирт» растворить в солярке, то Виталий сказал: «Откуда я знаю? Что я дурак что ли, растворять спирт в солярке!». Но, как бы там ни было, его имелась целая сумка и экономить на обогреве не понадобилось.

Вскоре закипел чайник и мы несколько забыли о грозе, распивая чаек и вспоминая различные радиолюбительские истории. Увлечшись воспоминаниями, как-то и не заметили, что ураган поутих, ветра не стало, а снаружи был слышен только шум дождя. Ярослав, взглянув на часы, спросил:

- Как думаешь, Валера, спит Генка уже или мастерит что-то?
- Не думаю, что в такую погоду можно еще что-либо мастерить, разве только тазики подставлять по искусней, воду ловить, если крыша протекает. В любом случае, надо иметь крепкие нервы, чтобы вот так просто взять и заснуть, когда на улице гроза и буря.
- Я вот думаю, давайте, раз уж гроза поутихла, бросим антеннку и попытаемся связаться, а то сдаётся мне, что Генка переживает, как мы тут сидим в непогоду.
- Ох, и неохота вылазить на дождь! – вздохнул Виталя зевая. – Только прогрелись, перекусили, расслабились. Но, ты, Ярослав, прав. А то действительно, мало - ли что, может и правда человек не уснет.
- Давайте я и полезу – предложил Ярослав, - я чаю больше всех выпил, а чай, как известно, смелость придает! – добавил он шутя.

Дружно рассмеявшись, решили все же, не откладывая, «выбросить» антенну и провести связь с поселком. Как назло, никакой подходящей наружной антенны для «Недры» не оказалось, а из готовых антенн, в данный момент, имелся только диполь на 57 мГц, для телепередатчика. Ярослав взял диполь, натянул плащ и вылез наружу, чавкая по грязи. Вернулся он через пять минут, с разъемом в руке и мокрым.

- Ух, ну и льет! – сказал Ярослав, снимая мокрый плащ. – Еле влез на дерево, скользкое зара... А потом слазил, за сучок зацепился и штаны разорвал! Вот досада, так досада! – сетовал он, осматривая внушительную дырку, как раз на самом «важном» месте штанов. - И надо ж было так попасть!

Заполучив антенну, начали усиленно размышлять – стоит подключать ее к «Недре» или не стоит. Посоветовавшись, решили все же не рисковать, чтобы не испортить выходной транзистор нерезонансной нагрузкой, а подключить, как и положено, наш телевизионный передатчик на 57 мГц. А было уже около полуночи. Сначала мы включили только передатчик, воткнув в ЧМ модулятор микрофон, а также телевизор «Электроника». Затем, когда к нашей общей радости, увидели в ответ Генкино слегка усталое лицо, Виталий задействовал и телекамеру, подав на нее питание с клемм большого аккумулятора. Видно и слышно было хорошо, но как всегда, сильно мешали грозовые разряды. Генка сказал, что как закончилась гроза, он сразу подключил все антенны в работу, поэтому и смог нам ответить. А сейчас в поселке, как и у нас на острове, льет только дождь, без грозы и ветра.

- Вижу, не плохо устроились, - продолжал он, - а крыша у вас не протекает?
- У нас, Гена, не крыша, а настил и пока, «пху-пху», не протекает, только песок иногда на голову сыпется. Спирт зажгли, тепло, чаек попиваем. Петька уже третью консерву доедает, видимо от впечатлений жор напал. У нас, в общем, все нормально, только Ярослав, когда антенну вешал, штаны разодрал, хочешь дырку посмотреть?
- Да, не хило – удивился Генка, - а у меня ветром яблоню сломало, так она рухнула на сарай и пробила шиферную крышу. Так что на пару дней работы хватит. Но сейчас не это главное. Приходил, Виталя, твой отчим, дядька Сашка и узнавал как вы там поживаете. А точнее ругался сильно, говорил – «Понесли вас чорты лазить по озерам, а мать не спит, все переживает». Короче, сказал что зайдет еще, так что очень хорошо что вы подключились, а то и правда, тревожно как-то.
- А когда он придет?
- Да вот, уже должен подойти.
- Ну, тогда не выключай, а мы минут через десять подойдем, только питание передатчика на мощный аккумулятор перебросим. Окей?
- Окей!

Примерно через десять минут, удалось подключить нужные разъемы и мы снова включили телевизор, камеру и передатчик. На экране было видно как Виталин отчим расселся на диване и что-то рассказывает Генке, размахивая руками. Потом Генка подтянул микрофон поближе, произнес фразу: «Сейчас посмотрим» и перешел на прием, проговорив условный позывной. Когда связались, отчим очень удивился, рассматривая на Генкином большом телевизоре наше убежище. Виталий переключил на прием и мы увидели его с таким выражением лица, будто бы он увидел НЛО. Генка, слегка хлопнув отчима по плечу, махнул рукой в сторону объектива, мол, говорите.

- Э-э-э, - медленно протянул отчим почуивая затылок, - от придумалы чортякы! Вже й до тэлэвизора дисталысь. Якбы за наших часив, то вжэ й забралы куды треба, як ото шпыгунив. (Все знают, было время, шпиономании, когда образ радиолюбителя, с микрофоном в кустах, ассоциировался у населения не иначе как с завербованным американским шпионом.) Оце б мэни таке, з кумом базикати. Так що це, Виталька, вы там робытэ? Дывысь, щоб у хату нияких жализяк нэ прытаскав! Бо я тэбэ знаю, ще пидирвэш колысь! Ану кажи, що ви там розкопалы?
- Мы, дядь Саш, ничего не раскопали, - ответил Ярослав, придвинувшись к объективу. - Гроза, вот мы и выкопали землянку, чтобы надежней было. Шалаш ведь, знаете какой, дерево упадет – и нет шалаша, не то, что землянка!
- Ох, знаю я вас, знаю – проговорил дядька Сашка, покачивая головой.

Далее Виталий переговорил с отчимом некоторые семейные вопросы, потом, когда тот ушел, немного поболтали с Генкой и решили ложиться уже спать, тем более что ветер, притихший поначалу, снова стал усиливаться, и деревья опять зашкрипели. Было даже страшновато, когда с росшего рядом клена отломился кусок ствола, вместе с верхушкой, и все это рухнуло сверху на нашу землянку, впоследствии чего из перекопанного потолка посыпался песок, попав также и в недоеденную Петькой консерву. Я сразу дернул дверь, проверив, не завалило ли вход деревом. Но сквозь ветви упавшей верхушки можно было нормально пролезть наружу, и я, слегка намочившись, успокоил товарищей и плотно закрыл вход самодельной дверью. Ночь прошла без приключений. В землянке было тепло и все, усталые, уснули, укрывшись одеялом и плащами.

Утром я проснулся первым. Накинул плащ и, натянув на старые кроссовки, сверху, целлофановые кульки, выбрался наружу. Окружающий вид сильно отличался от того, что мы видели вчера. Вся наша небольшая поляна была усеяна сухими и зелеными свежесломанными ветками. «Да, за дровами ходить не надо» - подумал я. «Вот только интересно, какого нам будет назад пробираться, может и нашу прорубленную тропку также закидало?». Стоял я и смотрел, а в голове вертелась крамольная мысль: «И какого черта, сюда вас, сударь, занесло, неужто вам покой не по карману?». Но, как говорится, голод не тетка. И сырость тоже. В самом то деле, не сидеть же, сложа руки, в землянке, пока влага испарится и высохнет роса? Конечно, нет! И, несколько пессимистично рассуждая, что теперь покой нам действительно не по карману, главным образом потому, что вредоносный Петька-тормоз утопил наш КВ трансивер, вместе с чужим ЭМФом. Первые шаги были сделаны по направлению к вчерашнему кострищу. Вырытая яма, в которой вчера было так удобно сохранять жар и экономно расходовать дрова, теперь была до краев заполненная водой. Пришлось снова спуститься в землянку, взять лопату и выкопать новую ямку, переставив рогатины на новое место. Далее я отметил, что надо было еще вчера заготовить сухих веток на распалку, сложив их где-нибудь в углу землянки. Как все же хорошо, что Генка с Ярославом привезли с собою «Сухой спирт», иначе вряд ли нам удалось отделаться сжиганием одних Петькиных газет, в такую то сырость. Плакали бы тогда мои журналы! Через несколько минут, мне удалось насламывать самых мелких, хотя и мокрых, веточек. Я аккуратно уложил их на дно недавно выкопанной ямки и полез в землянку за таблеткой «Сухого спирта». В землянке наблюдалось оживление: проснулся Ярослав, и, размахивая у Петьки перед носом порванными штанами, пытал его, куда он задевал иголку с нитками. Еще вчера Петька пытался зашивать кроссовки и брал кулек с принадлежностями. А теперь неизвестно было, куда это он его приткнул.

- Говорю же, положил на рюкзак, - оправдывался сонный Петька, - что я виноват что ли, если вы, искавши свои разъемы, перерыли тут вверх дном?
- А не фиг где попало кульки разбрасывать! – не унимался Ярослав, продолжая одной рукой размахивать штанами, а другой усиленно чесать искусанные налетевшими комарами, незащищенные штанами ноги. – Ты, Петька, откуда брал кулек с нитками? С рюкзака, с кармана! Так будь же человеком, возьми и положи обратно, не НА рюкзак, а В рюкзак!

- А не фиг куда попало пихать свои разъемы! – не сдавался Петька. Откуда я знал, что вы их будете по всем сумкам искать. Я думал проснусь и зашью второй кроссовок, вот и бросил сверху, чтобы под рукой!
- Если бы ты думал, тогда бы умный был! – сказал Ярослав, и с силой отбросив разорванные штаны в угол, начал обматывать вокруг туловища одеяло, чтобы защитить оголенные ноги.
- Да ладно, одень пока порванные, а потом зашьем, – сказал я разозленному Ярославу. - Велика ли важность – дырка на ..., ну и потом, не по поселку же ходить, в самом деле?
- Вот именно, что не по поселку! А комары? Да они ж меня сожрут! - кричал Ярослав (А дырка действительно была внушительная: вырванный клочок ткани, сантиметров пятнадцать в длину и десять в ширину).
- Так давай туда подложим кусок брезента, как раз я видел в мешке подходящий, вот с него мы и отрежем – предложил я. - А что? Брезент это не жесть.- Какая еще жесть? – упавшим голосом спросил Ярослав.
- Как какая? Обыкновенная, оцинкованная. Помнишь, когда дядька Сашка в бане пива напился, рассказывал, как они пацанами по садам лазили? Ну, он еще тогда и шрамы показывал? – объяснял я.

Эту историю дядька Сашка рассказал, высмеивая нас, когда мы не хотели залазить на верхнюю полку парилки, в бане, так как и так температура была невыносимая, аж жгло. Дядька Сашка сказал, что это еще не жжет, вот ему жгло, когда разъяренный сторож, которого уже достали ихние постоянные набеги, всадил ему с берданки добрячий заряд соли. А хитрый Сашка обносил деревья до последнего, так как заведомо подложил себе в штаны искусно вырезанный лист жести. И хотя, основной заряд пришелся на «мягкое место», предварительно защищенное твердым жестяным листом, все же много кристаллов попало и в спину, повыше. И теперь там просматривались небольшие точки-шрамы, которые и показывал слегка захмелевший дядька Сашка в бане. Вспомнив эту историю, Ярослав заулыбался и сказал: «Хорошо еще, Валера, что ты не предложил мне, как в той детской песенке – «труссы из березовой коры». Тут уж все рассмеялись, и в землянке воцарился мир и хорошее бодрое настроение.

А пока ребята там зашивали штаны, я, прихвативши пару таблеток «Сухого горючего», решил все же, начать разжигать костер. Однако не тут-то было!

Вырытая мною новая ямка заполнилась водою так, что брошенные туда на распалку мельничьи ветки, уже плавали. Оно и так низина, а это, видимо, почва совсем напиталась влаги, что вода уже никуда и не уходит. В общем, пришлось изрядно помучаться, пока костер нормально разгорелся.

Погода окончательно наладилась, на небе ни тучки, и в лесу, на островке, стоял одурманивающий запах высыхающей после дождя растительности.

- Эй, там, в подземелье! А ну давай на поверхность! – крикнул я, в сторону землянки. Изнутри онной послышался шорох, и, отбросив дверцу в сторону, показался Петька; он медленно вылезал, шмыгая носом и щурясь от солнца. И, толи его заслепило утреннее солнце, толи он еще не проспался, но только сразу вступил, обеими ногами, в приличную лужу, образовавшуюся у входа. Суется возле костра, я краем глаза заметил это, и, ожидая Петькиных ругательств, начал думать, чтобы этакое поучительное сказать ему в ответ. Но Петька, на удивление, молча выбрался из лужи и сразу направился в лес, собирать дрова. Я уже раскрыл рот, собираясь рассказать подошедшему Виталию этот необычный случай, как поставленный на огонь котелок, вдруг начал шипеть, закипевши, на разгоревшемся костре. Потом мы начали думать: что лучше – или сварить суп сразу, или отставить котелок и реализовать вдруг пришедшую идею: перекусивши что-нибудь, наловить рыбы и сварить уху, так как последний уже изрядно надоел. Выбрали второе. Поэтому, оставив Петьку в лагере, прихватив удочки и тесак, радостно направились по прорубленной вчера тропинке к нашей первой и основной, стоянке, живо обсуждая вопросы ее теперешнего состояния. Петьке же пообещали, что, как только переберемся обратно и обустроим шалаш, то, прежде чем заняться поисками утонувшего трансивера, устроим хорошую утреннюю рыбалку, прикормив рыбу с вечера на обустроенном месте. На что Петька, сразу согласился, не споря и даже не раздумывая. Такую Петькину уступчивость, Виталий объяснил порванными штанами Ярослава.

Пока мы ловили рыбу, Петька, как выяснилось впоследствии, тоже не сидел сложа руки. Каких-либо особых поручений ему Виталий не давал, зная Петькину безответственность и ненадежность. Петьке, всего лишь, поручили начистить миску картошки для ухи. Правда, еще не отошедший

Ярослав, засомневался в целесообразности последнего, мотивируя тем, что если в наше временное отсутствие Петька ничего не испортит и не сломает – так это уже будет счастье для простых смертных, и предлагал варить «настоящую» уху - без картошки.

- Да ладно, че ему ломать? – успокоил его Виталий. – Почистит и завалится спать, видишь, он даже на рыбалку не напрашивался. Я бы и сам не прочь, но работа стоит.
- Пусть работает паровоз, он железный – посоветовал Ярослав, Виталию.
- Ну, нет уж! Я сам хочу поработать! Если, конечно, удастся найти и запустить наш утонувший трансивер – ответил Виталий, печально вздохнув.
- Так это ж, если повезет! – вмешался я в разговор. - А то, как бы не пришлось всю радиоэкспедицию провести под водой, ныряя за этим чертовым трансивером! Лучше б мы, сделали его прямого преобразования, а не ставили туда чужой ЭМФ. А так, придется нам нырять, хоть до «опупения», прямо-таки подводная радиоэкспедиция получается!
- «Тху», «тху», а то еще накаркаешь! – прервал меня Виталя. – Давай, Валерка, лучше рыбу ловить.

И мы, прекратив пораженческие разговоры, стали внимательно смотреть за поплавками.

Тем временем, Петька, подбросил в костер веток, и, воткнув под углом 45 градусов две палки, повесил сушить полностью промокшие кеды, которые он промочил, вступивши у входа в лужу. Эти кеды, Виталий, вытащил из шкафа тайком от отчима, так как скуповатый отчим и сам их не носил, и другим не давал. Ему их выдали на работе в качестве спецодежды (почему-то) и он как запер их в шкаф, так они и лежали там, лет пять, пока Виталий решил: чем париться на острове в кроссовках, то лучше одеть дядьки Сашкины кеды, все равно, что с ними, за неделю станется? А потом, незаметно, отпереть шкаф и засунуть кеды обратно.

Когда мы, наловив достаточно для ухи рыбы и детально осмотрев поврежденный упавшей веткой шалаш, вернулись к землянке, то были приятно удивлены, убедившись, что Петька ничего не испортил и даже «не забыл» начистить картошки для ухи. Приблизительно через час уха была готова и распределена по порциям, с возможностью добавки. Каждый взял себе порцию и наша кампания удобно расположилась вокруг костра, на бревнах. Ух, и хорошая получилась уха! Убедившись, что аппетит приходит во время еды, каждый насыпал еще по миске. Ну, значит, едим мы, и довольные, мирно беседуем. А я как раз, сел напротив Петьки. И когда Виталий начал разгрызать очередную рыбью голову, я спросил:

- Слышь, Виталя, а зачем тебе такие кеды, что через них ноги видно?
- Какие ноги?! – растерянно и, как мне показалось испуганно, спросил Виталий, слегка подавившись косточкой. – Чьи ноги?
- Как чьи? Гомосапиенса. – ответил я.
- Гомо... Че-е??? – переспросил Виталий, откашливаясь, - что ты, Валерка, голову морочишь, прикалуешься что ли?
- Я прикалываюсь? Это Витаха ты, наверное, прикалываешься! Ты где, на мусорке их откопал? Посмотри-ка на Петькины ноги, – сказал я, с интересом наблюдая реакцию своего товарища, – а ну, Петька, покажи ноги!
- Я что, балерина, чтобы ноги показывать! – Обидчиво проговорил Петька и быстро убрал протянутые на рядом стоящий пенек, ноги. Затем поставил миску на колени и, как ни в чем не бывало, принялся хлебать уху. Но, Виталий уже увидел на Петьке, точнее на его ногах, свои, а точнее дядьки Сашкины, кеды. Он поднялся и терзаемый сильнейшими подозрениями, подошел к Петьке, внимательно рассматривая его ноги.
- А шо такое? – притворно спокойно сказал Петька, глядя на Виталя. – Мне что, уже и кеды нельзя поносить?
- А ну-ка, снимай! – крикнул мрачный Виталя, но Петька не шевелился.
- А зачем снимать? Пусть ходит, – сказал я спокойно, – только одна просьба: положи-ка ты, Петька, свои ноги на пенек так, как только что было. Тут Петька понял, что отпираться более бессмысленно и молча протянул ноги обратно на пенек. Тогда все увидели, как сквозь прогоревшие, черные и оплавленные резиновые подошвы, просвечивают, слегка отблескивая на солнце кожно-желтоватым цветом, грязные пятки.

Виталя был в трансе. Он смотрел немигающим взглядом на Петькины пятки, пока тот, смутившись, убрал ноги, поставил их на землю и затих. А мы с Ярославом как начали, извините за выражение, ржать! У меня даже слезы на глазах выступили. – Да че вы ржете, дураки! – обидевшись, сказал Виталий, бросил в кусты недоеденную рыбью голову и удалился в лесную чащу.

Оказалось, что Петька, во время поисков пропавшего кулька с нитками и иголками, обнаружил в одной из вещевых сумок, прихваченные Виталием кеды. В связи с суматохой, вызванной потерей кулька, ему так и не удалось зашить второй кроссовок, поэтому он спросил Виталия за кеды. Но Виталий был чем-то озабочен и отмахнулся от Петькиных расспросов. Не получив какого-либо указания или запрета, Петька, расценив это как согласие, смело натянул злощастные кеды и вылез из землянки, сразу провалившись в лужу по щиколотки. Ну, а дальше, вы знаете. Скажу только, что первыми сгорели носки, которые он также повесил сушить, а уже потом, проплавились и кеды. Петька признался, что когда сел чистить картошку, его за босые ноги покусали комары, и чтобы отогнать алчных паразитов, он подбросил в огонь немного мокрых веток. Но дым от просыхающих веток разъедал глаза, и Петька повернулся к костру спиной. Естественно, ветки подсохли и разгорелись, уничтожив Петькины носки и проплавив насквозь резиновые подошвы. Только когда последние начали вонять, спохватился, но было уже поздно.

Пересмеявшись, Ярослав, предложил растерянному Петьке: «Ты бы, Петька, снял бы их уже, что ли. А то ходишь как клоун или бомж какой-то». Петька опять признался, что он, предполагая скрыть злодеяние, решил ничего не говорить и кеды не снимать, а когда стемнеет, незаметно выбросить их в расположенное неподалеку болотце. А Виталий, перерывши на другой день все вещи и ничего не обнаружив, подумает, что кеды каким то образом потерялись при транспортировке, во время следования к шалашу или же в суматохе. Спустя несколько минут, из лесу вышел, несколько успокоившись, Виталий. Он молча взял кеды, просунул во внутрь руку и внимательно посмотрел на показавшийся сквозь прожженную дыру палец. – Барахло! – произнес раздраженно, и брезгливо скривившись, швырнул кеды в огонь, равнодушно наблюдая как дымит и съезживается охваченная пламенем резина. Потом обернулся к Петьке и очень детально высказал ему все, что думает о его пребывании на островке, употребляя наряду с известными и широко распространенными, еще и какие-то экзотические ругательные слова. – Не переживай, - сказал я Виталию, когда его немного отпустило, - в кладовке у моей бабушки как раз валяются похожие старые кеды, их и подбросим в шкаф дядьке Сашке, все равно он не носит, значит, ничего и не заметит. Но Виталий и так уже успокоился и нужно было приступать к делу.

Я вынес из землянки подзарядившуюся от большого аккумулятора «Недру». Пока отчитывали Петьку, мы пропустили условленное время выхода на связь и сейчас, немного беспокоясь, вызывали наших товарищей. Сначала вызывал я, потом Виталий, потом Ярослав, но, увы – динамик радиостанции лишь мерно шумел, не выдавая никаких членораздельных звуков. Это, конечно, озадачивало, так как мы планировали, прежде чем приступить к восстановлению шалаша, узнать подробный прогноз погоды у наших товарищей. Медлить было нежелательно: с момента высадки на остров, прошел уже не один день, а трансивер все еще находился на дне озера, и, вероятно, все глубже погружался в муляку. Если так пойдет и далее, то не долек тот день, когда он совсем скроется в густой илистой жиже. Дождя мы не боимся и нам, только, требовалось узнать, не намечается ли еще какой-нибудь ураган. Поэтому, прежде чем окончательно покинуть землянку, нужно было уточнить эту информацию.

- Да что ж такое! – опять занервничал Виталий, - что они там заснули, что ли?
- А может надо постучать, вдруг там деталь отвалилась? – посоветовал Петька.
- Надо не постучать, а тебе, Петька, хорошенько настучать, был бы сейчас трансивер, не мучались бы с этой маломощной «Недрой»!
- Так я ж не нарочно, - оправдывался Петька, - только посмотреть хотел...
- Я даже не представляю, чтобы было, если б ты пакостил... - Сказал Виталий, но недоговорил, так как динамик перестал шипеть и мы услышали голос Александра.
- О, привет, Шурик! А мы уж, думали, сломалось чего: кричим, кричим, никто не отвечает, глухо, как в танке!
- Это потому, что я только от Генки пришел. Там у него проблемы, целая история, короче. – Ответил Шурик.
- Подожди, а ты сейчас где? – спросил я, удивленно.
- Я сейчас у себя на крыше сижу, взял у Генки «Недру», работаю на куликовку. – объяснил Шурик.
- То-то я думаю, что оно так плохо слышно! Переключить бы на 160, и хотя на «Недре» всего три 160метровых канала, но днем, я полагаю, никто мешать не будет, да только нет антенны, она осталась висеть возле шалаша. Вот в нее, наверное, молния лупила! - ответил я Шурику и спросил, что же там такое с Генкой.
- О-о-о, это история, потом расскажу, - ответил Шурик, - а то мне надо уже в гаражи бежать, там у соседа погреб залило и свинью током убило, а в яру дохлые куры плавают. Так что надо идти разбираться и порядок наводить. Скажу только, что телепередатчик работает, можете

пробовать потом, попозже, а КВ антенна – нет, ее дед Павло сразу оборвал, когда у него сарай сгорел. Ну, ладно, я побежал, потом расскажу – ответил Шурик и отключился.

- Как сгорел??? Какой сарай? Во дворе, что ли? – засыпал я его вопросами.

Но в ответ мы услышали какую-то неразборчивую, в шумах, фразу и больше ничего. – Это, наверное, тот сарай, за который Генкина антенна прицеплена – предположил Виталий, я еще ему говорил: «Не цепляй ее, Генка, на сарай, а забей лучше, столб во дворе, так оно надежней будет». А он мне говорит, что мол, куры, в сарае телевизора не смотрят, а деду Павлу по барабану, толи за его сарай держится антенна, толи на метр дальше у меня во дворе будет. Лишний метр ничего не решает, а помех передатчик и так не дает.

- Странно как-то, - засомневался Ярослав, - если молния попала в антенну, так сгорел бы, скорее всего, Генкин флигель, а не дедов сарай.
- Мало ли, гроза, всяко может быть. – Сказал Виталий, снимая с «Недры» куликовку.
- Да это, наверное, замкнуло проводку, вот и загорелся, – не соглашался я, сарай, он и есть сарай!
- Как бы там ни было, а дед антенну оборвал! Давайте-ка лучше, начнем собираться, да побыстрее, уже скоро полдень, а мы все чухаемся! – закончил Виталий «сарайную» тему.

Сожалея о том, что так и не спросили за погоду, стали собираться, очень надеясь на то, что больше ураганов не будет. Упаковав все вещи, тронулись в путь, взяв самые необходимые, а оставшиеся решили перенести второй ходкой, благо, прорубленная нами сквозь густой островной лес тропка, была уже достаточно расхоженная. Выстроившись цепочкой, продвигались быстро, не прибегая к помощи тесака. Минут через 30, прибыли на место первой стоянки, где и находился полуразрушенный шалаш с натянутой на дерево антенной. Еще, когда утром ловили рыбу, мы были приятно удивлены тем, что «антенное» дерево выдержало бурю и устояло, не рухнув в озеро вместе с антенной. Теперь, когда солнце поднялось высоко и прогревало, нам захотелось, забыв все хозяйственные заботы, скорее бухнуться на мягкую прибрежную травку, и, расслабившись, отоспаться на солнышке, загорая. Комаров на солнце не было, а приятный ветерок сдувал напаренную влагу и охлаждал разгоряченные тела. Расчищенная, открытая полянка, вид на озеро, отсутствие комаров и знакомое, обжитое ранее место – все это действовало убаюкивающе после грозовой ночи в землянке и мокрого, пропитанного влагой утреннего тумана. Не в силах заставить себя что-либо делать, мы бросили вещи под дерево, а сами с радостными криками бросились в воду, смывая пот, грязь и усталость. Долго плавали в озере, пока перестали зудеть покусанные комарами во время следования по лесу, открытые участки тела. Вылезли, и сразу же бухнулись на расстеленные в траве, нагретые солнцем одеяла. Дальше не знаю как кто, а я отключился на пару часов, разомлев на солнышке и крепко уснув.

Проснулся оттого, что меня укусил за пятку здоровенный коричневый овод. Я подскочил, сонный, а овод, немного пожужжав вокруг, уселся на шею, в расчете и там прокусить кожу. Но он не учел, что после такого укуса сможет заснуть, только разве что толстокожий слон, и, пришибленный мощным хлопком, плюхнулся на одеяло. Со словами «Откуда здесь в лесу эти чёртовые оводы», прихрамывая, я направился к Ярославу, возившемуся возле шалаша и прилаживающего двери. Оказалось, мои товарищи уже давно проснулись и занялись делами: Виталий с Петькой пошли за оставшимися вещами, а Ярослав остался ремонтировать шалаш. Отмочив минут пять укушенную пятку в теплой озерной воде и обувшись, я принялся помогать Ярославу. Вскоре подошли наши товарищи, и, немного передохнув, взяли топоры и заготовили на шалаш бревен. Ближе к вечеру он был уже готов и обустроен. С чувством глубокого морального удовлетворения от проделанной работы, решили, как и было еще утром обещано Петьке, заняться рыбалкой посерьезней.

Так вот, пока Петька рассыпал по мискам сваренную гречневую кашу, а Ярослав открывал консервы и разливал чай, мы с Виталей, принялись готовить специальную приманку, отсыпав с котла несколько порций каши и изъев со стола четыре печеных картошины. Картошку потопкли и тщательно размешали вместе с кашей, и полученную смесь помаслили специально прихваченным касторовым маслом, с еще какими-то добавками, для привлечения рыбы. В общем, сделали приманку и поставили ее в небольшой кастрюльке, в тенёк, чтобы с вечера прикормить, а на рассвете, как только порозовеет на востоке небо, забросить удочки и тягать красных жирных карасей.

Перекусивши кашей и консервами, взяв удочки и пилу, пошли готовить, приблизительно метров 50 от нашего «купательного» помоста, специальное рыболовное место. Для этого, я залез на прибрежное дерево и спилил все низко свисающие и мешающие забрасывать удочки, ветки. После чего, набросав в воду немного отсыпанной на вечер приманки, разложили удочки и начали ловить,

сначала мелких, а потом все более крупных, карасиков. Петьке, которому Виталий все же дал еще один свой телескоп, попался даже небольшой линёк, что на лесных озерах встречается редко. Пока действовала приманка, клев был хороший: караси подплывали на запах каши и рылись в муляке, вызывая со дна мелкие бульбы. Сразу видно, что роется карась, в поисках пищи. Естественно, удочки забрасывались как раз в центр всплывающих пузырей. Но со временем приманка заканчивалась и клев прекращался. Наловивши достаточно рыбы и немного поразмыслив, решили не прикармливать рыбу на ночь, а лучше бросить кашу приблизительно за час до рассвета.

Уже начинало темнеть, когда мы приготовили на ужин очень вкусную, хотя и из карасей, уху. Дело в том, что в эти заповедные озера, естественно, не попадали никакие промышленные стоки, как часто бывает в реках, и выловленные нами караси были вкусные и не вонючие, а жаренные – аж сладкие. А, учитывая опыт приготовления утренней ухи, на этот раз, решили положить побольше специй, особенно перца. – Ух, хороша, аж дух захватывает! – сказал Виталий, любящий все острое и перченое. Но на этот раз уха получилась действительно весьма наперченной, потому что, даже он отказался доперчить индивидуально, насыпанную в миску уху. Петька же, расхрабравшись и видимо назло Виталию, демонстративно взял банку, и у всех на глазах обильно посыпал перцем свою порцию. Перекусивши, решили, что «после первой и второй, промежутков небольшой» и все насыпали себе добавки, а Петька нет. Он потом рассказывал, как ему жгло перцем «от горла до самых я...». Так вот, после миски перченой ухи Петька совсем утратил аппетит, постоянно пил воду и бегал в кусты отливаться.

Костер весело потрескивал, съедая сухие ветки и привлекая ярким оранжевым пламенем множество ночных мотыльков, многие из которых тут же и падали, обожженные. Было совсем темно, и мы, решив, что Генка уже разобрался со всеми «антенными» неприятностями, включили «Недру» и начали звать, используя свою длинную Г-образную, антенну и согласующее устройство. На 10 метрах никто не отвечал, тогда, решив «попытать счастья» на 160, клацнули переключателем, и с удивлением обнаружили относительно чистую частоту на одном из кварцованных каналов нашей радиостанции. И, не желая терять шанс, Ярослав, быстро подключил к аккумулятору, через преобразователь, усилитель мощности на ГУ-29. Сначала дали направленный вызов, в надежде что Шурик, будучи у Генки, услышит, или нам ответит Генка, используя позывной районной коллективки. Но, никто из друзей почему-то не отвечал. Тогда Виталий взял микрофон, и максимально выкрутив регулятор, раскачал «двадцать девятую» на все 200 мА анодного тока. Удовлетворенный результатом содеянного, подтянул освещение поближе, взял карандаш и тетрадку и стал давать общий вызов, невзирая на ограничения «кварцованного» канала. Заинтригованные такой решимостью, мы с интересом наблюдали за ходом событий. Сначала нам никто не отвечал, но потом стали охотно звать радиолюбители Украины и России, привлеченные интересными рассказами о нашем быте на островке, на фоне стрекочущих сверчков и пении ночных птиц. Некоторые даже спрашивали «А что у вас там стреляют?», когда ветки, прогорая, с треском выстреливали из костра, издавая специфический щелчок, который, улавливаясь чувствительным микрофоном, выглядел наподобие выстрела с ружья.

Виталий с удовольствием объяснял, что мы не охотники и не браконьеры, и что кроме нас, тут никого нет. Особое удивление у корреспондентов вызывала наша аппаратура. Дело в том, что поверхность воды, над которой была натянута антенна, хорошо отражала сигнал, и на 29тую нас слышали достаточно громко, часто даже с плюсами. Многие не верили, что используется кварцованная «Недра», утверждая, что это абсурд – брать в экспедицию трехканальную (на 160) радиостанцию. Приходилось объяснять, что мы перевернулись и КВ трансивер утонул, а до островка добирались вплавь, спасибо, хоть «Недры» уцелели и т. д. Образовалось что-то наподобие «круглого стола», на котором мы с удовольствием рассказывали о наших злоключениях во время урагана и вообще. Однако, «круглый стол» привлекал не только интересующихся природой радиолюбителей. Приблизительно через час работы «закончилась шара» и на нашей частоте появился треск продуваемого микрофона. Причем человек делал это так старательно, что казалось у него вот-вот вылезут на лоб глаза, от перенапряжения. Мы как раз разговорились с одним донецким радиолюбителем-рыболовом, но вредитель, видать подбавив мощности, начал сильно мешать, не давая ничего принять.

- Да вот, товарищ мешает, повторите. – С сожалением ответил наш корреспондент.
- Это не товарищ, это «мудила» какой-то! – злобно сказал Виталий, и, расстроившись, выключил радиостанцию, предварительно извинившись за незаконченную радиосвязь, если кому-то еще удавалось нас принять.
- Эх, жалко нет трансивера! – добавил я, - хотя, если уж заведется дурак, так от него никаким ГПД не отстроится, будет по всему диапазону за тобой бегать.

- Это точно, - подтвердил Ярослав, - вот я помню случай...

Но мы так и не узнали, что за случай хотел рассказать Ярослав, потому что из темноты послышался звон падающих кастрюль и мисок. Виталий взял освещение и мы подошли к дереву, под которым у нас хранились продукты и готовая еда. Там увидели Петьку, он собирал валяющиеся кастрюли. Сначала мы подумали, что Петька, опять побежал мочиться, и в темноте, впопыхах, наткнулся на кучу сложенных вместе кастрюль и мисок. Но тут мое внимание привлекла валяющаяся неподалеку, вся в гречневой каше, алюминиевая ложка. «Странно, ведь я все ложки помыл, посчитал и положил в кулёк» - отметил я, несколько удивленный.

- Ты что, таки решил добавить в приманку еще масла? – спросил я Виталия, поднимая ложку.
- Нет, я и так его влил больше обычного. – Ответил он, с удивлением рассматривая выпачканную кашей ложку. Потом подумал и подозрительно уставился на притихшего около посуды Петьку.
- Петька, ты приманку брал? – спросил Виталий строго.
- Какую приманку? Зачем она мне? – ответил встревоженный Петька.
- Так почему же ложка вся в каше валяется? – допытывался Виталий.
- Это я кашу ел, уха мне не лезет, а жрать охота! – ответил Петька, как всегда по расхлябанности не зная, что к чему.
- Ну и дурак раз ел! Спрашивать надо, если не знаешь! – рассердился Виталий.
- И что, вкусно? – спросил Ярослав, с нескрываемым интересом поглядывая на Петьку.
- По крайней мере, без перца и в роте не печет. – Ответил Петька. – Хотя, вообще-то, невкусная какая-то, – добавил он позже, - а что?
- А то, что сожрал ты половину приманки, вот что! – ответил Виталий, расстроенный таким поворотом дел. – Тормоз, ты Петька, тормоз!
- Ясно, что не ангел! – сказал я, забирая у Виталия Петькину ложку, - ничего, нам на утреннюю зорьку хватит, утром оно и без приманки неплохо клюёт.
- Да уж, на наш век дураков хватит! – огорченно произнес Виталий, видимо толком не расслышав конец сказанной мною фразы. – Давайте лучше, спать готовиться, достали уже: там «мудак», а здесь дурак!
- Сам дурак! – огрызнулся Петька, - предупреждать надо!

Закончив выяснения, стали готовиться к ночевке. Виталий, поругавши Петьку, как-то сразу и уснул, закутавшись в фуфайку и одеяло, я тоже больше про это не вспоминал, только Ярослав, сказав Петьке еще что-то насчет каши, хитро улыбнулся и спросил, наелся ли тот. Петька, засыпая, отмахнулся и сказал, что уже сыт по горло всеми этими дождями, комарами, пиявками, передатчиками и проблемами. А спустя минуту, все уснули, изрядно вымотавшись за день. Сквозь сон я услышал, как Петька потихоньку открыв дверь шалаша, выскользнул наружу. «Как бы не напустил комаров» - подумал я и снова погрузился в сон. Снилось мне невысокая, метров сто, поросшая лесом с множеством красивых лужаек, гора. Вокруг горы, почему-то, образовалось море. Сначала море было спокойное, а потом поднялись огромные, с пятиэтажный дом, волны. Волны все увеличивались, стараясь захлестнуть и поглотить как можно больше суши. И неизвестно чем бы закончился столь необычный сон, если бы меня опять не разбудил шелест открываемой двери. Я потом уснул, но ненадолго, так как Петька, только что вернувшись, начал вылезать снова. Через некоторое время все повторялось в той же последовательности. И тут я понял, почему Ярослав, расспрашивая Петьку, хитро улыбался. Конечно же, мы с Виталием как-то и забыли, что каша специально для приманки, намаслена касторовым маслом, дабы эффективнее приманивать рыб. А так как Петька, после перченой ухи, съел без разбору и пол кастрюли приманки, то теперь, естественно, постоянно бегал в нужник, мешая уснуть.

Тем временем, Петьке надоело бегать всякий раз в расположенный не близко (по понятным соображениям), приблизительно 50 метров от шалаша, нужник. Тогда он, намечая путь фонариком, решил протоптать небольшую 15-20 метров в лес, тропку, для своих собственных нужд. Взял фонарик и полез в хащи, выбирая место поудобнее. Пройдя метров пятнадцать, обнаружил, что всё свободное под деревьями пространство, занято зарослями крапивы, и использовать его для такого дела, явно не рекомендуется. В надежде обойти крапивные заросли, Петька, взяв немного влево, прошел двадцать метров и опять уткнулся в крапиву. Тогда решив, что уж лучше справлять нужду в привычном и проверенном месте, направился в сторону нужника, но опять попал в заросли крапивы. Не желая пробираться через жалючие заросли, так как был в штанах и в футболке, а крапива высокая, чуть пониже головы, он стал ломиться сквозь небольшие поросли камыша, в надежде выйти на обжитую лагерную поляну. Сначала Петька замочил кроссовки, а, пройдя еще несколько метров, начал медленно погружаться в вонючую чавкающую жижу. Испугавшись, инстинктивно рванул назад, но плохо зашнурованный кроссовок чавкнул и

остался в глубине болотца, Петька же вытащил на поверхность только грязную ногу. В панике, он стал шарить в грязи в поисках кроссовка, увязая в нее все глубже и глубже. Фонарик Петька случайно упустил в грязь, после чего тот, часто замигавши, погас окончательно, оставив несчастного владельца в непроглядной тьме и выше колен увязшего в болотце.

***

Как поп чёрта изгонял

Темная, глубокая ночь, воцарилась на острове. Поутихло пение многих ночных птиц, только филин, периодически нарушал тишину, неприятным моторошным криком. Иногда, из глубины острова, доносились непонятные и приглушенные звуки, похожие на плач маленького ребенка. А так как мы являлись радиолюбителями, а не зоологами, то и объяснить какая это птица или что-то еще, издает в глуши озёр и болот такие жуткие звуки, определённо не могли. Может это и смешно, но нам тогда было по 16-17 лет, и никто бы ночью не пошел в глубь острова, даже если бы там находился какой-нибудь клад или «кенвуд». Даже в сортир и то, лишний раз, вылезать не хотелось. Днем ничего, а ночью восприятие совершенно изменяется. Наверное, надо прожить не один месяц в лесной глухомани, чтобы полностью привыкнуть к звукам ночного леса. Пока сидишь у костра или беседуем в шалаше, то и не замечаешь; но вот проснешься среди ночи, попить воды, например, как вдруг зловеще завоет сыч или громко закричит филин, а что хуже – донесется из глубин острова, этот жуткий, похожий на человеческий, плач. Тогда от головы и до самых пят, пробегают по телу неприятные «мурашки», а спина вздрагивает и кажется, что она покрывается плотной «гусиной кожей» с липким и холодным потом. Еще было страшно, когда за стенкой нашего шалаша стали слышны шаркающие по прошлогодним листьям в траве, осторожные человеческие шаги. Виталий меня разбудил и шепотом сказал: «слушай». Я прислушался и отчетливо услышал: шур-шур, шур-шур.... Прямо-таки шаги, как крадется кто-то, постоит, насторожится, а потом опять, шур-шур, шур-шур. Виталий взял тесак, а я фонарь, и, резко открыв дверь, мы увидели как в нескольких метрах от шалаша, испугавшись света, лежит, свернувшись в клубочек, большой серый ежик. Говорят, что ежи ловят мышей, однако я не знаю, как это у них получается, потому что когда ёж бежит по листьям, то получается звук, ну точно как шаги человека.

Мы уже крепко спали, как вдруг услышали резкий отрывистый крик. «А-а-а-а-а. А-а –а!» - громко донеслось из лесу и все повскакивали, просыпаясь.

- Что это? – прошептал Ярослав, затаив дыхание.
- Кричит кто-то, - также шепотом ответил я.
- Что за чертовщина, кто же здесь, ночью, будет кричать, - сказал Виталий и потянулся к тумблеру, подвешенному на крючке.
- Ты что! Не включай свет! – резко одернул его Ярослав. - Хочешь, чтобы нас сразу заметили!
- А мы, пока, не от кого и не прячемся, - ответил Виталий, но освещение зажигать не стал.
- А знаешь, Виталя, ведь здесь то и днем, кричать вообще-то, некому, - негромко произнес я.
- Гм.... Не знаю, даже что и думать, - сказал Виталий, - а почему же он снова не кричит? Может это птица такая, или зверь, как то, что детским голосом стонет.
- Н-не знаю, - ответил я, не уверенно.
- А может, это охотники заблудились? – с надеждой предположил Ярослав.
- Какие охотники? Охотники по ночам не шастают. И правда, чертовщина какая-то, - повторил Виталий, и нам стало совсем уж не по себе. – То-то, Петька, должно быть в штаны наложил, - продолжил он, уверенно. – Что, Петька, страшно тебе?

Но Петька, почему-то, не отвечал. «Неужели спит?» - удивился Виталий, и двинул ногою в сторону Петькиной лежанки. Нога свободно преодолела ничем не занятое пространство и уперлась в камышовую стену шалаша, глухо стукнув.

- Эй, Петька, не балуй! – тревожно крикнул Виталий. - Ты куда, паршивец, спрятался?!

- Пацаны, - сказал я, и у меня в голове мелькнула страшная догадка, - это он кричал, включай, Виталия, свет!

Виталий включил свет и мы увидели, что действительно, Петьки нет в шалаше.

А что же Петька? Сначала он безуспешно тряс мокрый и грязный фонарь, в надежде что тот, после купания в болоте, может и заработает. Но фонарь не работал. «Ну и чёрт с ним!» - подумал Петька, и стал шарить в грязи, пытаясь нащупать оставшийся в глубине черной жижи, соскочивший с ноги плохо зашнурованный кроссовок. «Неужели засосало?!» - забеспокоился он, ничего не обнаружив, хотя и засунул руку в грязь по самое плечо. Вдруг что-то резко кольнуло в ногу, сначала в одну, потом во вторую. Ощущение было острое, похожее на то, когда берут кровь с пальца, прокалывая кожу медицинской иглой. Петька, увязший в болотце повыше колен, в панике задергался, так как болочные укусы в ноги, следовали один за другим. Но пока он искал кроссовок, то погрузился еще глубже и уже никак не мог вытащить из грязи ни одну, ни другую ногу. Осознав свое положение, Петька, оторопев от страха, громко закричал и стал, размахивая руками, хвататься за растущие вокруг болотные камыши, вырывая их с корнем. После нескольких попыток, ему, наконец, удалось ухватиться за толстую охапку, и, поднатужившись, вытянуть увязшие ноги. Затем, проваливаясь в грязь по колена, он вскоре выбрался на сушу. Тем временем, мы покинули шалаш и, освещая поляну запасным фонарем, стали звать Петьку. На наше счастье, сразу услышали ответ.

- Я здесь! Здесь я-я-я! – кричал Петька, где-то из чащоб.
- Что-о-о случи-и-лось? - прокричал Ярослав.
- Застря-я-л! Застрял я! – послышалось в ответ.
- По-до-жди! Сейчас идём! – крикнул Виталий и прорубивая тесакком заросли, мы пошли в сторону Петькиного голоса. Вскоре, нашли Петьку, приблизительно в метрах семидесяти от поляны, как раз возле болотца.

Когда все выбрались на поляну, Виталий включил стационарное освещение лагеря. При свете мощного фонаря, мы с изумлением смотрели на мокрого и с головы до пят вымазанного в грязь, нерадивого Петьку. «Ну и ну!» - произнес Ярослав, и даже присвистнул от впечатления. Действительно, вид у Петьки был даже еще более впечатляющий, чем тогда, когда перевернулась лодка и покусали пиявки. Если бы его ночью увидел какой-нибудь, например, охотник, тогда скорее всего, не сомневаясь в существовании потусторонних сил, пальнул из ружья и сказал бы что подстрелил чёрта.

Петька сидел на траве и чрезвычайно подавленный случившимся, молча чесал покусанные болотными жучками ноги и искусанные злыми комарами туловище.

- Ну что ты, Петька, сидишь? - сочувственно сказал я, - пойдем к озеру, обмоешься, а я присвечу.
- А с этим, что делать? – несмело спросил он, указывая на валяющийся в траве, грязный кроссовок.
- С этим? – переспросил я, и задумался.
- Давай зашвырнем в озеро! – злорадно усмехаясь, предложил Виталий.
- Зачем в озеро? – немного подумав, ответил я. - Пусть лучше Петька стирает, а там как знать, может и получится отыскать второй; и потом, зачем зря озеро захламлять? Лучше спалим.
- И кто же это, будет искать его в болоте? – удивленно спросил Виталий, - бросить в огонь и точка! Что, Петька, допрыгался?! Вот есть, все же, справедливость на белом свете. А я думал, что ты только наше имущество портить горазд. Ан нет! Может теперь уж и поумнеешь!
- А ты, Виталия, не радуйся, - сказал Ярослав, рассудительно, - он сначала испортит побольше всего у нас, а только потом навредит и себе.
- Я вот ему наврежу! Наврежу! – опять разозлился Виталий. – Хорошо, что я уже спалил испорченные кеды. Вот так тебе, Петька, и надо! Ха, ха! Будешь теперь босиком шастать, и пусть тебя грызут комары за пятки!
- Меня и так уже загрызли, - буркнул невеселый Петька, - и комары, и болотные твари! Пошли, Валера, к озеру, посветишь дорогу, а то страх как чешется всё.

- Пошли – согласился я, - это тебя, наверное, жучки покусали, я знаю, есть такие – в муляке живут. Не везде, правда, но когда-то и меня покусали также, мы тогда в пересохшем озерце карасей ловили, руками.
- И много наловили? – спросил Ярослав, пока Петька мылся.
- Да так, не много, - ответил я. – Озерцо было не мелкое и карась глубоко зарылся. А вот Павел Васильевич, однажды, целый мешок накопал. Он мне на рыбалке рассказывал.
- Как накопал? – не понял Ярослав.

- А так. Послали его по работе, на недельку, в командировку. В какой город уже не помню, но где-то здесь, на Украине. Ну, он там делал свои дела, а после обеда, часика в два-три, был уже свободен. Городок тот небольшой, чуть больше поселка, и неподалеку находился лесок и озера, правда, все мелкие и заросшие. Павел Васильевич был заядлый рыбак и очень любил посидеть с удочками в тихом и спокойном месте. Поэтому, купив в местном магазине леску и крючки, отправился в сторону озер, в надежде с интересом провести оставшееся время. Там он вырезал небольшую палку, нацепил снасти и пошел разыскивать место. Но озёра были и так очень мелкие, а еще стояла длительная жара и они совсем пересохли, а в некоторых даже и земля потрескалась. Ходил-ходил, но ничего не нашел. Разочаровался, бросил палку, и снасти назад смотал. Вдруг видит: мужик идет, с лопатой и мешком. И так каждый день, что не прогуливается Павел Васильевич, то и видит мужик ходит. «Ну, думаю, куда же это он ходит» - рассказывал Павел Васильевич. Подошел, спросил на обратном пути. А тот ему отвечает: «Рыбу ловлю!» и показывает мешок, а там полно жирных грязных карасей. В общем, познакомились они, взял Павел Васильевич вина, посидели, покалякали и договорились на следующий день встретиться. На следующий день, выпросил Павел Васильевич у завхоза общежития, где ему на время командировки дали комнату - мешок и лопату. Встретились с мужиком, и пошли рыбу ловить. Подходят, значит, к месту, видят - течет небольшой ручеек, но через десяток метров заканчивается, остаётся только потресканное пересохшее русло, пару метров в ширину и пятнадцать-двадцать в длину. Короче, достают они лопаты – и давай копать! Почти мешок рыбы к вечеру накопили. А караси живые, только вялые такие, малоподвижные.
- Ясное дело, вялые – согласился Ярослав, - толи дело в воде, а толи в муляке.
- Так ты представляешь, - продолжил я, - не просто в муляке, а под пересохшей коркой! И хотя глубже, идёт мокрая грязь, а всё равно, удивительно это, какой же живучий всё-таки карась!

Петька уже обмылся, и мы пошли к шалашу, досыпать оставшуюся ночь.

Из-за такой сумбурной ночи, проснулась вся наша кампания не ранее 9 часов утра. По обыкновению, полезли в озеро, чтобы подбодриться и разогнать остатки утреннего сна. Потом разожгли костер и досушили еще мокрый после стирки, одинокий Петькин кроссовок. В этот раз на Петьку не особо сердились, но зато постоянно подкалывали, называя то одноногим Сильвером, то старшим помощником обломом.

Одноногим Сильвером, Петьку назвал Ярослав, когда тот обул высохший кроссовок, а вместо утерянтого второго – намотал на босую ногу кусок брезента и перевязал веревкой, чтобы не сползал. А Виталий выдвинул предположение, что эта наша экспедиция – похожая на экспедицию яхты «Беда», но только гораздо хуже, так как яхте не повезло только потому, что отпали буквы «ПО», а мы же обречены на фатальное невезение, так как взяли с собою Петьку. Поэтому Виталий и называл его «старшим помощником обломом».

Да! Сегодня у нас тяжелый день. Планируем найти трансивер и поднять аккумулятор. Но сначала нужно построить плот. Плот мы решили строить побольше и помощнее, потому что интересно было сплывать на соседние островки, и по возможности исследовать их.

На заготовку стройматериала отправились сразу после завтрака, чтобы успеть соорудить планируемое плавсредство не позднее, чем к обеду. Довольно быстро нарубили десяток ровных и длинных кленовых стволов и перетащили на поляну. Теперь оставалось распилить их и сколотить в плот. Плот строить было удобно, поскольку солнышко поднялось и пригревало, а на открытой поляне комары не кусались. Пока мои товарищи пилили бревна, я быстро подключил «Недру» и начал вызывать друзей, оставшихся в поселке. Но никто не отвечал. Тогда решил, что вероятно, Генка еще не сделал оборванную соседским дедом антенну, и печально вздохнув, принялся разматывать кабеля и подключать телевизионную аппаратуру. Походный телевизор и телекамера заработали нормально, а вот передатчик никак не хотел транслировать качественный

видеосигнал. Изображение было какое-то рваное и индикатор отдачи в антенну изменил свои показания на несколько делений. Сначала я подумал, что сгорел один из КП-350 в балансном смесителе видеомодулятора. Но, замеряв режимы привезенным на островок тестером, вскоре убедился, что причина иная. И уже хотел было вскрыть видеоусилитель, как вдруг вспомнил, про изменившиеся показания индикатора отдачи. Тогда я взял у Виталия военный бинокль и внимательно осмотрел подвешенный на дереве 57мегагерцовый диполь, трехметровой длины. Не высмотрев ничего подозрительного, достал походный КСВ метр и подключил его между согласующим устройством передатчика и антенной. Оказалось, большое КСВ, и ничего не поделаешь, нужно антенну снимать. После прозвонки обнаружилось, что в обрыве центральная жила антенного кабеля. К счастью, обрыв находился где-то на конце кабеля, и, отрезав небольшой кусок, удалось восстановить работоспособность. По всей видимости, из-за обрыва в антенне, ВЧ токи наводились на предварительные каскады телепередатчика и, смешиваясь, нарушали модуляцию сигнала. Хорошо еще, что не сгорел транзистор на выходе.

Антенна была восстановлена и, подключив телекамеру, проверили качество сигнала, оттачив контрольный телевизор, на всякий случай, подальше от передатчика. Сигнал был хороший. И только я подключил телевизор к коммутируемой (RX/TX) антенне, как сразу увидел Генку. Генка ходил по комнате и, по-видимому что-то искал, так как всё время рылся в каких-то ящиках. Но вот он решил, что пора проверить эфир и перешел на прием. Мы, конечно, сразу подключились.

- О, наконец, то! – сказал я, вздохнув облегченно. – Плохо без оперативной связи, приходится вот какую машину гонять. Гораздо удобнее было бы, связаться сначала на «Недре», а потом, если надо, включить телепередатчик. Что там у тебя, Генка, такое с антенной?
- Привет-привет, - ответил Генка, - С утра у телевизора дежурю, а вас всё нет.
- Мы антенну ремонтировали. Кабель перетёрся, - кратко ответил я.
- А-а-а. – протянул Генка, после небольшой заминки, - понятно. – А у меня чёртов дед, чтоб ему повылазило, антенну сорвал да еще скандал устроил! Специалист хренов. Я вот ему покажу, как антенны обрывать!
- Нам Шурик говорил, что у деда сарай сгорел, и вообще, непонятная эта история – сказал Виталий, затачивая топорик и не спеша чиргикая напильником.

- Ты, Виталя, если говоришь, - раздраженно ответил озлобленный на деда Генка, - то не будь занудой, перестань строгать напильником! И так голова гудит, а ты еще по мозгам пиликаешь, словно скрипка в общежитии. Я еле разобрал вопрос, только напильник и слышно. А дед этот, форменный мудака. Ну и что, шо сарай сгорел? Причем тут моя антенна? Крыша сгорела, а каркас остался. И пусть себе висит, так нет же, прибежал, матерится, я на тебя, говорит, в суд подам. Мол, молния в антенну попала и крыша загорелась. «Какая, к чёрту, молния?!» - отвечаю деду, у меня заземление и орешковый изолятор. Что вы здесь матом кроете, пусть лучше ваша бабка у меня на огороде огурцы не тырит, а то проснулся утром – огурцов нет и следов полно. Пошел по следам, а они к вам во двор тянуться. Как до чужого добра – так молча, а как задрыпанный сарай сгорел – так матом! В общем, объяснил ему, а он взбесился, влез на каркас и рванул антенну. Так она вся к нему во двор и потянулась, я еле успел за конец схватиться. Если она хотя бы упала, а то на деревьях повисла, а дед па...юка, так и тянет, так и тянет! Мотаает, гад, проволоку и матерится. Я пока на дерево взобрался, так он её всю и смотал, а мне только кусок достался, метров семь провода. Так что пока провод не найду, антенны не будет. Ну, может времянку, какую и кину, но не высоко.

- Жалко антенну, - сказал я, огорченному и злому Геннадию. – Это и правда, обидно. Даже дотошный поп Иоанн такого не сделал, когда мы с Володькой ему в форточку антенну забросили, хотя уж он то имел полное право её оборвать. Помнишь?
- Конечно помню, - ответил Генка уже более ровным голосом, - мы ему потом три дня огород копали, что б уладить это дело. Жаль только, Володька женился, не до радио ему теперь.
- Ты давно его на АМ слышал? – спросил я.
- Очень давно, - ответил Генка и опять нахмурился. – За трансивером не ныряли? А то, как бы и аккумулятор тоже, не испортился, - спросил он неожиданно.
- Когда бы мы ныряли, если еще плот не готов, - вмешался Ярослав, - вот достроим, пообедаем, натянем маски – и вперёд за наградами.

- Вы уж сегодня, пожалуйста, достройте – попросил Генка, - мне без аккумулятора никак нельзя, тут и так неприятности, и не хватало еще, чтобы он в воде испортился.
- Аккумулятор достанем, - успокаивал я Генку, - его мы сразу нащупали. А вот трансивер ... - с трансивером проблемы. Да что говорить, ты и сам всё знаешь. Лучше, Гена, делай

побыстрее какую-нибудь КВ антенну, потому что очень плохо без дежурного приёма. Не держать же, в самом деле, всё время включенный телек!

- Да, - твёрдо сказал Генка и решительно сжал кулаки, будто собирался не антенну вешать, а участвовать в уличной драке, - да, антенну надо делать. Ну, пакостный дед! Ему я, это, даром не оставлю!

Дальше мы обсудили всякие хозяйские дела и условились связаться только поздно вечером. Наступило время обедать. На обед сварили большую кастрюлю картошки, открыли консервы, банку сгущенки и заварили чай. Когда всё было готово, покупались в озере, и, расслабившись, удобно расположились вокруг импровизированного стола, испытывая зверский аппетит.

- А что, это, за поп такой? – спросил Петька, ловко наминая «Филе-кусочки в масле», - тоже радиолобитель, что ли?
- Ха-ха! Дурак ты, Петька, где же это ты видел, чтобы попы радиолобителями были?! – громко рассмеялся Виталий. - Попы – они испокон веков попы. Одурманивают народ, что бы бабки им потом яйца и сало сносили. У меня вон бабка тоже, веровала, так что ни воскресенье, то ездила к попу и меня с собой тащила. Я тогда мал еще был, лет десять, но книжки типа «Юный радиолобитель», читал, и никаким попам не верил, а собирал приёмники и взрывпакеты бахал. Так вот, пока мать была на работе, и дядька Сашка тоже, то бабка меня и воспитывала. Как сейчас помню: противная такая бабка, религиозная. Что ни сделаешь – она евангелие причитает, а потом хворостиной, хворостиной! Даром что я уже в третий класс ходил, всё равно выдерет. Особенно за взрывпакеты. Помню, спрятался в сарай и счищаю серу, целых два блока спичек перечистил, замучался вовсе. Вдруг бабка как нагрянет! Ну, я выскочил, а пластмассовый коробок с плоскогубцами, остались. Серу я, в тот коробок чистил. А бабка плоскогубцы спрятала, и коробку в печку кинула. (У Виталия в летней кухне, во дворе, стояла самодельная газовая печка-буржуйка, этакая железная бочка, а внутри трубка-факел горит.) Так оно потом как гахнет! Бабка аж на землю впала, с перепугу. Я испугался, думал газ, подбегаю, а бабка с пола поднимается, хватает мухобойку и давай меня драть! Закрыла на кухне и лупит. Мне делать нечего, бегаю, кричу: «Что же вы, бьётесь, я знаю, батюшка не говорил, что детей драть надо». А она лупит и голосит, на весь двор слышно: «Ах ты, аспид, Архелай Иудейский! Вот ты куда, стервец, спички деваешь» К вечеру пришли родители и мне опять досталось. После этого, бабка видать решила, что здесь не иначе как чёрт шепчет, и на следующий день повезла меня в церкву. О том, что поедем к попу, я узнал еще ночью, когда приспичило в сортир. Сходил в сортир, а потом мне кваса захотелось. Зашел на кухню, вижу: бабка сумку приготовила, толстую такую. Ну, думаю, опять к попу собралась и не иначе как меня потащит, вон сумка какая толстая, видать за двоих поп молиться будет. То есть за бабку и за меня. Тут меня зло взяло – ладно пусть за бабку молится, ей помирать, а мне-то что? Только зря сало тратить. И, недолго думая, открыл сумку и вынул вполне приличный кусок. Сало было хорошее, с аппетитною мясною прослойкой. Я взял нож и аккуратно перемещая лезвие, срезал от туда всё мясо. «Пусть теперь жрёт!» - думаю, а сам радуюсь, представляя, как мы с пацанами закоптим его на костре. «А на бабкины грехи, хватит и без мяса, сало и так свежее, добротное. Пакет она разворачивать не станет, а попу и так сойдет, там еще яйца и колбасы домашние» - решил я, закрывая сумку и весьма сожалея, что с колбас ничего нельзя срезать.
- Да, помню, хорошее получилось мясо – сказал Ярослав, доедая картошку, - а вот бы сейчас шашлычки! - мечтательно добавил он, позже.
- Тебе хорошо помнить, - продолжил Виталий. – А меня за это сало, потом, отчим отлупил ремнём и ключи от гаража забрал, чтобы по сумкам, без спросу не лазил.
- Так откуда ж он узнал? – удивился Петька.
- Откуда, откуда. От верблюда! – съязвил в ответ Виталий. – Противный поп, домой припёрся. Вернее не домой, а к бабке Дуньке, это сестра бабки моей, тоже верующая и противная, мы у неё тогда заночевать остались.
- А ну, Виталя, расскажи все по порядку, - попросил его я.
- Так я уже сто раз рассказывал! – ответил он.
- Ну, расскажи еще, Петька не слышал, - настаивал я.
- И я плохо помню, - поддержал Ярослав, - только то, как тебя отчим драл, помню хорошо, тогда еще мой велик в вашем гараже остался, а я пришел забирать, подхожу и слышу: орёт кто-то; ну, думаю, не иначе как Виталю отчим дерёт. Так я и заходить побоялся!

- Ну и дундук, раз побоялся! – высказал Виталий огорченно, - зашел, а там бы дядька Сашка отвлекся, и пороть перестал, мне бы тогда меньше досталось.
- Ага, перестал! – ответил Ярослав. – Я помню, натворили мы что-то, он увидел, да как даст подзатыльник! Причем тебе один, а мне два!
- Это потому, что я убежал раньше, - разъяснил Виталий.
- Вот-вот. Сам убежал, а мне говорит, заходи. Э гэ, дураков нет! – сказал Ярослав, хитро прищурился.

Виталий открыл рот, собираясь ответить Ярославу по поводу дураков, но, не сообразив ничего подходящего, откусил полкартофелины и тщательно пережевывая, продолжил рассказ про дотошного попа.

- Так вот, - проговорил он, закусывая хлебом, - приехали мы значит, в село до бабки Дуньки. Село большое, с церковью. В церкви той, проживало несколько монахов, и справлял службу поп, батюшка Иоанн. Иоанн был поп молодой, но уже толстый и, как я подозреваю, хитрый.
- Конечно хитрый, - уверенно подтвердил Ярослав, - а то с чего же, ему, молодому, быть толстым? Монахи живут бедно, на церковных харчах, да на безмясных постах особо не разжиреешь.
- Так то монахи, а это поп, - продолжил Виталий, - конечно, не всю же жизнь в монахах ходить, надо и хозяйство налаживать. В общем, зашли мы в церковь, а там уже бабки набились, послушать как поп поёт. Долго пел, нудно, мне уже есть захотелось, а он еще, гад, поёт. Не выдержал я и полез в карман, а в кармане у меня семечки. А только как их есть-то? И тут я вспомнил, как в школе лузал на уроках семечки, а чтобы не привлечь внимание и не мусорить, лушпайки не выплёвывал, а кончиком языка во рту, аккуратно, отодвигал их за левую щеку. Правда, к концу урока был вид, будто бы на левой десне воспалился здоровенный флюс. Однажды даже, меня вызвали к доске отвечать урок. И хотя, урок я, в общем-то, знал, но не мог произнести и слова, потому что тогда изо рта посыпались бы лушпайки. Стою я как дурак и глазами лупаю. А училка молодая, злая, все орёт и характер тренирует, это значит для того, чтобы потом ученики на шею ей не сели. А лицо у меня – будто я щеки надул и гримасы корчу; когда сидел, то вроде бы ничего, а как вызвали к доске, то перекосило, наверное от волнения. Отвечай, говорит, или садись два поставлю. А двойку мне, конечно, не хочется. Подожду, думаю, сейчас решать скажет, уж на доске-то мелом напишу, а там скоро звонок, все повскакивают, она отвлечется, и я быстро выплуну шкорки вот в это, рядом стоящее, ведро. Однако училка уставилась на меня, смотрит и говорит: «Я такой наглости просто не встречала, мало того, что урок не выучил, так он еще рожи корчит! Если ты, сейчас, не уберешь дебильное выражение, то кол по поведению тебе поставлю».
- Кха! Кха! – откашлялся Ярослав, со смеху подавившись кильками, - и что, кол влепила?
- Двойку поставила, и выговор вписала, что-то типа: балуется на уроках, срывает дисциплину.... Но неважно, всё равно её со школы потом выгнали, говорят, с директором поругалась.
- Так говоришь, жрать охота и семечки в кармане, - напомнил Петька суть разговора.
- А, да, – сказал Виталий, - очень охота. Стал я незаметно есть семечки. Ну, ем, а шкорки за щекой собираю. Бабка на попа смотрит, слушает и не замечает, как я из кармана семечки достаю. А главное, что лушпайки не плюю и кажется, будто у меня просто чешется подбородок, раз я руку ко рту подношу. Минут через пятнадцать закончилась служба, и поп остался объяснять индивидуально и принимать дары. А бабка, как назло, рассчитывала поговорить с попом подольше, чтобы он и мне, про всякий там грех, рассказал. И стали еще, ждать пока другие пройдут. А я-то думал, служба закончится - мы уйдём, вот и наел полный рот шкорок. Эх, думаю, досада. Но ничего, поп не училка, двойку не поставит, просто буду молчать, вот и все. Пусть знает, что я атеист. Конечно, немного поддакнуть было бы лучшее, а то, как выйдем, бабка заругает. Ну да ладно, что ж теперь поделаешь. Так вот, ждем мы и ждем. Вроде и немного времени проходит, минут десять, где-то, а мне они за полчаса смахивают. А во рту лоскочит и чешется, так и хочется, извините, плюнуть. Терплю, а сам проклиная ту бабку, что перед нами будет. Точнее не бабку, а целую семейку – бабку, женщину и мужика. Как я понял, загулял мужик, а бабка, его теща, жалуется попу, а жена плачет и причитает. Мужик же, видимо, не совсем трезвый: пошатывается, бурчит что-то, а иногда и громкое словечко скажет. Видно не нравится ему эта церемония, но боится тещу и замолкает, когда поп читает о грехе блуда. В общем, моя бабка сидит, ждёт на лавке, а я

встал, вроде как ноги затекли, и подсел поближе, с краю рядов, где мне хорошо слышно стало. – Бес плутает, - слёзно жаловалась женщина попу, - пьёт больно и на девок всё время зыркает, уже третью ночь дома не ночевал, пропал мужик, спаси батюшка! А мужик скривился, молча стоит, то на тещу зло поглядывает, то на попа угрюмо смотрит. – Всяк кто смотрит на женщину с вожделением, имеет грех прелюбодеяний, ибо прелюбодей он будет в сердце своём – читал поп Евангелие и внимательно глядел на скривившегося мужика, - ежели правый глаз соблазняет тебя, - продолжал он, - тогда вырви его, окаянного, и брось прочь от себя: ибо лучше, чтобы истлел один из членов твоих, ежели все тело будет ввержено в геенну. На это мужик ничего не сказал, только зло на жену глянул и пробурчал ей что-то. Поп услышал и читает: «А кто разведется с женою своею, тот кроме вины любодеянья, даёт ей повод прелюбодействовать». Тут мужик не выдержал, занервничал, и так икнул, что батюшку даже перегаром обдало. Батюшка отшатнулся, и я услышал: «Кайся, сын божий, ибо храм сей не питейный вертеп..., держите язык от лукавых речей..., не скверни дондеже в храме..., широки врата ведущие в погибель...», и всякое тому подобное. Бабка, теща мужика, завидев, что дело принимает нежелательный оборот, поблагодарила попа, и, оставив дары, быстро выпихнула мужика на улицу, освободив наш черед слушать поученья. Подошли к попу, ну бабка ему и рассказывает, что мол, внук стал совсем непослушный, и дня не пройдет как сделает дурное, не иначе как пороблено или подбивает кто. Поп послушал и сказал: «Диавол ставит сети на молодые души, ибо не размышляют они, что плоть есть тленна, и не знают они писания, а потому и открыты во грех. Скажи, отрок, что ты слышишь, доколи приступить к действию дурному?». Я, конечно, ничего произнести не в состоянии, стою себе молча, попа рассматриваю. Бабка мне шепчет: «Отвечай, окаянный, не позорь перед батюшкой!». А я молчу. Тогда поп подумал, наверное, что меня совсем уж черти одолели и решил обкурить каким-то дымом, чтобы изгнать нечистого, или очистить, или не знаю, как оно там еще называется. Запалил он зелье и вокруг махает.

- Это ладан, - уточнил Петька, - им всегда чёрта изгоняют.
- И покойника обкуривают, – добавил Ярослав.

- Не знаю чем обкуривал тогда поп, - продолжал Виталий, - а только дым какой-то специфический, попал мне в ноздри и щекочет. Я терпел-терпел, а потом как чихну!!! И прямо батюшке на рясу. О, это надо было видеть! Батюшка испугался, отскочил, а ряса была усыпана мокрыми, прилипшими лушпайками. Даже на лицо пристала черная шелуха. Опешили, бабка перепугалась, ничего не поймет, всё меня за плечи теревит, а у самой руки дрожат. Вдруг подбегает находящийся неподалёку монах, кричит: «Сетьно узрел Диавол, аки воздвигнут глас покаяния, и отступил, сие облегчая чрево!», хватает меня за руку и выводит во двор, а бабка за мной бежит и молится. У бабки зрение плохое, она и не поняла что это лушпайки, только испугалась, охает. Я думаю, поп тоже не разобрал сразу, а монах этот, меня знает, я для него как-то тайно за самогоном бегал, когда у бабки Дуньки гостили. В общем, моя бабка ничего и не узнала, отдала ему сумку и пошли мы домой (до её сестры). Всё по дороге спрашивала, как я себя чувствую. Я отвечал что хорошо, только болит голова и шея. «Это тебе за непослушание и хулу» - пояснила она.

- Ха, ха! Хорош гусь, «болит голова и шея», - рассмеялся я, - а щёки не болят?
- Я бы посмотрел, чтобы ты делал, если б так попал – спокойно огрызнулся Виталий, - хорошо ещё, что был знакомый монах и вывел.
- Да-а-а... От греха подальше, - добавил Ярослав, вытирая жирное пятно, оставленное упавшей килькой, во время следования в рот.
- Так что, и вправду такое было? – спросил впечатленный Виталиным рассказом Петька.
- Это тебе повезло, что ты тогда жил на севере и у нас не бывал, - ответил Виталий, - а то бы и тебе досталось. Противная была бабка. Когда умерла, я и не плакал сильно.
- Ещё бы! – воскликнул Ярослав, вымакивая соус со дна консервы, - помню, пришёл я к вам, говорю: «позовите мне Витальку», а сам пирожок ем. А тогда пост шел какой-то, и бабка твоя, как увидела пирожок с мясом, так и кричит: «Что ты жуёшь пред мои очи, аки некормленный скот». Так меня со двора и турнула!
- Конечно турнула. А ты что думал? В пост все бабки, которые веруют, злые, - подтвердил Виталий.
- Это потому, что шляются голодные, есть охота, а пост не разрешает. Вот и орут с досады, - доедая консерву, объяснил Ярослав.
- А я, об этом и говорю, - продолжил Виталя, - а ты попёрся с пирожками. Мог бы догадаться и спрятать, а то разозлил бабку, так она меня, потом, курятник чистить заставила и помёт

выносить; наверное специально, что бы ты все свои пирожки за это время сожрал и мне ничего не оставил.

- Я тебя ждал, ждал... ну и доел, конечно, - смутился Ярослав, опуская взгляд.

- Так что же дальше-то было? – не успокаивался заинтересовавшийся Петька, - расскажи, Виталя, а то я и не знал, что наша бабка такая противная была. Хорошо, что меня тогда, здесь, не было.
- Вот и жаль, что не было! То бы она тебе мозги вправила, что б не лазил где попало и не делал что попало, это тебе не тётя Наташа. Бабка же, церемонится не стала, а всыпала хорошенько, сразу дурь и повылетела. Вот бы посмотреть! – сказал Виталий, мечтательно прищурился глазами. Досадно, что меня только драла. А попа, видать, за сало жаба задавила, вот и припёрся вечером, будто про меня беспокоится. Просто так вряд ли бы он припёрся, это, я подозреваю, оплёванная ряска его разозлила. Короче, как пришли мы домой, бабка успокоилась, разговорившись с сестрою на всякие религиозные темы. Меня же отпустила, и отправились мы с Вовкой на кооперативный ставок, где работал его дядя, коропчат ловить. Неплохо так наловили, принес я их вечером домой, уловом хвастаюсь. Бабка Дашка достала тазик, пошла на кухню чистить рыбу. А чтобы потом не занимать сковородку, моя бабка решила, тем временем, поджарить на ужин немного свинины. В общем, рыба чистится, мясо шкварчит на сковородке. Как слышим – в калитку кто-то зашел, а потом и в дверь стучит. Открываем – поп стоит. Ну, бабки обрадовались, в хату приглашают. А у меня сердце съёжилось, чувствую не спроста это. Зашел он в хату и носом шмыгает: свинину чует. Нюхал-нюхал и заподозрил, что это, умышленно срезали из дарованного сала всё мясо, и теперь его преспокойно жарят, а ему, как раз, подсунули только голое сало. Батюшка Иоанн с виду набожный, религиозный, говорит красиво, псалмы поёт, а внутри, как и всякий человек, не хочет чтобы его за дурака считали. Я заметил – лицо у него стало угрюмое и задумчивое, но через секунду – опять смиренное и, своего рода, религиозное, какие бывают у попов когда они читают проповеди.

- Проходите батюшка, проходите, - забеспокоилась бабка Дашка. - Садитесь как желаете, или к столу идите, поросюка отведать. Хороший был поросюк, упитанный. Одного сала десять банок закрыли. Чай измучились на службе, за грехи-то наши?
- Изнурился, матушка, ох изнурился, - ответил поп, неторопливо поглаживая бороду. – Бог верен, а всякий человек лжив. Нет страха за глазами грешников и отступников, ибо не чтят храм Божий, не разумеют писание.
- Как же, батюшка, им разуместь-то? Мы, грешные, хоть в храм-то ходим, а они куда? Блуд у них, да сквернословие, – говорила бабка Дашка, исходя из рассказанного ей случая, произошедшего сегодня в церкви. (Это когда хмельной мужик обозвал свою жену и попа так, что рядом стоящая теща, не дослушав проповедь о грехе сквернословия, поспешно выпихнула мужика из церкви, дабы не вышло чего).
- Яд аспидов на губах их, - промолвил поп, и слегка нахмурился, вероятно, вспоминая ругательные слова, отпущенные мужиком в его адрес. – Гортань их – гроб открытый, а уста полны злословия, - продолжил он, ёрзая на стуле, - ибо сказано: «Кто желает видеть добрые дни, тот удерживает язык свой от зла и уста свои от речей лукавых».

- Видишь, Виталька? – спросила у меня бабка, подвигая попу поросюка, а точнее большую тарелку жирного мяса, - видишь, до чего доводит хула и непослушание? Позор на всё село! (Это она имела в виду позор того пьяного мужика - его теперь обсуждают все бабки). Даже батюшка осуждает, хотя все мы грешны, - вздохнула моя бабка, вынимая из кастрюли большой кусок свинины. Однако батюшка ни чего не ответил, а только молча вгрызался в мясо, периодически вытирая салфеткой губы и зажирившуюся бороду. Тогда ей что-то ответила сестра Дашка, и так, слово за слово, прошло минут десять, пока на дне наших тарелок остались одни только кости. Костей было много, и я почему-то, вспомнил сцену из фильма «Приключения Буратино», когда, обедая в харчевне, злой Карабас-Барабас и хитрый Дуремар потребовали большой глиняной кувшин, в котором сидел тогда Буратино, и кричали: «Подайте нам этот кувшин, мы будем кидать в него кости!». Это меня настолько развеселило, что, глядя на попа, который зыркает то на грудку костей на тарелке, то на кастрюлю с мясом – я громко рассмеялся, более не в силах сдержаться. (А поп, видно, хотел добавки, но ему не предлагали и по всеобщей солидарности, с кастрюли никто больше не брал). Бабка сразу же дала мне подзатыльник и турнула из-за стола. Но было поздно: поп, расценив это как насмешку с моей стороны по поводу его зажиренной бороды, сразу нахмурился, и, не скрывая раздражения, резко встал из-за стола.

- Не к тебе пришел я, Дарья, - сказал поп, отодвигая табуретку, - не к тебе, а к сестре твоей. Ибо дар сей, - он поднял правую руку и направил вверх указательный палец, - пребывает от лукавого! – и посмотрел на кости, валяющиеся в тарелке. – В храм Божий, - продолжал батюшка суровым голосом, - не гоже ступать, помышляя о нуждах плотских, и жертвуя дары для корысти гнусной, но для чистоты душевной, ибо всякий стяжатель подлежит синедриону, а стяжатель в храме – паче тяжкий грех!
- Да какой же грех, батюшка?! – заголосила моя бабка. – Какой грех? Только от чистого сердца! Сама не доедала, всё берегла, чтобы молитвами вашими – да до Бога.
- Помыслы нечистые, - продолжал поп, - ввергают душу в грех, а где грех там и Дьявол, вот и крутит ваше чадо, дабы дурное дело. Ак рясу изгадил, нечестивец! - выругался батюшка, глядя злыми глазами в мою сторону. Вы, дорогая, мойте юнцу рот, ежели в храм ведётё. Сало расчленили, мясом потчуете, яко же в храм – так юнец во рту скверну несёт, а сало обрезаете, даже обрезки видно. Нехорошо!

- Какой скверны?! Какие обрезки? – перепугалась бабка.
- Плевел подсолнечного происхождения, - ответил поп, - не можете служить Богу и маммоне! – произнёс батюшка Иоанн, доставая из сумки небольшой свёрток. – Не собирайте себе сокровища на земле, где моль и ржа истребляют, и воры подкапывают и крадут – читал он Евангелие, разворачивая свёрток, - но собирайте сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, а воры не подкапывают и не крадут, - закончил батюшка, полностью развернув на столе свёрток. Тут я с ужасом увидел дарованное сало, с которого вчера, так хитро, срезал всё мясо. Действительно, было очень хорошо заметно, что мясо срезали нарочно.

- Вот это да! – воскликнул Петька, слушая Виталия. – А почему же, ты не срезал так, чтобы незаметней было? – спросил он.
- Легко сказать, - ответил Виталия. – Я и так старался поаккуратней, но свет включить нельзя было, а на улице только светать начало. Нехорошо, конечно, но кто ж знал, что поп такой вредный? Да еще и ряса.

- Ряса это круто, - заметил Ярослав, метко бросая опустошенную банку из-под килек в мусорную яму. Я помню в детстве, лет в десять, с балкона семечки плевал, а потом меня отец выдрал, потому что у соседей снизу заплелся весь балкон, а у тех, что справа – висело бельё, так оно также оказалось заплёванное. Я кричу: «Что я виноват, раз ветер подул? Это роза ветров виновата», а отец ремень хватает и говорит: «Вот щас вздую, чтобы тебе больше не мешала, роза ветров!». И выпорол хорошенько.

- Меня отчим потом тоже выпорол, - проговорил Виталий. - Ух, скверный поп! Я знаю, сам он, конечно, не верит в эти библейские сказки. Только поучать, горазд, тем более что сказать можно всё что угодно и как угодно.
- Как говорил граф Калиостро,- добавил Ярослав, - люди хотят быть обманутыми, или другими словами, им говорят то, что они хотят услышать. Это как цыгане – сама гадает, а тем временем внимательно следит за твоим выражением лица, где тебе что не понравится, она сразу говорит другое, пока ты согласно закиваешь головой – да, это меня сглазили, а сам я такой хороший! Прямо ангел во плоти!

- Это ты прав, - вздохнул Виталий, - а скажешь правду, так не то что денег не дадут, а еще и тумачков навешают. Правда, она никому не выгодна, её и так все знают. Придёт, например, клиент к гадалке и, допустим, услышит правду о неправильности собственных поступков, после чего, негодуя, спросит: «Что же это, я за свои деньги ещё и виноват, оказывается?». Э, нет, она скажет, что это кто-то порчу тебе навёл, кто-то виноват, только не ты. Не люблю этих гадалок, целителей там всяких! Я как-то был в городе, пристала на базаре цыганка, думает, что я дурак. А я специально и говорю: «Да, у меня большие проблемы», хотя реально нормально всё. Так она у меня сразу порчу отыскала. А что говорить, когда у человека, по настоящему трудности и невезения? Много еще людей, которые вместо того, чтобы следить за своими поступками, что бы не возникло проблем, думают что кто-то, волшебным образом, сразу его и осчастливит, за умеренную, так сказать плату. Вот так и попы: несите только деньги, а я за вас всё сделаю, кроме того, будет ещё и спасение на небесах! Скажешь ему что-нибудь против, он говорит – это Дьявол.

- Это у него работа такая, что б говорить, - сказал Ярослав, - попу тоже надо жить. А вообще-то, кто его знает... Может и правда, оно того, житие небесное где-то.

- Не знаю, какое небесное, а вот земное житие, у попа очень даже и ничего, - уточнил Виталий. Ты, Петька, кажется спрашивал, почему мы антенну попу в форточку забросили? Это, в общем, целая история была, её лучше рассказывать не спеша, у костра вечером, картошку печь, чаёк попивать. А сейчас нам предстоит натянуть маски, и вперёд за трансивером... под воду! Время-то идёт, некогда уже сидеть, перекусили и довольно. Короче, вечером расскажу, тем более и так все, кроме тебя, знают.
- Так это что за поп, другой какой-то? – спросил Петька.
- Если бы другой, а то как раз этот, - ответил Виталий, - да и что говорить, невзлюбил он меня, как и я его тоже. Дело было пару лет назад, позывных у нас еще не было, и работали мы АМом, радиохулиганили, короче. Как я уже рассказывал, с Вовкой мы дружили с самого детства, а так как бабки поумирали и ездить просто так в село было нечего, то виделись с ним редко. Ну, и конечно, решили сделать передатчик, что бы связываться. У меня всё давно было готово, шарманил по ночам, а днём музыку пускал, или болтали с Ярославом, или еще с кем ни будь по посёлку. А вот с Вовкой наладить связь не могли, не получалось у него настроить передатчик. Радиолу «Эстония» - нормально перестроил, принимает классно, а передатчик всё никак не строился, идёт возбуд, и всё. Тогда я решил далее не откладывать и приехать на недельку в гости, помочь с настройкой, а также привезти более высоковольтный трансформатор для усилителя. Всё бы хорошо, но не нравилось мне, что одним из соседей, по левую сторону двора, является этот самый противный поп. Сначала он жил на краю села, а потом остепенился и купил дом, как раз неподалеку от церкви, а именно по соседству с Вовкой. Там раньше жил хороший хозяин – дядька Мишка, но по причине здоровья продал и перебрался поближе к югу. А место конечно, выгодное, в центре – с одной стороны сельсовет и магазины, а с другой церковь. Дом то хороший, видно не бедный поп, хорошо живёт.
- Может и мне пойти в монахи, чтобы попом стать, - пошутил Ярослав, - А что? Живёшь как все: и жена, и дети, и дом, и хозяйство собственной. Чем не работа, еще и дары всяческие несут - грехи отмаливать. Колхоз может обанкротиться, завод закрыться, а грехи были, есть, и будут, куда люди вообще на Земле существуют. Не то, что буддийские монахи, типа шаолиньских. Там, я читал, новичка первые несколько лет старшие братья тузят и заставляют выполнять всякие грязные работы, типа помои выносить – это духовные испытания значит. Что-то вроде предварительного отбора: кто не выдержал, тот недостоин. А у нас что? Сиди себе Библию читай или в хоре пой, по праздникам. Еще незаметно и сто грамм потянуть можно, как твоей, Виталия, знакомый.
- Да, я его не раз выручал, - подтвердил Виталий. – Поп даже выгнать его грозился, когда тот, после некачественного самогона, постоянно икал во время богослужения седмичного круга. Правда, как я потом узнал, батюшка был и сам не прочь... Ну да ладно, опять заговорились. Пойдёмте нырять, а то сегодня не успеем, а Генка за аккумулятор переживает. Сначала достанем аккумулятор, а потом будем искать трансивер, если сразу не увидим.

Вчетвером спустили плот на воду без особых усилий. С собой взяли верёвки, проволоку и небольшой, но сильный магнит, привязанный на толстой леске. Магнит нам Генка привёз, чтобы тягать по дну, пока он примагнитится, если повезёт, к нашему трансиверу. Его забросили сразу же, как только отплыли от берега. Ярослав сказал, что, возможно, пока мы доплывём до нужного места, к нему намагнитится много полезных вещей.

- Какие же тут, могут быть вещи? – возразил Виталий, - это тебе не городской пляж.
- Как знать, а может что-нибудь с войны, - не соглашался Ярослав, - вон в землянке сколько накопили.
- Хорошо в землянке накопили, - согласился Виталий.

Мы проплыли уже метров двадцать, как вдруг леска заметно дёрнулась. - Стой! – скомандовал Ярослав, - что-то есть. Начали подтягивать, оказалось, магнит просто зацепился. Тогда не стали рисковать, и высмыкнув его из-под коряг, больше не забрасывали, пока не доплыли до места катастрофы. Там торчал воткнутый мною шест, он несколько наклонился, так что выглядывал только небольшой кончик. Виталий воткнул еще две длинные палки так, что бы плот оказался между ними и не отплывал. Петьке поручили забрасывать магнит, а мы, втроём, натянули маски и принялись нырять в поисках трансивера.

***

Наука профессора Фрейда

Итак, дружно натянув подводные маски, все, кроме Петьки, прыгнули в озеро, в надежде обнаружить утонувший трансивер и поднять со дна аккумулятор. Но, как назло, не наблюдалось ни аккумулятора, ни трансивера.

- Что за чёрт! – переживал Виталий. – Я сам его лично трогал, когда вещи вылавливали. Трансивера – да, не видел, а аккумулятор был! Он, правда, сильно ушёл в муляку, но ведь видно же было, даже без маски! И ты, Валера, видел.
- Конечно, видел, - подтвердил я, – мы тогда, вдвоём, поднять его пытались, но без лодки не получилось.
- Это он окончательно погрузился в ил, - сказал Ярослав, натирая мылом маску, - так сказать, ушёл в подполье.
- Если бы в подполье, а то в ил! – не успокаивался Виталий. – Кончай лопать! – турнул он Петьку, потому что тот уже вскрыл кулёк с бутербродами, и, что называется, приложился. – И пол часа не прошло, как ныряем, а ты уже жрёшь, - возмущался разозлённый неудачами Виталий, - а ну, бросай этот чёртов магнит и надевай маску, – скомандовал он Петьке, - раз сам утопил, то сам и ныряй!
- Давай маску, - спокойно ответил Петька, - а то сижу, и как дурак, кидаю этот дурацкий магнит, лучше под водой поплаваю.
- Э, нет, - возразил Ярослав, - кидай Петька, кидай. Только подальше забрасуй, и в другую от нас сторону. А то елозишь по дну, грязь поднимаешь, а потом муть сюда несёт, что нам дно плохо видно. Я же тебя просил! Еще немного поныряем, и если ничего не найдём, тогда будем прямо здесь и забрасывать, авось примагнитится трансивер.
- Как же, примагнитится, - буркнул Виталя, - щупать надо.
- Так мы магнитом и пощупаем, - объяснил Ярослав, - не на пол метра же он ушёл, в самом деле?
- А чёрт его знает, куда он ушёл, - опять чертыхнулся Виталий, после чего взял у Ярослава мыло, натёр на своей маске стекло, что б под водой не потело, и прыгнул в воду, окатив нас холодными брызгами. Мы, с Ярославом, отдохнув еще минутку на просторном плоту, также попрыгали в воду.

Напомню, что озеро, в месте катастрофы не самое глубокое, чуть более двух метров; дно илистое, с редкой подводной растительностью, в основном обыкновенными водорослями и кувшинками, также редко попадались чёрные гнилые коряги, облепленные какими-то мелкими ракушками и жучками. Ряска, по обыкновению произрастающая в озёрах и плотным покрывалом заволакивающая поверхность, вся находилась у берегов, поэтому и видимость, в ясный солнечный день, под водой, была хорошая. Но стоило немного пошарить по дну, как поднималась густая илистая жижа и, выпуская мелкие пузыри, расплывалась чёрным жирным пятном, словно потревоженная морская каракатица. Мы ныряли аккуратно: плавая под водой, внимательно осматривали дно, стараясь ни к чему не прикасаться. Однако вода уже помутнела, потому что пока мы отдыхали, Петька, по поручению Ярослава, забрасывал магнит и вскаламутил дно. Поразмыслив, пришли к выводу, что скупой платит дважды и забрасывать магнит, а потом нырять в мутную воду – очень неудачная затея, все равно, что мести пол веником и одновременно лущить семечки, выплёвывая шкорки. Решили не спешить и делать что-то одно - или прочёсывать дно магнитом, или только осматривать, ныряя в масках.

Изрядно уже уставшие, погружаемся еще несколько раз. Плаваем-плаваем, как вижу – от меня, неподалёку, поднимается огромное облако грязи. Оказалось, Ярослав увидел что-то и роется. Но он так зачернил воду, что подплывать к нему не имело никакого смысла, всё равно ничего не увидишь. Тогда, ухватившись за плот, стали ждать. Ярослав поднимался на поверхность, но, глубоко вдохнув, опять погружался под воду, не произнося и слова. Ещё, после нескольких

попыток, он подплыл к плоту, и, подтянувшись, взобрался на палубу. Я и Виталий молча последовали его примеру.

Палуба, то есть поверхность плота, сильно нагрелась под прямыми лучами послеобеденного солнца, приятно согревала наши прозябшие спины и другие, не менее озябшие под водой, части тела. Чтобы сэкономить место, лежали вытянувшись «штабелями», только Петька сидел и уныло поглядывал на кулёк с бутербродами, потому что свои он давно уже съел, оставались только наши. Отдышавшись, Ярослав обрадовал нас, рассказав, что обнаружил аккумулятор, который действительно, почти полностью засосало в ил.

- Я место хорошо запомнил, - говорил он, отогреваясь на солнышке, - только есть охота, аж живот сосёт, вот перекусим, отогреемся, тогда и поднимать будем.
- И у меня сосёт, - унылым, будто на похоронах, голосом, произнёс Петька.
- А я тебе говорил, кончай лопать, - строго ответил Виталий, выкладывая бутерброды, - вот теперь прыгай в воду и плыви к берегу, там еды много, - добавил он, искусно скрывая иронию. - Так я и знал, что это до добра не доведёт, - Виталий уже разламывал оставшиеся бутерброды так, чтобы досталось и Петьке. – Вот теперь будет поровну – сказал он, разделив еду на четыре части.

Потом мы приятно перекусили, как всегда ругая Петьку, но радуясь, что деревянный плот, он уж никак утопить не сможет. Петька, за время пребывания на острове, что называется, остепенился, и на все упрёки спокойно отвечал, что он тут не причём, всё это злой рок и несчастное стечение обстоятельств.

- Ты прав, - Виталий откусил бутерброд и отхлебнул с баклажки холодного чая, - нас действительно преследует злой рок и несчастное стечение обстоятельств, самое худшее из которых это то, что пришлось брать тебя с собой. И почему, ты, Петька, приехал отдыхать именно сейчас? Мог бы раньше или позже, а то, как раз когда мы, за всё лето, таки собрались на озёра. Эх, досада! Такой трансивер хороший был!
- Нам своего не надо, вернуть бы чужое, - вставил я, не менее философскую фразу, - чёрт с ним, с трансивером, лишь бы дядьки Кольки ЭМФ не испортился. Всё-таки не один день под водой пролежал, и что самое прискорбно, лежит до сих пор, в этом утопшем трансивере. И как это он так утонул, что его на дне не видно? – ведь лежит же, подлец, где-то в муляке!
- А я говорил, - вспомнил Ярослав, - не кидайте его на вещи сверху, а лучше упакуйте в ящик. Это он, наверное, первый за борт вывалился, когда взорвался сосок и лодка тонуть стала. Она же не сразу перевернулась.
- Точно, не сразу, - отметил Виталий, и в его глазах мелькнула надежда. - Помню, сначала выстрелил сосок, все всполошились, раскачивая нагруженную лодку, потом она еще проплыла с десяток метров, а уж после, будь она неладна, окончательно перевернулась.
- Вот я и говорю, - продолжал Ярослав, - не может быть, чтобы аппарат полностью в ил провалился, ну, хотя бы, до половины, это же не десятикилограммовый аккумулятор?
- Конечно, не аккумулятор, - подтвердил Виталий, глубоко задумавшись, - вот что, давайте побыстрее поднимем аккумулятор, а потом тщательно прочешем окружающее дно, этим Генкиным магнитом.
- В каком смысле, окружающее? – уточнил Ярослав.
- Ну, этого места, - ответил Виталий, - в том смысле, что освободим плот и будем плавать с магнитом, вокруг шеста (которым я отметил место катастрофы), в радиусе приблизительно двадцати метров. Опустим магнит так, чтобы он едва касался дна, и будем плавать туда-сюда, туда-сюда. Двадцать метров оплыть на плоту и прошарить магнитом – реально, а вот пронырять без водолазного оборудования, всего лишь в масках – не очень то.
- Действительно, - поддержал я идею, - если дело обстоит именно так, как предположил Ярослав, тогда ныряя только возле шеста, трансивер мы, конечно, не найдём. Скорее всего, здесь его нет, мы всё ищем, а он лежит где-то неподалёку. Вот только где? Правее или левее? Пожалуй, что правее, ближе к центру и, следовательно, дальше от острова, это должно быть верно, так как подплывали мы к острову, а не наоборот. Значит, первым делом, отплывём еще метров пятнадцать в озеро и там попробуем забросить.
- Я тоже так думаю, - согласился Виталий, и мы, доевши бутерброды и передохнув, начали подъём аккумулятора.

Ярослав взял проволоку и, сделав пять-шесть погружений, надёжно обвязал ею аккумулятор. Потом, протянув сквозь проволочные колечки верёвку, взобрался на плот и принялся тянуть. Верёвка натянулась, а плот погрузился еще на несколько сантиметров ниже, но аккумулятор не поддавался; казалось что он, прямо-таки укоренился на дне озера. Тогда потянули за верёвку втроем, и после резкого рывка, аккумулятор пошел, и, поднимаясь, выбрасывал из глубины много разных пузырей, которые, достигнув поверхности, тут же и лопались, противно воняя. Наконец мы втянули его на плот, где с него стекала грязь. Очистив от водорослей и обмыв, сразу же решили «списать его на берег». А посему, ловко орудуя самодельным веслом, быстро приближались к островку, довольные и весёлые.

Остановившись у берега, я стал привязывать плот, размышляя как бы получше прибить на палубу какие-нибудь сиденья и построить деревянный каркас, чтобы, обтянув его целлофаном можно было плавать и в дождь. Ярослав и Петька унесли аккумулятор на поляну, а Виталий, ступив на берег, сразу помчался в шалаш, с целью достать, как можно скорее... нет, не сушёную колбасу, которая, испуская по ночам томный аппетитный запах, часто мешала уснуть, особенно Петьке; нет, не военные комароустойчивые штаны и такой же пиджак-афганку, с большим количеством нужных и глубоких карманов; и даже не свои мощные и обрезиненные, почти влагонепроницаемые, похожие на военные боты, любимые кроссовки. А стремился он в шалаш с высокой, благородной целью – поскорее взять свой боевой, не раз выручавший в жестоких боях с неумолимыми законами физики, прибор Ц4315, 1977 года выпуска, с заводским серийным номером 652192.

Так вот, вытащив из шалаша тестер, Виталий обнажил остро заточенные щупы и с голодным хищным взглядом приближался к утомлённому транспортировочными и подводными мытарствами, тихо стоящему на поляне, несчастному аккумулятору. Подошел, и решительно ткнул в обнаженные клеммы острыми щупами. Стрелка прибора, на этот раз, решила не испытывать судьбу и исправно показала не больше не меньше, а ровно двенадцать вольт.

- Есть! – воскликнул Виталий, и глаза его радостно блеснули.
- Что есть? – переспросил стоящий неподалёку Ярослав.
- Напряжение, - ответил Виталий, - двенадцать вольт.
- Я знаю, что двенадцать, - сказал Ярослав, внимательно рассматривая шов, который имел наглость лопнуть на правом кроссовке. – И ежу понятно, что двенадцать, раз двенадцативольтовый аккумулятор, ты точнее скажи, - допытывался озабоченный неожиданной неприятностью, Ярослав.
- Ровно двенадцать, - твёрдо ответил Виталий.
- Что ты, Виталя, говоришь? – спросил Ярослав, размышляя, что лучше всего будет зашить кроссовок рыболовной леской, - сколько живу, а не видел, чтобы на аккумуляторе было двенадцать вольт, всегда или на вольт больше, если не севший, или меньше, если севший.
- Пойди, посмотри, - невозмутимо ответил Виталий, - а лучше принеси лампочку, на неё еще попробуем.

Мы подошли к прибору и убедились, что стрелка показывает точно двенадцать вольт, и только когда подключили десятиваттную лампочку, она стала плавно опускаться и достигнув одиннадцативольтовой отметки, заметно притормозилась.

- Больше не надо, - решил Ярослав, - видно уже, что сел, убирайте лампочку.
- Неужели в воде расходуется такой ток? – удивился Виталий, - вода-то не солёная.
- Мало ли... - отсоединяя лампочку предположил Ярослав, - мало ли что, может просто сел, а может вода во внутрь попала, как бы не испортился.
- Вряд ли, - сказал я, - он же герметичный, в нем дырок нету. Просто подсел на дне, вот и всё. Пусть теперь стоит, больше трогать не будем, а то если разрядим, тогда точно испортится.

В основном же, аккумулятор опасений не вызывал, и настроение у всех, за исключением разве что Ярослава, имелось приподнятое. Виталий спрятал тестер в шалаш и приделался, так как до сих пор находился в плавках и что называется «кормил комаров», проверяя состояние аккумулятора. По поручению Ярослава, он прихватил две буханки хлеба и пакет пшенной каши, потом, немного поразмыслив, отрезал кусок подвешенной на крючке, чтобы случайно не украли полевые мыши, сушеной колбасы. Так он к нам и подошел – в одной руке хлеб, в другой каша, а в зубах – кусок колбасы пятнадцатисантиметровой длины.

- А колбаса зачем? – спросил Ярослав, принимая продукты. – Мы же кашу будем варить, а колбасу успеем еще съесть. Чего зря тратить?
- А затем, что рыбы хочется, - невозмутимо ответил Виталий, - ловить-то некому, все отдыхающие, как Валера недавно заметил, то военные сокровища ищут, то аккумуляторы, то трансиверы, но только не рыбу ловят. Всё время что-то ищем, собрались отдохнуть, а тут прямо-таки экстрим! Наверное, дядька Колька долго бы не протянул, хорошо, что он не поехал; не серьёзный вы народ - сказал бы, всё у вас не ладится что-то – проговорил Виталий, ощупывая колбасу на предмет качества: не пересохла ли.

- А при чем тут колбаса? – недоумённо поинтересовался Петька.
- А притом, что лучшая рыба – это колбаса! – выпалил Виталий, и громко рассмеялся. – Не будем занудами и отметим это дело, а Генка, на радостях, вышлет нам еще колбас, как только узнает, что мы вытащили аккумулятор из пучин. У него дядя как раз кабана заколол, так что может и раздобрится.
- Генка может и раздобрится, а раздобрится ли дядя? – уточнил я.
- На счёт дяди вот не знаю... - печально вздохнул Виталий, - вот у Вовки дядя, так дядя! Золото, а не дядя! Мой дядя самых честных правил... - мечтательно добавил он, нарезая колбасу на тонкие кружочки и, вероятно представляя, как хорошо было бы и себе иметь такого дядю.

- Я тоже согласен, что колбаса это лучшая рыба, - поддержал Виталия, падкий до колбас, троюродный брат Петька. – Ой, не выдержу! Дай-ка, Виталя, я сразу съем свою порцию этой прекрасной рыбы, а то пока там еще Ярослав, кашу сварит.
- Ты меня, Петька, не задурой, - строго отреагировал Виталий, - это тебе не рыба, а колбаса: кончится - не наловишь! Знаю я твои штучки: слопаешь всё сразу, а потом будишь грузить нам что-то насчёт растянутого живота; если тебя мама в детстве перекормила, так это твои проблемы, причём тут мы? У нас на острове спартанские условия, нечего обжираться, - объяснял Виталий, достав из кармана надкушенный сухарь, - впрочем, если невмоготу, бери уж, наслаждайся! – и протянул сухарь Петьке.
- Что, это можно есть? – скривился Петька. – Нет уж, я лучше кашу подожду.
- Как знаешь, хозяин-барин, - равнодушно ответил Виталий, и спрятал сухарь обратно.

- Послушай, Петька, - сказал Ярослав, который в своё время много начитался о желудочных болезнях и о медицине вообще, - это у тебя рефлекс.
- Какой рефлекс? – с надеждой спросил Петька.

- Подсознательный, - объяснял Ярослав, - вот, например, привык ты, когда смотришь телевизор, жевать всё время что-то. Ну, бутерброды там всякие, борщ или даже поп-корм, как в Америке. А теперь смотри: ты живёшь в городе – раз, радио не занимаешься – два. Следовательно, в большинстве своём заняться тебе нечем, сидишь и ящик смотришь всё свободное время, и, конечно, что-то жуёшь. И так постоянно – что не вечер, то и жуёшь. Вот и вырабатывается привычка: если чем ни будь не занят, тогда есть хочется. У меня тоже такое было – сажусь на диван, включаю телевизор, и мне сразу есть хочется. А потом врачи у меня кислотность нашли и строго запретили питаться беспорядочно. Я тогда в пятый класс ходил. Рефлекс этот, в коре головного мозга записуется. Поужинал, как положено, вечером, а сажусь за телик – и не могу, снова есть охота, хоть печенья пожевать, но нельзя. Одни мучения, короче. А что еще дома вечером делать? Тогда я и записался в радиокружок, сначала в школе сидел, а потом и дома паял. Бывает, увлечешься – так и за еду забываешь, а не то, что мучаешься, это тебе не у телевизора. Тут клин клином вышибают: одну привычку заменяют другой, более сильной. Вот и переключается мозг на более сильный раздражитель. Еще, к примеру, мучает тебя депрессия по поводу украденного в трамвае кошелька, ты ругаешься, места не находишь. Потом заходишь вдруг в гараж, а у тебя автомобиль угнали. Каково, а? Сразу забудешь о кошельке, только и будешь, что про машину думать. Фрейд, Петька, это тебе не поп, всё доходчиво расписано, дураку и то понятно. Я про психологию много читал и знаю, что из чего происходит. Вот хочешь, тебя закодирую?

- Ты, меня кодируешь?! – опешил удивленный Петька. Что-то ты раньше никого не кодировал!
- Буду я энергию по пустякам тратить, - ответил Ярослав, сдерживая улыбку, - еще чего.
- А ты, случайно, не экстрасенс? – не сдавался Петька.
- Немножко могу – ответил Ярослав, и все, за исключением Петьки, попадали от смеха, так как хорошо знали к чему Ярослав подводит.

- Тут жрать охота, а вы ржёте, - почему-то обиделся Петька.
- Ты, Петька, не обижайся, - проговорил Ярослав, вытирая рукавом набежавшие от смеха слёзы, - кодировать я конечно не умею, но знаю, как это происходит психологически; говорю же, Фрейда читать надо.
- Что, там и об этом написано? – спросил Виталий, ловко нарезаая хлеб здоровенным тесаком.
- Там написано про подсознание, а психология без подсознания – это всё равно, что военный без значков, - ответил Ярослав, помешивая кашу, - или еще хуже, - добавил он после некоторой паузы, - вообще без штанов.

- Ха-ха! – рассмеялся Виталий.
- Напрасно, батенька, напрасно, - солидно ответил Ярослав, копируя какого-то профессора, может даже и самого Фрейда. – Напрасно смеётесь – добавил он. – Вот, Виталя, смотри, - уже серьезней, продолжил Ярослав, - допустим, ты пришёл на сеанс и хочешь, чтобы тебя закодировали, точнее предрасположен к внушению, открыт, так сказать. Тогда психолог...
- Точно психолог? – уточнил Виталий, - а то ты знаешь, не люблю я этих... всяких там целителей, спасителей и экстрасенсов.
- Да психолог, не беспокойся, - заверил Ярослав.
- Хотя психологов... психологов я тоже не люблю, - не успокаивался Виталий, - что я, дурак что ли, по психологам шастать, моё мышление – это моё мышление, почему это, какой-то чужой дядя будет за меня думать. Не нормально это, на попов похоже, так сказать попы двадцатого века!

- Тебе, прям не угодишь, - высказал Ярослав, чрезмерно, по его мнению, подозрительному, Виталию, - не хочешь слушать, так и скажи, а мне это интересно, потому что сварщика Мишку так закодировали, что когда он на спор водки выпил, то в тот же вечер не только водку, а и утреннюю картошку всю начисто вырвал, прямо как промывание сделали... А ты говоришь, чушь. Тут разобраться надо, как схемах: почитать, изучить, проверить. Ведь интересно же!
- Я не говорю что чушь, - смутился Виталий, - я больше в кибернетику верю, мозг, датчики там всякие. А слова... словам я не верю. Это за границей без психолога чихнуть боятся – разошелся Виталий, - чуть что, сразу к психологу, а он, психолог, ну право как цыгане: слушает-слушает, а сам как оно есть, не говорит, только смотрит, что тебе нравится – под ту дудку и поёт, как граф Калиостро, он тоже психолог, ты сам говорил. А иначе это называется – сентиментальные утешения за деньги.

- Ладно, Виталя, не спорь – сказал Ярослав, снимая с костра горячую кастрюлю, - пусть немного настоится, - накрыл он крышкой парующую кашу, - вот сварщик Мишка закодировался, а мужики узнали и поспорили: выпьет или нет. Подходят к нему под конец рабочего дня и предлагают остограмниться. Нет, говорит, не пью. - А если десять долларов, тогда будешь? – спрашивают. Посмотрел он, нюхнул бутылку – и боится: нет, говорит, не пью. – Ну, а двадцать? И показывают еще новенькую, хрустящую бумажку. Тут Мишка не устоял и, набравшись силы воли, выпил. - А двести грамм? – спрашуют. - Деньги на бочку! – отвечает. - У нас только десять долларов осталось – говорят, и показывают десятку. «Эх, где наша не пропадала!» - крикнул Мишка и выпил еще сто грамм. Выпил и пошел домой. А до дома ходу – несколько минут, не более. Идёт и чувствует: мутит. И чем ближе к дому, тем мутит сильнее. Подошёл к подъезду - руки трясутся, голова кружится, а в желудке будто бетономешалка работает.

- Так уж и бетономешалка? – не поверил Виталий.
- Ну, не бетономешалка, но тошнит, аж в мозг отдаёт, я знаю, и не только руки трясутся, а и ноги деревенеют, короче похоже это, на симптомы сильного пищевого отравления, - уточнил Ярослав, усаживаясь по удобнее на покрывало, - подошел, значит, к подъезду, всё, думает, не дотяну на четвертый этаж, так прихватило. Что же делать? У подъезда бабки на лавках собрались, сплетничают, и если наклониться в палисадник... Нет, тогда не оберешься позору, по всему посёлку растрезвонят, мол так нажрался, что у всех на глазах... Делать нечего, и, ухватившись за перила, медленно стал подниматься по ступенькам. Добрался до второго этажа, как видит – ведро с помоями у дверей стоит, соседи приготовили его в сарай, свиньям отнести. Я знаю, это бабка Верка, они с дедом живут в пятиэтажке, а свиней в яру, в сарае держат. А Мишка увидел спасительно ведро, наклонился и давай туда... ну, в общем, не перед едою будет сказано, только от ведра отойти никак не может, так его мутит. А бабка Верка открывает дверь и видит - мужик над ведром стоит на карачках. Да как закричит! Испугалась, дверь захлопнула, деда зовёт. - Чего ты, орёшь, дура? - спрашивает дед. - Там

какой-то мужик помои хлебает! - визжит бабка, не узнавшая с перепугу Мишку. – Что ты, несёшь! Кому нужны наши помои?! – рассердился дед, и пошел к двери. Видит: и правда мужик над ведром сидит. Присмотрелся – Мишка сидит, бледный и встать не может, так ему дурно. Разобрались, затащил его дед на четвёртый этаж и сдал жене. Жена хотела скорую вызвать, думала отравился, но Мишка не позволил, сиди говорит, не рыпайся, хватит с меня и так позору. Потом ему от одного только упоминания о водке, тошнило. Год уже как не пьёт и вряд ли теперь сможет.

- Я тоже слышал эту историю – сказал Виталий, только не знал, что он закодировался, думал отравился самогоном, страшно стало, вот и бросил.
- А я знаю, что закодировался – настаивал Ярослав, - в подсознании записалось: алкоголь – это яд, мозг даёт команду и организм стремится избавиться от отравы, поэтому и возникает рвота и слабость, как при отравлении.
- Ну и разговоры у вас, перед ужином, - сказал я, насыпая кашу в миски, - и где это ты, Ярослав, только и набрался таких уморассуждений, профессор прямо!
- Вам неинтересно, - ответил Ярослав, обчищая огурец, - а меня всё увлекает, что необычное. Не только же схемы паять.

- Это его брат подбивает, - объяснил Виталий, - рисует себе всякие хиты Малевича, ремиксы изобретает.
- Какие ремиксы? – не понял Петька.
- Абстракционизм слышал? Так вот, нарисует он пару чёрных прямоугольников, вот тебе уже и ремиксы «Черного Квадрата» Малевича. Правда, флаг нам действительно крутой нарисовал.

- Вы тут стол накрывайте, а я сейчас позову Генку, может он уже на связи, - решил я.
- Если он на связи, так почему вызывает? – спросил Виталий.
- А у нас радиостанция включена? – в свою очередь спросил его я.
- И, правда, как приплыли, забыли включить, - ответил Виталий и почесал затылок свободной левой рукой, потом видимо вспомнил, что умные люди, размышляя, почихивают лоб, а затылок только дураки, и резко передвинул руку на лоб.

Я подошёл к «Недре», включил её, и, перебирая каналы начал вызывать. Время - около шести часов вечера и 160 метровый диапазон был еще чист. Покричав на десятке, вспомнил, что Генкину антенну бегущей волны оборвал, в приступах ярости, скандальный дед, а какую времянку он натянул – неизвестно. Тогда я позвал на 160. На 160 Генка ответил, слышно было громко, так как у нас подключена стационарная Г-образная антенна, 70 метров длиной. Как выяснилось, он натянул в саду, под деревьями, кусок провода, метров двадцать, высота всего пару метров, не более. А, учитывая небольшой бугор и отсутствие у нас направленной десятичной антенны, так как «Недра» являлась кварцовой и использовалась только для оперативной связи между нами и посёлком, слышимость на 10 метрах была плохая, в шумах, тем более что мы находились в низине. Но зато на 160 слышимость отличная, только жаль, с наступлением темноты появляется много станций и наши три канала практически всегда заняты. Днём же, без проблем, отличная связь, бросаешь, например, кусок провода подлиннее и всегда свяжешься, где бы не находился, не то, что на УКВ. Еще мы хотели взять с собой на островок СВ портативку «Ласпи» (напомню, что действие происходит в начале 90х), их у СВ-шника Сергея было четыре штуки, но там всего один канал – 27.2 МГц, и к тому же, всё время дальнее прохождение пёрло до девяти баллов, какая уж там оперативная связь. У нас же «Недры» - переделанные, многоканальные двух диапазонные, SSB. Эх, если бы был трансивер!

Но, как говорится, если б да кабы – во рту вырастут грибы. Поэтому решили особо не рассиживаться, а поискать сегодня и трансивер, благо время еще позволяло. Генка также был не предрасположен болтать, и, поблагодаривши за оперативно поднятый аккумулятор, отключился, сославшись на неотложные дела. Мы неплохо перекусили перловой кашей, отметили удачное завершение операции по подъёму трансивера - раскупорив бутылочку столового вина, и, закусив сухою колбасой, снова залезли на плот.

- Старший помощник обЛом! – скомандовал Виталий, - отдать швартовые!
- А чего это ты раскомандовался? – обиделся Петька, - может ты капитан?
- Командуют здесь все, кому не лень, - ответил Виталий классической фразой, - за исключением, конечно, тех, кто пустил на дно нашу надувную шхуну, - сказал он, глядя на Петьку.

- Я не пускал шхуну, - ответил насупившийся Петька, - она сама утонула.
- Ну, конечно, он, всего лишь, выпустил воздух, - уточнил Ярослав.
- Прямо как мужик, которому дали десять лет за то, что он стекло разбил, - добавил я.
- Какое стекло? – спросил Виталий.
- В подводной лодке, - ответил я, отталкивая плот от берега.

Прибыв на нужное место, начали забрасывать магнит. Приблизительно на тридцатый заброс, леска натянулась, и мы почувствовали сопротивление.

- Дёргай сильнее, - посоветовал Виталий, вытягивающему магнит, Ярославу, - это коряги.
- Нет там никаких коряг, - ответил Ярослав, раздумывая, - далеко от берега.
- Тем более, сильнее дергай, - не уступал Виталий. Ярослав потянул, и магнит резко отцепился, поддавшись.
- А ну-ка, еще брось, - попросил я, заинтересовавшись поведением магнита, - только не тяни так быстро, или лучше давай я заброшу.
- На, попробуй, - отдал леску Ярослав.
- Действительно, что-то есть, - сказал я, когда с третьей попытки магнит опять застыл. – Надо нырять.
- Я полез, давайте маску, - предложил Виталий, и, сделав несколько глубоких вдохов, нырнул под воду, следуя по леске. Секунд через тридцать он вынырнул и поплыл к плоту, гребя одной рукой. Ухватившись за плот, молча бросил на поверхность какой-то чёрный ящик.
- Это что? – спросил Петька.
- Это трансивер, - ответил Ярослав, и непонятно было рад он или расстроен.
- Да, это трансивер, - подтвердил Виталий, - точнее то, что от него осталось. Провалиться мне месте, если это, когда ни будь, заработает.
- Может, когда ни будь, и заработает, - сказал я, рассматривая грязный и вонючий КВ трансивер - только не в этот раз, потом.
- Угу, - буркнул Ярослав, - я тебя поцелую, потом, если захочешь, - процитировал он известную фразу из кинофильма «Здравствуйте, я ваша тётя».
- Да-а-а... - печально вздохнул я, подгребая к берегу, - говорил я, что подводная у нас экспедиция. Вот смотрите: время на исходе, и даже, если бы каким-то чудом трансивер заработал, то всё равно пользы мало, так как скоро уже домой. Конечно, хорошо, что разведали и раскопали военную землянку - это было круто. Однако ж, так хотелось поработать! А вышло наоборот – не трансивер на нас работал, так сказать скрашивал наше островное, с комарами и грозами, существование, а мы на трансивер – то плот строй, то с «Недрой» мучайся, то носись с телепередатчиком, когда у Генки КВ антенну оборвали. И всё только и думаешь, что надо нырять, искать и прочее. Короче, одни заботы, прямо как клад подводный ищем, будто бы у нас экспедиция по изучению озёрного дна, а не эфира. Хорошо хоть землянку нашли.
- Правда, хорошо хоть в землянке приборахлились, - проговорил Виталий, смывая с корпуса грязь, - и, всё же, печально как-то.
- Капитан, капитан улыбнитесь... - пропел Ярослав, - трансивер теперь, конечно, дрянь, - тут Ярослав поморщился, вспоминая как тот воняет болотной тиной, - но зато мы его нашли, а там чужой ЭМФ стоит. Нам то отдавать его надо. А?
- Действительно, всё не так плохо, - согласился я, - трансиверов всяких, в мире много, так себе, железяка. А вот интересно провести время, собраться всем, пожить на островке, отдохнуть от быта и домашних забот, - не часто случается, и будет что вспомнить. Когда еще все соберёмся, неизвестно.
- Да, чтобы на недельку и все, это проблематично, - подтвердил Виталий, - надо не упускать момент.
- Вот я, об этом, и говорю, - сказал я, и стал привязывать плот к росшему у воды дереву.

Уже вечерело, и, оставив трансивер просыхать, напилили для костра побольше дров. На вечерний ужин, в отличие от «ужина дневного», когда Ярослав сварил кашу, решили нажарить картошки. Поэтому я, заведомо предупредил Петьку, чтобы он не под каким предлогом не прикасался к дровам и костру вообще. (Я полагаю, читатели не забыли, как Петька набросал однажды дров так, что загорелось масло на сковородке.) В ответ Петька пробормотал, что ему ещё и лучше, раз ничего не надо делать, и демонстративно разлёгся у костра, прогревая бока, так как с заходом солнца на острове стало заметно прохладней. Большой костёр я не разжигал, потому что

сковородка стояла на жару, и картошку надо было периодически помешивать деревянной палкой, с привязанною ложкою на конце. Петька придвигался всё ближе, потому что постирал афганку, которая еще не просохла, а вечерняя прохлада уже пробирала спину сквозь тонкую футболку. «Смотри, Петька, не пропали вещи» - предупредил его я. «Не пропаю» - ответил он, и перевернулся на другой бок. Вскоре я забыл про Петьку и полностью переключил внимание на аппетитно пахнущую, почти готовую картошку. «Эй, Виталия!» - крикнул я, - давайте там, быстрее, скоро будет готово. Виталий с Ярославом наводили в шалаше порядок, так как за ночь там перепутались все вещи, сумки и кульки. Еще немного подождав, я, вынул из сковороды несколько кусочков, и, поднеся ко рту, стал дуть, чтобы быстрее остудить и испробовать. Вдруг раздаётся хлопок и меня буквально ослепляет горячая ярко-оранжевая вспышка, а точнее огненное облако. От неожиданности я выронил ложку и рухнул на землю, сильно шокированный неожиданным взрывом. Слышу – крик. Поднимаю голову и вижу, что горит Петька. Горит и кричит. Секунды через три-четыре, вижу, что горит не весь Петька, а только штаны. Еще через пару секунд вижу, что горят не все штаны, а только карман, точнее он уже прогорел, и вокруг кармана тлеют огоньки, Петька же, прыгает и кричит.

- Что ты прыгаешь, дурак! – кричу ему я, - беги скорее в озеро! Но он меня не слышит, а только лупит по карману, в надежде потушить тлеющую брючину. Тогда я схватил канистру с родниковой водой и стал поливать Петькину ногу. Тут подбежал Ярослав, потом Виталий; они удивлённо рассматривали прогоревшую штанину, с огромной дырой вместо кармана, сквозь которую видно обожённую ногу.
- Ничего себе! – воскликнул Виталий, глаза на дыру.
- Круто! – сказал Ярослав, и посмотрел на меня.
- Не то слово, круто! – проговорил я, и уставился на Петьку.
- Я... это..., я не знал..., - невнятно бормотал он, не зная как сказать.
- Что не знал? – допытывался изумлённый Виталий.
- Зажигалка... это зажигалка, - наконец выдавил Петька.
- Зажигалка? – переспросил Виталий.
- Всё ясно, - ответил я, - взорвалась зажигалка.
- Как взорвалась? – удивлённо спросил Ярослав.
- Очень просто, - сказал я, рассматривая обожённое с края, почти новое покрывало, на котором грелся у костра Петька. – Прощё не бывает. Помнишь пластмассовую одноразовую зажигалку? Так вот, запихнул её Петька в карман, и лёг греться, дурак этакий. А зажигалка нагрелась и взорвалась, хорошо еще, что газа мало было! А то бы...
- Наверное, там трещинка была, или просто перегрелась сильно, - заподозрил Ярослав.
- Мало ли, - продолжил я, - может и трещинка, но в любом случае, конечно перегрелась. Какой же дурень, с зажигалкой в кармане, у костра валяется?!
- Я же тебе говорил, - строго обратился к Петьке Виталий, - хочешь прикурить – вон костёр горит, почти постоянно, или спички бери, зачем взял зажигалку? Только газ тратишь, вернее тратил. Я взял для костра, а не прикуривать. (Дело в том, что утром на острове стоял густой туман и бешеная влажность, поэтому спички, даже завернутые в целлофановый пакет, сильно отсыревали, вот и выручала зажигалка. К тому же, кроме Виталия и Петьки, больше никто не курил, так что других зажигалок у нас не было.)
- У меня второго кроссовка не достаёт, для того, чтобы каждый раз к костру бегать прикуривать, - быстро пришел в себя Петька, как только заругался Виталий, насчет взятой без спросу и теперь уже испорченной, зажигалки.
- А кто же тебе виноват, что ты его в болоте утопил? – спросил Виталий, рассматривая как Ярослав осторожно обматывает обожённую ногу толстой мокрой тряпкой. – А не пропал бы дядьки Сашкины кеды, было б что обуть.
- Ну, Петька, ты теперь чистой воды, как Одноногий Сильвер, – пошутил Ярослав, закончив перевязывать, - ни кроссовка, ни штанины, хорошо хоть нога цела, ожог не сильный. Действительно, ожог был не серьёзный, поверхностный; больше пострадала брючина, ежели нога. – Видишь, Петька, - продолжил он, поучительно, - дырка теперь у тебя почище моей будет, это когда ты кулёк с нитками затерял и мне всё утро с подложенным в штаны брезентом ходить пришлось. Потом, кеды спалил – сам и пострадал, потеряв кроссовок в болоте. Это называется – за что боролся, на то и напоролся! Что, сильно жжет?
- Так... не сильно, - печально ответил Петька.

- Тогда садись картоху лопать, - пригласил его я, накладывая в миски слегка пригоревшую в суматохе картошку. – Опять подгорела! Скажешь кому, и не поверят, как ты два раза мне картошку испортил, подумают что совпадение.

Сопоставив оба случая, все громко рассмеялись, поглядывая на сковородку и ругая нерасторопного Петьку. Петька смеялся также, радуясь, что легко еще отделался, после такого, из ряда вон выходящего, случая. Больше на него никто не сердился, а Виталий участливо поливал холодной водой перевязанную ногу. Петька важно отвечал, что уже чувствует, как набухает в ноге, огромный водянистый пузырь. На что Виталий сразу предложил, проколоть пузырь немедленно, как только тот полностью разбухнет. Сначала Ярослав заспорил, что волдыри прокалывать нельзя – в них собирается лечебная жидкость, но вскоре махнул рукой и сказал, что его интересует больше психология, нежели всякие анатомические пузыри. Вскоре закипел чайник и в этот вечер чай был особенно приятен, так как трансивер с чужим ЭМФом, лежал на поляне, аккумулятор также, и не надо более беспокоиться, чтобы лезть под воду, нырять и переживать, в очередной раз ничего не обнаружив. Окинув взглядом уже обжитую и своего рода «родную» лагерную поляну, я поразился, как же много у нас накопилось всяческих вещей. В центре доминировал сколоченный из ореховых стволов и крытый камышом шалаш. Рядом находился небольшой брезентовый навес со всевозможными хозяйскими принадлежностями и посудой. Отдельной кучей возвышалось наше радиотехническое оборудование – ящик с радиодетальями, шнуры, кабеля и провода. Под обшитой камышом дожде непроницаемой стенкой, валялись, сваленные в кучу, лопаты, топоры, пила и тесак, также торчала небольшая кирка. Ко всему этому прибавлялась гора одежды, одеял, покрывал, брезента, тряпок и мешков, плюс рыболовные снасти. И чем ближе день отъезда, тем чаще посещала наши головы навязчивая мысль: как всё это транспортировать обратно. У Виталия даже мурашки по спине побежали, когда Ярослав спросил что будет, если на обратном пути опять перевернется лодка. Я ответил, что тогда останется еще много всяких вещей, так как всё равно такую гору за раз не переправить. Тогда Виталий предложил перевести сначала все вещи, и только в самую последнюю очередь «транспортировать» Петьку. А еще лучше было, если ели бы Петька плыл на плоту, а не на надувной и, следовательно, уязвимой, лодке. Рассмеявшись, Ярослав согласился, с тем, что это действительно, самый надёжный способ, оградить себя от неприятностей.

Потемнело. Удобно расположившись вокруг огня, мы дружно беседовали, вспоминая события минувших дней и часто смеялись, а костёр, казалось, смеялся с нами, озаря лица мягким оранжевым светом, который, незаметно проникая в сердца, наполнял нас радостью и покоем. Было видно притихшее озеро, на его зеркальной поверхности отражались бесчисленные звезды, и отблескивал костёр. Вот, оставив в небе яркий след, упала звезда...

***

Весёлый вечер у костра

На остров опустилась тихая ночь. Мы спокойно беседовали, строя планы на завтрашний день, как притихший было Петька начал жаловаться, что у него сильно разболелась обожженная взорвавшейся зажигалкой, нога. Тогда Ярослав посоветовал ему сесть на плот и опустить ногу в озеро. Действительно, как только нога очутилась в прохладной воде, на мученическом Петькином лице показалась блаженная улыбка и сразу появился аппетит, вследствие чего он стал требовать, чтобы ему подали чаю и отрезали кусок оставшейся на завтра колбасы. Ярослав налил чая и хотел отправиться в шалаш за колбасой, но Виталий, не такой уж и наивный, начал подозревать, что Петька не иначе как симулирует, заведомо преувеличивая трагедию, дабы выманить последнюю в запасах экспедиции колбасу.

- Странно как-то, - сказал Виталий, обращаясь к Ярославу, - что-то раньше я не слышал, чтобы ожоги сушеной колбасой лечили, я вон в детстве палец ожог, так меня не то, чтобы колбасой утешали, а наоборот, отстегали ремнем хорошенько.

- Это когда? - спросил Ярослав.
- Я помню, - ответил я, за Виталия, - мы еще тогда насквозь пропалили магниевой шашкой железную решетку и металлическую крышку в газовой плите, на кухне, что в доме.

Действительно, достались нам как-то, высокотемпературные магниевые шашки для сварки стальных проводов. Они были сантиметра два в высоту и приблизительно полтора в диаметре, с небольшим сквозным отверстием посередине. Такими шашками пользовались связисты и телефонисты для ремонта оборванных открытых (воздушных) линий связи. Причем зажечь их простыми средствами, спичками или бумагой, было невозможно, поэтому к ним прилагались специальные магниевые спички величиной с палец. Когда горит такая спичка, то разлетаются искры как от электрода во время электросварки.

Спички спалили мы сразу, бросая их с крыши, словно осветительные ракеты, и впоследствии у нас оставались только шашки. Раньше мы пытались зажечь какую-нибудь из них этими спичками, но у нас не получилось, потом спички закончились, а шашек же имелась целая упаковка. Сначала Виталий развёл небольшой костер, и я бросил туда шашку. Однако ветки сгорели, а шашка всё не загоралась. Тогда мне пришла идея нагреть шашку на газовой плите, которая сулила стопроцентный успех мероприятия. Виталий отметил, что это действительно классная идея и, положив гаечный ключ на решетку, поставил на него шашку и зажег газ. И вот мы стали ждать, с интересом наблюдая, как начинает розоветь, раскаляясь от горящего газа, гаечный ключ. Минут через пять, ключ раскалился докрасна и край поставленной сверху шашки начал заметно краснеть. Еще секунд через десять, шашка стала плавно разгораться, словно мощная галогенная лампа. А потом... Ой, что было потом! Она засияла, словно маленький кусочек солнца, ослепительным ярко-оранжевым светом, и зашипела, расплавляя металл. Так вот, мгновенно расплавив гаечный ключ, она упала на металлическую крышку плиты, и за секунду проплавив её насквозь, беспрепятственно провалилась внутрь, прожигая духовку. Оторопев, мы молча смотрели, не в силах остановить этот страшный процесс, как за стеклом, в духовке, шипит и сияет злощастная шашка. Но вот, пройдя сквозь духовку, она вывалилась на пол и, остывая, постепенно темнела. Когда шашка полностью потемнела, превратившись в оплавленный огарок, Виталий, определённо шокированный происходящим, засунул под печку руку, чтобы достать её от туда. Схватился, и как заорёт! Вынул руку и прыгает. Потом побежал к раковине и стал лить на обожженные пальцы воду. Но самое страшное, когда пришла с работы Виталия мама, достала со шкафа сковородку и... выронила её на пол, увидев внушительную дыру, с черными оплавленными краями, на белой эмалированной крышке...

- Но хорошо, - добавил Виталий, выслушав рассказ, - что шашка, падая, не задела газовую трубу, а немного откатилась вбок, хотя духовка, всё же, была безвозвратно испорчена, - печально вздохнул он, вспоминая, как ему потом влетело.
- Это действительно тяжелый случай, - пробормотал Ярослав, растроганный моим рассказом про обожженные остывающей шашкой пальцы, и, отрезав приличный кусок колбасы, направился к Петьке.

Мы беседовали далее, удобно расположившись вокруг костра, а Петька, быстро уплыв выдуренную колбасу, приятно размышлял о том, что всё же "нет, худа без добра". Нога у него поутихла и он вернулся к костру, тем более что сидеть на плоту было зябковато. Подсев поближе к освещению, показал ногу, которую Ярослав в месте ожога обложил мокрыми листьями подошника, аккуратно перевязав её тряпкой.

Неожиданно зазвучала оставленная на дежурном приёме "Недра". Это подключился Генка на 29.600. Выслушав нашу сводку новостей, сообщил, что работает на подвешенный между деревьями десятичный диполь. Слышно вполне удовлетворительно, так что канал оперативной связи с посёлком, можно было считать налаженным.

- Очень хорошо, всё же, - говорил Генка, что-то жуя перед микрофоном, - что вы уже нашли трансивер, потому что я собираюсь утром накачать лодку и прибыть к вам за аккумулятором, чтобы он не простаивал разряженный. Ну, а за одно вытянем с трансивера ЭМФ, и я свезу его дядьке Кольке, так оно лучше будет.
- Конечно лучше, - согласился я, и спросил, как рано он будет отправляться.

- Не сильно рано, - ответил Генка, - делов много, да еще и скандальный дед напирает, совсем уже обалдел среди своих кур, гусей и свиней; всё бегают, компенсацию за сарай требует: говорит, что у него половина курей сгорело. Брешет гад, я знаю, они только задыхнулись, и он успел их из сарая повыволакивать. Что народ дурите, говорю, как это тогда ваша бабка на базаре дохлых кур продаёт? По закону продавать можно только конкретно убиенную птицу или скотину, а если она по иной причине копыта отбросила, так это уже выходит подсудное дело, потому что доподлинно неизвестно, сколько она пробыла в неживом состоянии, покуда её окончательно не распотрошили. Может быть там уже трупные яды стали выделяться. "Я тебе, хлоп, покажу трупные яды!" - выругался дед, но дальше наезжать не стал, сплюнул у калитки и убрался к чёрту, тем более что это не он мне покажет "трупные яды", а я ему еще покажу, как мои антенны обрывать!
- Да, видно тебе скучать не приходится, - ответил я, Генке. - Тут Виталя просит, чтобы ты утром заскочил к нему домой и поспрашивал отчима за Петькины старые очки, они хотя и поломанные, но всё-таки лучше чем ничего, а то Петька пристаёт, что надо нырять и за его очками, говорит, достали своё барахло, а предметы физиологической необходимости под водой остались.
- Хорошо, заскочу.
- Пообещал Генка и мы распрощались до утра.
- Беспардонный ты, Петька, - заметил Ярослав, подбрасывая дрова, - главное сам лодку утопил, а потом пристаёт, чтобы ныряли за его очками.
- Да не топил я, - смело оправдывался Петька, - наоборот спасал.
- Это как же? - не выдержал такого вероломства Виталий.
- Значит так, - стал нагло врать Петька, - сижу я и вижу: сосок на лодке плохо склеенный, и к тому же на солнце греется. Дай, думаю, проверю, не пропускает - ли. Приложил руку, и чувствую - шипит. Чем дальше, тем сильнее. Тогда я его схватил и зажал рукой, чтобы не пропускал. И только хотел сказать, что он аварийный, как вдруг от туда как бахнет! Я конечно испугался...
- И что ты всё, Петька, брешешь! - перебил его Виталий, зло плюнул в костёр, как раз возле Петьки, и не в силах слушать дальше отошел в кусты облегчиться.
- А я вот, думаю, - задумчиво проговорил Ярослав, - вегетарианцы не такие уж и странные люди, пожалуй, поумнее некоторых будут. Прав Генка - дурят нашего всеядного брата, безжалостно дурят. Действительно, откуда я знаю, когда эта курица, которую бабка на базаре продаёт, копыта отбросила? Может быть, она долго болела и сдохла от какой-нибудь куриной слепоты? Или вот, что еще хуже, кабан. Если курицу, скрипя сердцем, и можно выбросить, то кабана, определённо, никак нельзя. Живёт такой кабан в сарае и жрёт как мерин, только и будешь, что на одни помои работать. Жрёт-жрёт, а потом вдруг возьмёт, через пару лет, и нагло сдохнет, например от врождённой болезни или иной скрытой патологии. Вечером сдохнет, а утром зайдёт хозяин в сарай, а его любимый кабанчик в углу очурился, и мухи по нему ползают...

Тут Петька подорвался и побежал в кусты, было слышно как его стошнило. Однако Ярослав, увлечённый нитью логических рассуждений и психологического анализа, продолжал рассказывать дальше.

- Так вот, - продолжал он, отложив бутерброд в сторону, - мечется злой хозяин по сараю и волосы с досады рвёт, но что поделаешь, кабан уже закаменел. Тогда приходит ему в голову спасительная мысль: чтобы добро не пропадало, перекрутить его на колбасы...

Тут мы снова услышали как Петьку, который недавно слопал добрячий кусок колбасы, сильно тошнит в кустах. Но, психологически устойчивый Ярослав, безжалостно продолжал дальше: "...Или, что еще будет обидней, кнур. Держат такого кнура и деньги зарабатывают, оплодотворяя

различных свиноматок. И чем дольше он живёт, тем матёрей становится и, следовательно, больше свиноматок сможет обработать за один раз, а это, соответственно, и экономия горючего топлива, и престиж среди конкурентов в качестве наиболее мощного производителя. Но, как известно, согласно законам космоса, прогресс в материальной природе не бесконечен. Материя рождается, растёт, благоухает, так сказать в расцвете сил, а потом тормозится, стареет, деградирует и умирает..." - философствовал Ярослав, задумчиво разглядывая звёзды. - Потом, производитель изнашивается и начинает стареть, - сделал Ярослав логический вывод, - и так или иначе, а надо кнура резать. А кнур не меньше килограмм сто пятьдесят будет. Жалко хозяину такое добро собакам скармливать или продавать за бесценок, вот и свезёт его на базар и уступит чуть дешевле. Причем жертвой могут стать бедные студенты... - почему-то решил Ярослав, как будто обыкновенный гражданин, высмотрев недорогое и хорошее на вид сало, не может стать жертвой подлого обмана.

- То-то я смотрю, что это у нас в общаге часто кнурятиной воняет, - заметил Виталий, умиротворённый после удачного посещения сортира (во время процедуры его не укусил ни один комар).
- А я и говорю, - продолжал ход логической мысли, Ярослав, - наиболее часто попадают студенты. Бабки, они хитрые, матёрые, имеют глаз намётанный - не то, что наивный студент. Студент - он простой как двери. В то время, когда бабки тщательно щупают и осматривают подозрительное сало, голодный студент, увидев большой и дешёвый кусок, сразу кидается, словно муха на мёд. Расплата наступает позже - когда начинает его жарить. Но что делать, жрать то охота. Вот и мучаются студенты, закусывая вонючим салом, - закончил Ярослав свои психологические наблюдения.

Петька уже вылез из кустов и теперь тихо сидел, печально уставившись на тлеющий с краю костра, пенёк. Психологически неустойчивый, он, услышав поучительную лекцию Ярослава о жертвах мясоедства, вырвал всю съеденную за последние несколько часов колбасу и теперь сидел с такой кислой миной, будто бы он разжевал жука-вонючку, случайно прилипшего на бутерброд с маслом.

- Следовательно, лучше покупать колбасу в магазине, - сделал еще один логический вывод, Ярослав.
- А ты думаешь, государственные колбасы такие безупречные? - сказал я, - там, конечно, мясо проверяют, но вот потом, в цехах, воруют сильно - и состав уже не тот, и бумаги в колбасе оказывается много. Я как раз помню случай, мне один знакомый мужик рассказывал, они тогда с корешом на колбасном заводе работали.

"...Работали мы на колбасном заводе, - рассказывал он, - и определили нас в цех по переработке всяческой требухи, но выделялось там и коровье вымя. Хотя работа и паскудная, зато, негде правды деть, накрасть можно много. Конечно, сильно в сумку много не наберёшь, а мой кореш был жадный, вот и напхал полные штаны коровьего вымени и пошли мы на проходную. Идём, а он так осторожно ноги переставляет. Короче, прошли нормально, сели в трамвай, а там и до дома минута ходьбы. Кореш сел у окна, а мне места не хватило, стал я неподалёку. Едем значит, а рядом с корешом женщина сидит, лет эдак 40-45, интеллигентной наружности, в очках. Проехали пару остановок, и женщина почему-то забеспокоилась, ерзает по сиденью, всё на кореша поглядывает. И минуты через три ему говорит: "мужчина, у вас там непорядок".

- Почему непорядок? - удивился кореш, - я всегда так езжу, - добавил он, решив, что это замечание по поводу снятых на время езды, чтобы не потели ноги, туфель. Еще через минуту она говорит:
- Извините, я, конечно, понимаю особенности строения мужского организма и функционирования его органов, - проговорила она, поглядывая на ширинку, которая у кореша лопнула и от туда демонстративно торчал розовый кончик коровьего вымени, - но я вас всё же, настоятельно прошу прекратить это безобразие! Тут кореш понял, извинился и запихнул вымя обратно в штаны. Но на этом история не закончилась. Через пол минуты женщина опять возмущается, обзывая кореша наглым извращенцем.

- Чёрт, достала уже! - подумал он, достав из кармана большой раскладной нож, которым часто разрезал мясо, если оно плохо укладывалось в штаны.
- Ой! - вскрикнула женщина, когда кореш раскрыл остро оточенное лезвие и испуганно уставилась на нож.
- Ерунда! У меня их много, - сказал кореш, обернувшись к женщине, потом потянул торчащее из лопнувшей ширинки вымя и ловким движением ножа отрезал его у основания, затем на глазах совершенно шокированной женщины ловко выбросил вымя в открытое окно трамвая. Довольный, сложил нож и поправил ширинку.
- Ну вот, теперь порядок! - обратился он к женщине, улыбаясь, однако та уже лежала без чувств в глубоком обморочном состоянии..."

Тут мои друзья как начали смеяться! Даже Петька рассмеялся до слёз, не говоря уже про Ярослава, который от смеха упал с пенька, на котором сидел, попивая чаёк, и теперь катался в траве, хватаясь за живот. Виталий сидел и откашливался, так как подавился бутербродом или захлебнулся чаем, а может и то, и другое вместе.

- Ха-ха! - прохрипел Ярослав, отдышавшись, - ну и весёлый у нас вечер! Чем дальше - тем веселее. И где это ты, Валерка, такие истории выдираешь?
- Из жизни, дружище, из жизни, - ответил я, довольный, что так во время вспомнил эту чудесную историю.
- Это да, - подтвердил Виталий, снова поставив чайник на огонь - в жизни многое чего случается, если не с тобой так с другими. Правда, еще надо уметь рассказать. Это нам, радистам, хорошо: привыкли перед микрофоном трепаться, а другой и рад бы, да не получается. Вот учился у нас в школе Валька Сафонов. Прилежный такой был, классный журнал носил, ему его доверили как ценный школьный документ, тем более никто и не хотел тягаться с этим журналом, но зато все просили посмотреть там свои и чужие оценки. Но, в общем, я вспомнил эту историю потому, что директриса наша, из-за него, тоже в крутой обморок упала, как та женщина в трамвае.

Как я уже говорил, был Валька очень прилежный. Поэтому ему, как члену совета отряда, и поручили самую нудную общественную работу - читать политинформацию.

- Какая гадость! - сплюнул Ярослав через плечо.
- Какая гадость эта заливная политинформация! - уточнил я, в свою очередь.
- Да, заливать тогда были горазды, - согласился Виталий, и продолжил:

"Сначала политинформацию в каждом классе читали отдельно. А потом учеников стало больше, ввели две смены и времени задерживаться после уроков, не хватало. Тогда директриса дала задание нашему радиокружку починить проводку и наладить школьный радиоузел. Делать нечего и мы всю неделю лазили после уроков, тянули провода. В итоге директриса осталась очень довольна, так как теперь политинформация читалась централизованно, утром и вечером, а главное - каждый день и много, потому что занятые классные кабинеты теперь не были препятствием для такого важного дела. А именно все те, чьи классы оказывались занятыми, сгонялись в актовй зал, и там целый час сидели и слушали "газету, читаемую в Москве". Поэтому нас все матюкали, говорили: "нахрена вы сделали этот брехунец, сиди теперь после уроков, раньше было раз в неделю, а теперь через день достаёт!". Но, конечно, самое хуже было Вальке Сафонову - ему и поручили готовить и читать эту политинформацию. Приходил он на радиоузел, обкладывался газетами и обводил карандашом то, что читать будет. А когда читал, то очень волновался перед микрофоном, у него даже пот на лбу выступал и уши краснели. Тогда мы решили ему помочь, потому что Валька часто рассказывал планы, подслушанные в учительской - когда намечается контрольная, родительское собрание и т.п., чтобы знать наверняка, когда начинать болеть и симулировать. В общем, читал он только передовицу, это минут 5-10, а потом ставил фонограмму. Своего рода "читал под фанеру", всё равно никто не обращал внимания, что это

там грузят, слышно как что-то рассказывают и достаточно. Кто был побогаче - плеер слушал, другие "домашки" решали или беседовали потихоньку. Сначала Валька надиктовывал сам, а потом надоело, и он нам решал алгебру и химию, а мы ему аж две кассеты надиктовали, где-то на неделю вперёд, всяких политических статей из газет и журналов. В итоге все остались довольны: Валька почитает передовицу, а потом ставит кассету и удобно укладывается на стульях спать, благо в радиоузле никого нет и стульев полно. Сначала там сидел один из нас (занимающихся в радиокружке и обслуживающих усилитель), но потом он сам научился включать и выключать усилитель, микрофон, магнитофон и пульт. А у нас же, не было проблем с домашними заданиями. Но вот однажды, как это часто случается, наступил день, когда закончилась эта замечательная "шара".

Как сейчас помню: было это в дождливую осеннюю пятницу, и очень хотелось спать под стук падающих капель. И вот, первая смена уже закончилась, а вторая, наша, еще не началась, но мы по указанию классной руководительницы, приходили в школу на сорок минут раньше, чтобы попасть на эту дурацкую политинформацию. Правда, политинформация проводилась всё же не каждый день, но по пятницам была обязательно, и директриса всегда проверяла, сколько человек из каждого класса присутствует на этом мероприятии, записывая в чёрный список тех, кого нет в зале. А так как была пятница и все знали, что директриса сегодня обязательно припрётся, то все классные руководители из кожи вон лезли, чтобы никто не пропустил, тем более что им доплачивали за внеурочную работу. Собрались мы в актовом зале, пришла директриса, почитала нам всякие школьные объявления, потом собрала учителей, сказала им что-то и ушла, а учителя взволновано засуетились, постоянно орали, что б мы сидели тихо и не орали. Потом ожил десятиваттный динамик, подвешенный на стенке, и спустя минуту мы уже слушали, как Валька читает газеты. Нам сразу слышно было, что это фанера. То-то дрыхнет уже, думаю. Далее пошла наша запись: "группа радиоузла подготовила сводки достижений... и т. д.". И так минут сорок, сидим, зеваем, а кто и глаза закрыл, муть страшная. Эх, думаю, сейчас кассета кончится и на уроки пойдём, жалко, ведь так хорошо дремать начал, вот Вальке на радиоузле спать хорошо! Как вдруг открываются двери, опять заходит директриса, а с нею какая-то комиссия, видимо с района. Заходит комиссия, все сразу притихли, только динамик и слышно.

- А здесь мы, не менее двух раз в неделю, проводим подробную политинформацию, - сказала директриса, обращаясь к толстому мужику, с кожаным портфелем и в очках.
- Так-так, очень хорошо, - пробормотал тот, записывая что-то в блокнотик. И довольная директриса продолжила:
- По инициативе нашего педколлектива и творческими силами технически одарённых учеников школы, был создан этот радиоузел, где учащиеся, осознавая важность информационного контекста в стране, с увлечением изучают основные направления политики партии, с целью освещения результатов коммунистического труда в экономике и в производстве, в народном хозяйстве, культуре и быте советского человека; помогая младшим ученикам донести до понимания определённую суть правильного процесса роста сознания, повышение культурного уровня.... И вдруг, как гром среди ясного неба, из громкоговорителя раздаётся хрипловатый голос Вили Токарева:

*Небоскрёб, небоскрёб, а я маленький такой,
То мне страшно, то мне грустно, то теряю свой покой.
Перепуганы до смерти все большие города,
Не гуляют в них попарно люди ночью никогда...*

- Это что за безобразие! - закричала директриса нервным голосом, подбегая к молодой учительнице, которой поручили провести сегодняшнее мероприятие и встретить комиссию. Комиссия с удивлением и почему-то с нескрываемым интересом наблюдала, как злая директриса неистово подпрыгивает, пытаясь сбить указкой подвешенный высоко на стене, чтобы не достали ученики (и не сломали), мощный громкоговоритель. Однако громкоговоритель продолжал:

*То гляди тебя ограбят, то гляди тебя убьют,
Похоронят как собаку и молитву не споят...*

Наконец директрисе удалось прорвать указкой защитную ткань и повредить диффузор, поэтому динамик на время замолчал. Тут подбежал ученик со стулом, и немедленно, по приказу директрисы, полез снимать поврежденный громкоговоритель. Но стоило его только тронуть, как динамик снова, с большими нелинейными искажениями, прохрипел:

*Очень часто, очень часто задаю себе вопрос,
Для чего не понимаю, чёрт меня сюда принёс...*

А потом шло издевательское: "Ха-ха ха, ха-ха-ха!". В общем, кто слышал эту песню, тот оценит всю прелесть ситуации.

- Ну что же, очень, очень хорошо! - мило проговорил толстый дядька с кожаным портфелем. - Вы, Нина Павловна, - продолжал он, обращаясь к директрисе, - наверное полагаете, что комиссия не в состоянии выявлять нарушения воспитательного процесса? Устраиваете здесь показуху, спектакль, а за кулисами происходит бесконтрольная деморализация, падение нравов и подрыв дисциплины, из чего следует, что из вашей школы некоторым ученикам светит один путь - в колонию строгого режима или на скамью подсудимых. Но прежде на скамью подсудимых ... тут директриса не выдержала и сильно побледневшая рухнула на грязный затоптанный стул, рядом с порванным динамиком на полу.

Как оказалось, Валька, действительно почитав с минуту передовицу, запустил кассету и улёгся на стулья подремать, убаюканный ровным осенним дождиком за окном. И всё бы ничего - кассета закончилась, политинформация тоже, но по роковому стечению обстоятельств она была записана не до конца, а на ней раньше находилась не просто музыка, а популярные, как и всё запретное в то время, песни Вили Токарева. Ну, и видимо уставшая, вымотанная беготнёй и комиссией директриса, не выдержав такого потрясения, упала в глубокий обморок. Может даже еще и более глубокий, чем та женщина в трамвае, на глазах у которой мужик отрезал себе вымя.... Потом её минут десять откачивали, чтобы пришла в чувство".

- Да, потом нам здорово влетело, - мечтательно заявил Ярослав, приятно улыбаясь. - Вот шумихи то было! Целое следствие устроили, откуда это в школе "блатные" песни и кто их распространяет.
- Правда, прикольная история, хотя такое может случиться с каждым, - согласился я, насмеявшись. - А ну-ка, Ярослав, подлей-ка мне еще чаю, пусть остывает, а я, тем временем, расскажу действительно необычную историю про радиолюбительских козлов.
- Каких козлов? - не понял Виталий.
- Это про радиохулиганов, что ли? - спросил Петька, который за время пребывания на островке пропитался духом радиолюбительства, хотя и утверждал, что оно уже его достало, на что всегда получал ответ, что он достал нас куда несоизмеримо больше.
- Зачем же так грубо, - ответил я на Петькино предположение, - иной радиохулиган, чтобы ты знал, Петька, порядочнее некоторых радиолюбителей будет. Бывает, на сто шестьдесят тебя матом так отделают, что уже и сам жалеешь, что не радиохулиган, а то бы как послал..., ну ладно, это к делу не относится, потому что эта история, своего рода, животноводческая.
- О, это как про вымя? - заинтересовался Петька.
- При чем тут вымя? - спросил я, удивляясь Петькиной тупости, - разве у козлов бывает вымя?
- Ха-ха! - рассмеялся Ярослав, - прямо как в "Бриллиантовой руке": тот говорит "гражданин Козлодоев", а так называемый "гражданин Козлодоев" утверждает, что он не "Козлодоев", а "Козодоев" - это, наверное, потому, что у козлов нет вымени, - пошутил Ярослав.
- Это Генка виноват, - сказал Виталий, опять слегка подавившись, - спалил деду сарай с его козлами, тьфу ты, курами, а теперь только и разговоров, что... короче, шашлыков охота!

- Да-а... шашлычков охота, - согласился Ярослав, почему-то поглаживая живот.
- Страшно охота! - не отставал Петька.
- Ну, шашлыков нет, а история про козлов есть, так что если это вас утешит, то могу и рассказать, - предложил я ненавязчивый сервис.
- А в ней, случайно, никто не околел? - забеспокоился Петька, - а то если там какого-нибудь дохлого козла перекрутят на колбасы или еще что-то сделают - тогда я такое слушать не хочу, лучше в шалаш спать полезу, - решил Петька, вспомнив как его недавно тошнило.
- Не беспокойся, это чисто радиолюбительская история, - пообещал я, Петьке.
- Лучше уж радиолюбительская, - пробормотал Петька, косо поглядывая в сторону Ярослава.

История эта произошла с моим товарищем-радиолюбителем. Проживал он в пятиэтажном доме, но, как и многие в посёлке, держал в гараже и сараях многочисленное хозяйство, короче всяческую живность. Были там и куры, и свиньи, нутрии и кроли, а также несколько коз и козёл. И, наконец, у коз появился приплод - три маленьких козлёнка. Но была зима, и козлят, чтобы не застудились, через некоторое время взяли в квартиру, где они и подрастали, обитая на кухне. А на кухне находился, как это часто бывает, радиолюбительский шэк. Оно и понятно, если любитель телеграфист, то родные еще как-то могут стерпеть свечение шкалы трансивера и скрежет вернерного механизма по ночам, когда все спят, но если работать телефоном, то лучшее, что можно услышать в свой адрес - это фразы в стиле: "снова бормочешь по ночам..., кончай болтать..., опять ночное randevu..., когда уже сгорит твоя зараза..., всегда мотаешь мои нервы..." и всякое тому подобное. Поэтому и трансивер UW3DI находился на кухне. Он стоял на столе, рядом - наушники, микрофон и аппаратный журнал, а снизу, под столом, лежала педаль TX/RX.

И вот, воскресным утром, мой товарищ сел послушать "круглый стол" радиолюбителей Харьковской области на 160 метров. Как всегда, собралось человек 50-60, плюс ближайшие области. Было уже часов восемь, все попроспались и семейные дела требовали участия главы семейства. Тогда он оставил включенным трансивер и вышел в другую комнату, где, занимаясь делами, краем уха слушал "круглый стол". Утром в квартире суматоха - дети бегают, козлы орут (скачут по квартире и мекают), поэтому мой товарищ и не заметил, что трансивер уже несколько минут как замолчал. Потом подумал: "странно, неужели круглый стол так быстро закончился" и направился на кухню. Там он увидел интересную картину - козлята собрались под столом, один стал двумя копытцами на педаль (потому что у них они растут и им нравится стоять передними ножками чуть повыше), а остальные два стоят рядом и блеют, только и слышно: "ме-е-е, ме-е-е...".

- Ах, вы ж гады, паразиты, твари безмозглые! - заругался мой товарищ, а микрофон, кстати, был у него очень чувствительный. - Все собрались под столом, су...и ! - кричал он, на блеющих козлят, - Я вам, падлюкам, покажу, как здесь лазить! Убью, гады! Подошел и турнул их мухобойкой.

Козлята, конечно, разбежались, и тут мой товарищ услышал в переключившийся на приём, как только козлёнок спрыгнул с педали, трансивер:

- Слышал-слышал, но такого, за сколько лет работы в эфире, не слышал, - многозначно проговорил ведущий круглого стола, - ладно, ругаются, но чтобы в микрофон блеяли... да еще и на круглом столе... такого еще никогда не было, - закончил совсем пораженный ведущий. А потом, как раздаётся в эфире многоголосый хохот... (Сразу видно, что многие используют VOX). Мой товарищ с досады аж выключил трансивер, не дожидаясь чем и когда закончится этот круглый стол.

- Ха, ха, ха! Ой, не могу! - катался по траве, Виталий! - И что, его потом никто не вычислил? - спросил он, в который раз вытирая набежавшие от смеха, слёзы.
- Ну... местные радиолюбители догадались, конечно, - ответил я, немного задумавшись, - но меня, правда, на том круглом столе не было.

- Эх, жаль, что и меня не было, - сокрушался Ярослав.
- Еще бы! - добавил я.

Вдоволь посмеявшись, рассказывая и слушая разнообразные радиолобительские и просто жизненные истории, мы, подбросив в костёр еще веток, чтобы он не погас к утру, полезли в шалаш спать, весёлые и довольные, что так весело провели этот тихий и тёплый летний вечер.

***

Опасный остров

Погода, как это часто бывает летом, снова изменилась. После полуночи подул северо-восточный ветер и на островке значительно похолодало. Может, с десятков километров от нас, где-нибудь в районе поселка и повыше, этот плотный утренний туман и можно назвать «молочным», а у нас в низине среди озёр, иначе как «ледяным» - назвать язык не поворачивался. И не только психологически. Мой товарищ Виталий, «задубев» с головы до пят, давно уже проснулся, однако почему-то не шевелился, а молча лежал на спине, уставившись грустными глазами в камышовую крышу шалаша не издавая ни каких звуков, как будто бы от холода ему еще и челюсти свело.

Сначала холод, медленно, но верно, проникнув сквозь наброшенную сверху фуфайку, начал холодить спину, вызывая озноб и гусиную кожу. Я укутался в фуфайку сильнее и в полудрёме стал сожалеть о том, что не прихватил с собою еще и фуфаечные штаны. «Если мёрзнуть так и дальше, тогда можно прямо-таки «закостенеть», как тот кабан, о котором вчера Ярослав рассказывал» - подумал я и стал медленно выползать из шалаша наружу, в надежде разжечь костёр и, наконец, отогреться. Попутно растормошил Виталия, который как только я зашевелился, сразу закрыл глаза, притворяясь, будто бы спит.

- Вставай-вставай, - теребил его, я, - тоже мне, еще один симулянт нашёлся!
- Не симулянт я, - широко зевая и вздрагивая от холода, ответил Виталий, - замёрз просто, вот и не хочется делать лишних движений, надо тепло сохранять.
- Давай-давай! – продолжал я, в поисках завёрнутых в одном из целлофановых пакетов, спичек, - это тебе не берлога, чтобы «тепло сохранять», и если сейчас мы не разожжём костёр, то к тому времени, когда рассеется туман и высохнет роса, от нас останутся только... ну, в общем как бы там ни было, а придётся нам по росе дрова собирать, раз вчера всё сожгли.
- Так кто ж знал, что будет такой холод? – сказал Ярослав, разминая замёршие пальцы, - прямо-таки собачий. Собака бывает кусачей, только от жизни собачей... - негромко пропел он, нехотя выползая из холодного шалаша в еще более холодный наружный туман.
- А может быть лучше «сухой спирт» запалим? – предложил проснувшийся Петька, которому страшно не хотелось шастать в мокрых от росы зарослях, в поисках подходящих на распалку веток.
- Я тебе запалю! – крикнул на него Виталий. – Не хватало только, чтобы ко всему что было, еще и шалаш сгорел! Хватит с нас и перевернутой лодки с утонувшим трансивером, которым теперь только коты бить хорошо, а не в эфире работать.

На этой грустной ноте все покинули холодный шалаш и принялись, ругая Петьку и туман, стаскивать наиболее сухие ветки к костру.

Насобирав веток, принялись разжигать костёр. Виталий достал спички и стал уверенно чиркать, наивно полагая добыть огонь с первого раза. Но, как всегда бывает в подобной ситуации, спички упорно не зажигались. Когда перевернулась лодка, они, хотя и находились в целлофановом пакете, быстро напитались влаги, потом мы их разложили сохнуть, но по всей вероятности не досушили, поэтому спички отсырели снова; мы же, пользовались только зажигалкой, пока она не взорвалась в Петькином кармане.

- Да... дела... - мрачно произнёс Виталий, бросая теперь уже бесполезные спички обратно в кулёк.

На нас было жалко смотреть. Стоят четыре парня, в самом центре лесных озёр и болот, в мокрых до пояса штанах, закоцубевшие, а на посиневших от холодной утренней росы ногах телепаются ошмётки рваных кульков, сквозь которые видны сморщенные от влаги и срюченные от холода, пальцы. Целлофановые кульки надели на ноги, чтобы было не так холодно собирать дрова, ступая босыми ногами по мокрой холодной траве. Обувь обувать не стали, так как всё равно, через несколько минут хождения она промокла бы насквозь, здесь не помогли даже кульки, которые, цепляясь за валяющиеся повсюду ветки, быстро рвались. А нога что? Погрелся у костра и порядок. Также и со штанами – десять минут и просохли.

- Слушай, Виталя, а ты, оказывается, накаркал, - сказал Ярослав, апатично уставившись на большую кучу собранных дров, - нам теперь действительно не стоит шевелиться, дабы совсем не растерять тепло, что скапливается под мокрыми штанами.
- В гробу я видал такое тепло! – выругался Виталий и стал поспешно стягивать с себя мокрые и холодные штаны, не переставая отпускать в адрес Петьки специальные ругательные выражения, которые уже вырабатывались автоматически за всё время присутствия Петьки на островке, с его феноменальной способностью всё портить.

Действительно, с малейшим движением промокшие штаны, плотно прилипнув к ногам, вызывали примерно такое же ощущение, сродни которому испытывал лягушонок Кваки из детской сказки, когда ему добрая фея повесила на ноги ледяную глыбу, из-за его постоянного нытья по поводу собственной бесполезности, чем, видимо, он и достал её окончательно.

- Делать нечего, - рассудительно произнёс Ярослав, - придётся подождать пока рассеется туман и взойдёт солнце, тогда подсушим спички и разожжём костёр.
- Так это ж сколько ждать придется! – досадовал Петька.
- И кто бы говорил! – не выдержал Виталий, - наглеешь ты, Петька не по дням, а по часам! Зря Ярослав отдал тебе вчера всю колбасу. Лучше бы он дал тебе по шее, а не утешал колбасой! Подумаешь ожог – брючина прогорела. А вот то, что ты оставил экспедицию без связи, утопил трансивер вместе с лодкой, - это значит не трагедия? Если уж на то пошло, тогда чтобы нас утешить - вагон колбасы надо. Мало того – Виталий принялся загибать пальцы, считая Петькины злодеяния, - мало того, что оставил экспедицию без трансивера, так еще и без огня! Я вообще удивляюсь, как это ты еще «Недры» не загорбил и шалаш не спалил! Тогда мы останемся действительно без ничего – и без связи, и без крова, и без снаряжения.
- Ладно, Виталя, не заводись, - прервал его Ярослав, - у нас есть еще «Недры» и усилитель на ГУ-29, а также, что немаловажно, полное отсутствие коварных и зловредных соседей, хитро обрезающих антенные оттяжки по ночам. Так что мы еще покажем в эфире статус-кво.
- Интересно, - спросил я, когда мы снова залезли в шалаш и начали натягивать на себя всё что валялось тряпичное в нём, - и чем же мы будем показывать это статус-кво? Трёхканальной «Недрой», что ли?

Но Ярослав не отвечал, занявшись доставанием из-под «завала» – огромной кучи в углу, где перемешались инструменты, провода, кульки, коробки с деталями, верёвки, и прочий походный хлам, поисками вещей для согрева; особенно его заинтересовал длинный полотняный мешок, находящийся в самом низу наваленной кучи. Тогда Ярослав, не взирая на недовольство Петьки, устроившего там удобную лежанку, принялся разбрасывать кучу, чтобы добраться к заветному мешку. Наконец ему удалось «откопать» мешок и замотать им замёрзшие ноги. Но всё равно, ниже колен, ноги оставались открытые и сильно мёрзли. И тут Ярослав увидел, как из-под Петькиной лежанки торчит кончик тёплого махрового полотенца, которое он прихватил с собою, чтобы после купания в озере, не обсыхать долго, на радость вездесущим комарам, а, оперативно вытираясь, сразу же одеваться.

- Это что у тебя? Лапсердак? – спросил Ярослав, умело копируя голос Папандопало, из кинофильма «Свадьба в Малиновке», - дай погреться! И стал тянуть полотенце к себе. Все рассмеялись, а Петька, невзирая на то что «Свадьба в Малиновке» был и его любимый кинофильм, смеяться не стал, а наоборот набундючился и полотенце не отпускал.

- Не дам я тебе ничего, товарищ Папандопало, - угрюмо ответил он, - это предмет личной гигиены, нечего его на грязные ноги наматывать!
- Я вижу, ты себя не обделил, - Ярослав продолжал вытягивать из-под Петьки махровое полотенце, - у тебя фуфайка и целое покрывало, а какое-то жалкое полотенце тебе дорожке, чем замерзающие ноги своего товарища.

В отличие от Ярослава, Виталий не стал церемониться с вредным Петькой, а напомнил ему, чтобы не забывался по чьей вине все мы тут мёрзнем, и справедливости ради предложил на выбор: или он отдаёт полотенце, или Ярослав забирает покрывало. Петька быстро смекнул, что полотенце явно уступает покрывалу и, с сожалением его отдал. Замотав ноги в полотенце, Ярослав сразу почувствовал себя комфортно и, удобно устроившись на лежанке, предложил: «А нам, вообще-то, ничего и не мешает собрать трансивер прямо здесь, на этом многострадальном острове».

- Но как? – спросил Виталий, - ведь у нас только тестер и деталей мало...
- Элементарно, друг мой, - ответил Ярослав, почесывая отогревающиеся пятки, - детали мы демонтируем из испорченного под водой трансивера, конечно, не все, а только необходимые для изготовления плавного гетеродина. А лучше разберём вернерный механизм, почистим, а потом соберём снова, проверим схему и запустим.
- Действительно, как это мы сразу не додумались, - сказал Виталий, немного сожалея, что не ему первому пришла такая прекрасная идея. – Возьмём гетеродин трансивера и подключим его к «Недре», тем более что у нас их двое.
- Переделаем ту, которая «выделывалась», - предложил я, - заодно и проверим.
- Да, как раз проверим, - согласился Ярослав, - хотя, скорее всего, она тогда просто намочла «от купания в озере», а потом просохла.
- Будем надеяться, что всё у нас получится, - ответил я, на такое интересное предложение, только сначала надо трансивер промыть хорошенько, а то вонючий – страх, так и несёт болотной тиной, иначе, прежде чем сесть работать, надо сказать Генке, чтобы как будет плыть, прихватил пару противогазов для трансивера.
- Ха, ха! – рассмеялся Виталий, - это ты точно подметил, мне даже кажется, что трансивер своим болотным запахом еще и комаров притягивает, когда я его на берег вытащил, так сразу слетелась куча комаров, меня даже сквозь афганку гады искусали, весь вечер чесался.
- Купаться чаще надо, - съязвил озлобленный на Виталия, за изъятое полотенце, Петька.
- Конечно, теперь я буду купаться чаще, - не стал спорить Виталий, - хотя бы потому, что мы конфискуем на всеобщее пользование твоё полотенце, в компенсацию за причинённый моральный ущерб.
- И материальный тоже, - добавил я.

На это Петька ничего не ответил, стараясь не развивать столь неприятную для него тему.

Через пару часов на островке рассеялся туман и заметно потеплело. Я даже слегка задремал в шалаше, но меня разбудил Петька, который выбрался наружу и бегал вокруг шалаша, напевая песенку:

*Синий туман похож на обман,
Похож на обман,
Синий туман, синий туман...*

- Что Петька, хорошо петь, когда нет холодного тумана? – спросил я, улыбаясь, - эдак и дурак запоет, когда тепло. Толи дело – в холод.
- Да, по холоду не очень распоёшься, - согласился Ярослав и стал раскладывать спички сушиться на солнышке.
- Это мне напоминает один школьный анекдот, - поддержал разговор Виталий, развинчивая грязный корпус трансивера, - когда приходит ученик домой и показывает отцу дневник. А там почти по всем предметам двойки и только по пению всё время пять. Смотрит отец дневник, смотрит... а потом кричит жене: « Да ты только посмотри! Он еще и поёт, гад!».
- Действительно, утопил трансивер и поёт, - задумчиво произнёс Ярослав, разглядывая начинку вскрытого трансивера.

Некогда собранный с любовью трансивер, теперь имел не то чтобы не товарный, а даже явно отталкивающий вид и уж совсем не притягивающий операторов, запах. (Чего нельзя сказать о комарах – они действительно слетались к трансиверу, словно мухи на... навоз.) Внутри трансивера всё было покрыто хотя и засохшим, но всё еще очень вонючим илом, с прилипшими жучками и какими-то скрюченными дохлыми мальками и ракушками. Кроме того, сильно воняли гниющие между секциями КПЕ и не только, многочисленные мелкие водоросли. Короче говоря, эксплуатировать такой аппарат явно не представлялось возможным. Тогда, скрипя сердцем, я взял кусачки и повыкусывал оттуда все платы вместе с разноцветными жгутами соединительных проводов. Платы и корпус тщательно промыли в озере, а вернерный механизм трансивера Ярослав смазал сливочным маслом. Потом, проверив монтаж, впаяли плату ГПД обратно, подсоединив к нему метр коаксиального кабеля и вытянув его наружу. Работоспособность проверили тестером, включив его на переменку. К нашей всеобщей радости гетеродин заработал. Теперь всё было готово для последующей модернизации «Недры» на 160 метров.

Предполагалось отключить кварцевый гетеродин (один из каналов) сто шестидесяти метрового диапазона, а остальные два канала и десятиметровый диапазон, оставить. Для этого мы вскрыли «Недру» и, подпаяв к микрогалете вместо кварца кабель ГПД, крепко примотали её скотчем к корпусу трансивера. Подключив вторую «Недру», выяснили, что частота гетеродина на несколько десятков килогерц не соответствует шкале, а так всё работало вполне нормально. В итоге, полученный гибрид окрестили мистическим названием - «Недротранс», что на языке радиолюбителей означало помесь «Недры» с гетеродином трансивера, а вероятно, на языке мистиков – глубокий транс в недрах сознания.

К «трансиверизированной» «Недре» подключили нашу 75 метровую Г-образную антенну. Так было приятно вернуться снова в радиолюбительский эфир! Эфир на нашем небольшом островке среди бесчисленных протоков и лесных озёр, где до ближайшего населенного пункта (посёлка) не менее 10-12 км, выглядел действительно прозрачным и чистым. Было часов десять утра, прохождение на 160 закончилось, поэтому мы не рассчитывали услышать кого-либо, кроме местных районных и областных операторов. Каково же было наше удивление, когда, выкрутив ручку усиления приёмника побольше, так как полное отсутствие промышленных помех и посторонних шумов позволяло это сделать, мы услышали, находясь в Харьковской области, с десятком операторов соседних областей восточной Украины, а также много станций Белгородской области.

- Вот это да! – восторженно воскликнул Виталий, прослушав диапазон. – Ты посмотри что делается!
- А может это просто волновод? – не поверил Ярослав, такой удаче.
- Какой еще волновод?
- Ну, бывают такие, - рассуждал Ярослав, - знаешь, когда смешивается тёплый и холодный воздух, возникает, своего рода, хороший волновод.
- Знаю, - ответил Виталий, - но это больше на УКВ, а чтобы на 160... вряд ли. Скорее всего, здесь просто очень чистый эфир, антенна у нас длинная, горизонтально натянутая над водой, а, как известно, все ближние и дальние помехи, гребут именно вертикальные антенны. А так как мы расположены еще и в низине, то наша антенна по шумам сродни чем-то антенне Бевереджа, коротковата правда, но всё равно отсеивает все эти вертикально поляризованные трески и шумы.
- Ох, и расписал ты, Виталя, - не выдержал я, - прямо чудо-антенна получается! Просто эфир чистый, чувствительность приёмника высокая, и наша «верёвка», действительно, натянута над поверхностью воды, вот и работает прекрасно. Жаль только, по передачи мощности маловато... Но, ничего, подключим усилитель, может на общий вызов двадцать девятой и маловато будет, а вот на поиск должно хватить. Я из дому и то на двух полтинниках работаю.
- Да, на поиск должно хватить, - согласился Виталий.

Тем временем, пока мы с Виталием возились у трансивера, Ярославу удалось разжечь огонь. Чтобы долго не ждать, пока спички полностью подсохнут, он достал увеличительное стекло и, сфокусировав световое пятно, поджег наиболее сухую из коробки, а затем и подложенную под ветки таблетку сухого горючего. Далее костёр разгорелся без труда.

- Что-то припасов у нас маловато, - заметил Ярослав, когда стал закипать подвешенный над огнём, котелок.

- Очень, очень маловато!- сразу засуетился Петька, бегая вокруг Ярослава. – И где это Генка! Обещал с утра выплыть, а его всё нет. И по рации не отвечает, - вздохнул он, и принялся резать охотничьим ножом банку из-под сгущенного молока, из которой как ни присасывайся, а ни черта вытянуть больше не удавалось. Отрезав верх, Петька решил сделать себе чайку, залив кипятком в разрезанную банку. И чтобы не утруждаться, стал опускать её в кипящий котёл, ухватив за края плоскогубцами. А Ярослав как раз планировал сварить хотя и отсыревшие, но годные к употреблению на лесных озерах, макароны.
- Ты что же это делаешь?! А? – закричал он и шлёпнул Петьку по руке, когда тот держал над котлом банку. Вместо того чтобы одёрнуть руку, Петька разжал пальцы и банка булькнула на дно вместе с плоскогубцами.
- Эй, Виталя! – воскликнул Ярослав, растерянно наблюдая как переворачивается с боку на бок, выпуская молочные разводы, кипящая в котле банка. – Иди, посмотри, что твой брат наделал!
- Это не я, - пытался оправдаться хитрый Петька, - это Ярослав меня сбил. Я просто хотел подогреть банку над паром, чтобы оставшееся молоко стекло с краёв на дно.
- Брехня всё это, - зло сказал Виталий, - вот мы сейчас достанем последнюю консерву, а ты вари себе макароны, в этой мутной воде.
- А что б тебе! – сплюнул Ярослав, и стал выливать испорченную воду в траву.

Пришлось ждать еще пол часа, пока закипит свеженабранная в котелок вода.

Из радиостанций, одну «Недру» мы оставили включенной на десятиметровом диапазоне, а вторую на сто шестидесятиметровом, на заранее оговоренных частотах оперативной связи с нашими товарищами в посёлке. Еще вчера мы договорились с Генкой, что он привезёт к нам на островок дополнительную провизию, некоторые вещи и прочую всякую мелочь; у нас же заберёт поднятый со дна аккумулятор, извлечённый из трансивера чужой электромеханический фильтр и обнаруженные в старой землянке военные находки. В целях экономии аккумуляторных батарей решили, что Гена вызовет нас сам, когда будет плыть по протокам среди озёр и островков, периодически консультируясь куда следует плыть. Но время уже близилось к обеду, а его всё не было.

Мы сварили макароны и помаслили их сливочным маслом, которое хранилось в банке с подсоленной водой (чтобы не испортилось), но всё равно они оказались недосоленными, и Ярослав полез в шалаш за солью. Однако Петька запротестовал, заявив, что такие макароны ему нравятся больше, и сразу отсыпал себе в тарелку. Ярослав, подсыпав еще соли, закрыл котелок крышкой и пошел звать Виталия, который ловил рыбу неподалёку. Но не прошло и пол минуты, как он вернулся, и с криками: «Подсак! Давайте скорее подсак!», схватил последний и помчался обратно к озеру. Мы, конечно, бросили всё, побежав за ним, сгорая от любопытства. А посмотреть было на что. Виталий медленно подтягивал к берегу какую-то крупную рыбу, при этом длинное пластиковое удище согнулось в дугу и сильно играло. Но рыба упорно сопротивлялась, пытаясь уйти под коряги и оборвать не такой уж и толстый полуметровый поводок. Еще немного усилий – и она оказалась в подсаке. Это был толстый жирный карась, приблизительно грамм 600 – 700 по весу. Карася с восхищением бросили в хозяйственный пакет, предварительно наполнив водой до половины.

Но самое неожиданное нас ожидало впереди. Когда мы находились в тридцати метрах от лагерной поляны, то увидели такую картину: неизвестно откуда налетела стая ворон и хозяйничала на нашем, только что накрытом, столе. При этом интересно было наблюдать, как вороны, собравшись вокруг Петькиной тарелки, дружно выклёвывали из неё макароны. Другие птицы хозяйничали на столе и возле кульков с провизией, при этом, как вскоре выяснилось, они разорвали пакет с перловой кашей. С нашим появлением вороны разлетелись, оставив расклёванный хлеб, остатки печёной картошки и пустую Петькину тарелку, даже кулёк с радиодетальями и тот раздолбали. Ярослав кинулся к деталям и обнаружил, что птицы украли позолоченный транзистор КТ-929 и фольгу с несколькими завёрнутыми КП-350.

- Проклятые вороны! – возмутился Петька, разглядывая опустошенную тарелку, - все макароны сожрали!
- Надо было поперчить, - рассмеялся Виталий, - тогда бы вороны их не трогали.
- А детали, что, тоже поперчить надо было? – спросил расстроенный пропажей по тем временам весьма дефицитных транзисторов, Ярослав.

- Детали надо было спрятать, - строго сказал я, и стал насыпать уже остывшие макароны с котелка. Ну, а Петьке деваться было некуда и пришлось есть то, что дают.

Мы уже съели все макароны, печеную картошку и консервы, выпили три литра чая, рассказали не один десяток интересных историй и анекдотов, а Генки всё не было, ни в натуре, ни в эфире. Пробовали вызывать – не отвечает. На сто шестьдесят связались с местными радиолюбителями, но наших друзей никто сегодня не слышал.

- Не нравится мне всё это, - сказал обеспокоенный Ярослав, - если бы у Генки что-то не получилось, он бы обязательно связался. А так, как мы с ним договаривались, он должен был еще с утра зайти до Виталия к родителям, взять вещи, потом добравшись до озёр, накачать лодку и отчалить.
- Очевидно, что-то случилось, и девяносто девять шансов из ста – это неприятность, - поддержал я опасения Ярослава.
- Знать бы где, - сказал Виталий, - может по пути к озёрам, а может, и это самое худшее, среди самих озёр. Конечно, утонуть он не утонет: вокруг полно островков, но вот заблудиться может. Только странно, чего это у него радиостанция не работает. Его «Недра» даже лучше чем две наши. И мощность там по более будет, и аккумуляторы по новее.
- Конечно, далеко еще не вечер, - перебил я, Виталия, - однако надо что-то думать... Только, если он заблудился среди озёр, тогда как мы его отыщем без связи, я не представляю. Нам то и самим непросто ориентироваться среди протоков, зарослей камышей и поросших лесом, островков. Может он перевернулся? Тогда понятно почему не отвечает.
- Если бы перевернулся, тогда вылил бы с лодки воду и к нам уже доплыл, - не согласился Виталий, - пусть бы без вещей и без радио, мокрый, но доплыл, тем более лодка новая, хорошая, не то что у нас была.
- Вот именно, не то! – вставил Петька.
- И Петьки с ним нет, - не меняя интонации продолжал Виталий.
- Да, действительно странно, - удивился Ярослав, - и Петьки нет, а пропал что-то... какое-то завидное невезение. – Послушай, Виталия, - спросил Ярослав, искоса поглядывая на Петьку, - а нет ли у тебя еще каких-нибудь других родственников, которые бы притягивали везение и удачу?
- Чего нет, того нет, - развёл руками Виталий.

Поговорили, и снова сели за радиостанцию вызывать Геннадия. Вызывали в основном, на десяти метрах и реже на сто шестьдесят. Солнце поднялось высоко, поэтому на 160-ти метрах не было никаких станций, а на десяти появилось прохождение; и на любительском диапазоне 28 МГц периодически появлялись иностранные ЧМ радиостанции гражданского диапазона, с расширенной сеткой частот. Еще через полтора часа, по всему диапазону появился сплошной шум, 6-7 баллов и услышать что-либо слабенькое не представлялось возможным. Поэтому переключились на 160 и вызывали только там.

- Вроде отвечает кто-то, - не уверено проговорил Виталий, сделав десяток вызовов на одном из двух оставшихся, кварцованных каналов 160 метрового диапазона, нашей модернизированной «Недры».
- Действительно кто-то есть, только разобрать трудно, - согласился и я.
- Гена, если это ты, тогда три раза по пять раз постучи по микрофону, - предложил Ярослав, неизвестному корреспонденту.
- Да, это он, - сказал Виталий, когда мы отчетливо услышали, чуть выше уровня шумов, периодические щелчки. – Наконец то! – обрадовался он, но, слегка огорченно, добавил – только почему же, его так плохо слышно?
- Ты где, Гена? Как нас слышишь? – включившись на передачу, кричал Ярослав «ДХ-у» Генке. Но разобрать ответ было нелегко.
- Я тут... на кор... об... вет... у... всё, - отвечал Генка. – Жду свя... буду жд..., у меня тран...тор вы...тел кул..., подклю... зазем... на связи.
- Вот и попробуй, догадайся, - озабочено сказал Виталий, одной рукой сжимая гарнитуру, другой почухивая затылок, - похоже, он где-то здесь застрял. И что-то про заземление говорил... при чём тут заземление?

- Может у нас плохое заземление? – предположил я, - давайте его сделаем получше, может действительно поможет.

Сказали Генке чтобы оставался на так называемой, связи, а сами принялись переделывать заземление. До этого использовался воткнутый в почву стальной полуметровый пруток. Ко всему прочему, у нас имелась бобина миллиметрового лакированного провода, метров 200, прихваченного для экспериментов с НЧ антеннами. Виталий взял бобину, отмотал несколько метров провода и, зачистив конец, прикрутил его к стальному прутку. Потом зашел по колена в озеро и полностью воткнул пруток в мягкое дно. От берега и до поляны где мы расположились, понадобилось приблизительно метров двадцать провода.

- Ну, вот, теперь готово! – гордо продемонстрировал Виталий новое заземление и присоединил его к радиостанции. Ярослав подключил вместо малогабаритной гарнитуры солидные операторские наушники и сразу ощутил заметное изменение в приёме.
- Ты гляди, меньше шума стало! Точно меньше! – обрадовался он.
- Как часто говорил, один знакомый электрик, когда его в очередной раз бахало током, - поучительно сказал Виталий, вытирая мокрые ноги Петькиным полотенцем, - всё это нужно проверять эмпирически.
- Сейчас и проверим, - ответил Ярослав и начал вызывать Генку.

И действительно, с подключением нового заземления или уровень шума уменьшился, или возросла чувствительность «Недротранса», но только теперь Генку мы слышали вполне удовлетворительно, нормально разбирая до 90 процентов передачи. Как выяснилось, произошла с ним такая вот, история.

Вчера вечером пошел он к Константину, брату Ярослава, и договорился с ним, что тот подкинет его на мотоцикле вместе с вещами и надувной лодкой к лесным озёрам. Утром, как и договаривались, Генка заскочил к Виталию домой и взял старые военные боты. Хотел взять еще и Петькины очки, но их так и не удалось отыскать, зато в одном из ящиков стола он наткнулся на пошарпанную бензиновую зажигалку. Решил, что чем каждый раз покупать пластмассовую одноразовую, будет целесообразней заправить бензиновую, тем более бензина везде полно. Потом пошёл домой ждать Костю. Через некоторое время он приехал и, погрузив вещи, они отправились на озёра. К месту высадки доехали без приключений, если не считать что по пути Генке приспичило в сортир, и пока он отсиживался в зарослях орешника вдоль лесной дороги, на него свалился клещ. К тому времени пока они добрались к озеру, клещ сполз по спине и впился чуть повыше задницы.

На берегу озера Генка накачал лодку, спустил её на воду и, погрузив вещи принялся грести по направлению к нашему островку. Путь это не лёгкий, так как, кроме того, что необходимо с десяток километров отмахать вёслами, нужно было ещё и проплывать через узкие поросшие камышом протоки, а также между островками, где с деревьев свисали ветви вплоть до самой воды, которые не давали работать вёслами и цеплялись за одежду.

Густой утренний туман мешал Генке нормально ориентироваться среди озёр и ему приходилось долго курсировать вдоль берегов, прежде чем удавалось определить нужное направление. Было и так очень влажно и холодно, но вдобавок ко всему Генка, заплывая в очередную заросшую вдоль всего берега густыми клёнами протоку, зацепился головой за свисающую ветку и кепка-афганка, так удобно сидевшая на голове, бесшумно упала в воду. Он сразу сдал назад, в надежде незамедлительно выловить упавшую кепку, однако та уже напилась воды и одевать её на голову не имело никакого смысла. «Плохая примета» – подумал Генка обмотав вокруг головы футболку, потому как голова не только мёрзла, а и подвергалась непрекращающимся атакам кровососущих насекомых, которым в этих местах, даже похолодание не помеха. Но комары роились вокруг лица, а чаще всего чесалось, почему-то, вокруг кобчика. И сколько Генка не чесал, зуд не унимался, а наоборот, становился всё сильнее. «Та что ж такое!» - разозлился Генка и, прекратив грести, запустил руку под афганку. И тут, как он потом рассказывал «сердце моё ойкнуло, когда я нащупал еще маленького, но крепко залезшего под кожу кровососущего клеща».

А расстраиваться было чему. Во первых, укус лесного клеща гораздо хуже укуса болотных пиявок, некогда присосавшихся к Петькиной ноге. И если пиявку можно оторвать и ничего не будет, то клеща отрывать никак нельзя, всё равно под кожей останется кровососущая головка. Более того, если клещ укусил, то в месте укуса образуется небольшая твёрдая шишка, которая, в зависимости от продолжительности пребывания клеща на теле, может достигать до 10 миллиметров в

диаметре (обычно 2-3) и потом еще год чесаться, когда затронешь это место. Во вторых, мы обычно брали азотную кислоту для травления печатных плат, макали туда соломинку и мазали клеща, после чего тот просто рассыпался, вместе с подкожной головкой; к тому же инфекция, впрыснутая им во время укуса, чтобы не сворачивалась кровь, также уничтожалась и в последствии место укуса не зудело. Кислоты у Генки, конечно, не было, а даже если и была, то самостоятельно попасть в клеща, впившегося возле кобчика, явно затруднительно. Если он впился хотя бы в доступном месте, тогда можно было воспользоваться булавкой, выковыряв, насколько возможно, кровососущую головку из под кожи, что бы не испытывать психологические мучения, зная что с каждой прошедшей минутой клещ напивается крови всё больше и больше.

Очень расстроенный, Генка, принялся быстро грести, стараясь добраться до островка как можно скорее, чтобы удалить злощастного клеща. Погруженный в невесёлые мысли, он утратил бдительность и со всего разгону напоролся на подводную корягу, продырявив насквозь резиновое дно. Через пробитое отверстие приблизительно сантиметров 10 в диаметре, быстро поступала вода, подтапливая нагруженные в лодке вещи. Поэтому Генке не оставалось иного выбора, кроме как высадиться на ближайшем островке.

А что же связь? Еще на берегу, когда накачал лодку, Геннадий пытался нас вызвать, но, как известно, связь не состоялась. Он спешил, поэтому не стал вникать в тонкости, а просто предположил, что или у нас выключена радиостанция или его не слышно на куликовку. Решив «покричать» позже, когда будет ближе, погрузил в лодку вещи и отправился в путь. Так вот, Генка оказался примерно в такой же ситуации, в какой оказались мы, когда перевернулись, подплывая к островку. Правда, у него сохранилось всё имущество, даже не очень подмокшее. Еще одним неоспоримым преимуществом было то, что с ним не было Петьки. Еда также имелась, которую он вёз на остров, набрав целый мешок всякой всячины. Но, вопреки всем «благам» робинзона Генки, его подстерегло коварство провидения – радиостанция не работала. Точнее работала, но только приёмник, а передатчик практически не имел отдачи в антенну. Это Генка определил, подключив малогабаритное согласующее устройство (размером с сигаретную пачку, для настройки походных антенн), конструктивно представляющее собой катушку с отводами, переключатель, потенциометр, и микроамперметр с магнитофона. Короче, сколько ни кричи в микрофон, а стрелка прибора не шевелилась, и только вывернув потенциометр на максимальную чувствительность, можно было разглядеть едва заметные колебания.

В общем, связавшись с Генкой и уяснив ситуацию, решили, не откладывая отправляться на его поиски. Связаться нам удалось с помощью более эффективного заземления, однако сигнал Геннадия был всё еще очень слабый, и в любой момент связь могла быть утеряна. Предположительно, мощность его радиостанции не превышала нескольких десятков милливольт, просочившихся сквозь неработающий выходной каскад. Почему он не работал, мы не знали, но, как говорится, вскрытие покажет. А пока стояла задача отыскать своего товарища, причем, желательно, до наступления вечернего прохождения радиоволн. Действительно, только начнёт вечереть, как на диапазоне появится много шумов, помех, и других радиостанций, и даже если мы окажемся неподалёку, всё равно связаться будет трудно или невозможно совсем, во всяком случае, в диапазоне 160 метров; а как поведёт себя десятка пока неизвестно. Плохо то, что Генка не мог точно объяснить, где он находится. Говорит, на озёрах был туман и кроме общих ориентиров, ничего толкового он так и не рассказал. Исходя из его описания, предположили, что он должен находиться не более двух-трёх километров от нашего островка. Но, на сколько правее или левее, судить затруднительно.

- Ну что, плот у нас вместительный, давайте собираться, - предложил я, после сеанса связи, - раньше Генка плыл на помощь, а теперь мы плывём к нему.
- На войне ситуация меняется каждую минуту, - вспомнил Ярослав классическую фразу.
- Это, конечно, да, - ответил я, подключая к КСВ метру вторую, «не траниверизированную» «Недру» для контрольной проверки, - только с Генкой мы дружим, а не воюем, и потом, неизвестно, услышим ли мы Генку на 160 метровом диапазоне во время поисков или не услышим, а вот на десятке, действительно, прохождение меняется каждую минуту, так что давайте собираться оперативно.
- Конечно, надо спешить согласился Виталий, и мы принялись стаскивать вещи на плот, снаряжая поисковую экспедицию.
- Надо не забыть резину и клей, лодку клеить, - напомнил Петька, когда всё было готово к отправлению.
- Ты гляди, - удивился Ярослав, - первый раз Петька сделал что-то полезное, мы и правда, самое важное едва не забыли, - поразился он. - Видимо, радиоизлучение на него

положительно влияет, - шутил Ярослав, рассматривая антенну, - а ну, Петька, возьми в руки заземление и стань под антенной!

- Сам бери! – ответил Петька. – А в руки, я лучше, бутерброд возьму.
- Бери-бери! – подначивал Виталий, - не бойся, током не ударит!
- Тю на вас, пристали! – отмахнулся Петька и быстро запустил руку в пакет с бутербродами.
- Чё, ты хапаешь! Чё, ты хапаешь! – шлёпнул Петьку Виталий по грязной руке и, разорванный на две половинки бутерброд вывалился маслом вниз на бревенчатый настил плота. – Проглот, прямо! – он бережно поднял бутерброд и, брезгливо проведя пальцем, счистил грязное масло за борт. Потом, на глазах ошеломлённого Петьки, сложил две половинки, запихнув их снова в пакет. – Всё, отчаливаем!

Далее, мы осмотрелись ничего ли не забыто, припрятали некоторые вещи и трансивер, а с собою взяли кварцованную «Недру». - «Недротранс» погрузился в транс, - вздохнул Ярослав, оттолкнувши плот от берега. Плот медленно пошел, рассекая ряску и оставляя на воде зеркальный след, который постепенно затягивался.

Зная, что Генка не должен существенно отклониться от курса, плыли соблюдая предыдущий маршрут следования к острову, надеясь приметить дым от костра в качестве ориентира. Если бы удалось обнаружить какие-нибудь признаки дыма, тогда, подплывая в нужном направлении, рано или поздно попали в зону радиосвязи, которая, учитывая мизерную мощность повреждённого передатчика, едва ли превышала сотни метров на куликовку.

Проплыв километра полтора – два и осмотревшись, решили направиться к большому, но мелкому и поэтому совсем нами не изученному, озеру. Длинное и широкое, оно разделяло надвое глубокое подковообразное озеро, в одной части которого, на острове, находился наш лагерь, а через другую должен плыть Генка. Мы никогда ранее не решались срезать путь проплывая сквозь него. Всё оно изрезанное бесчисленными островками и протоками, причем на самих островках имелись собственные озёра, плавно переходящие в заболоченные кочки, заросшие березняком и осинником, а там где не росли деревья тянулись густые заросли камышей. Настоящих болотных топей здесь нет, и по сути, мелкие пересохшие озёра и именуются болотами в нашей местности. Утонуть в них практически невозможно, а вот провалиться в жижу по пояс так, что без посторонней помощи не выбраться – это запросто.

Немного покурсивав вдоль камышей, выбрали наиболее глубокую протоку, чтобы заплыв как можно дальше в самую гущу лесных островков, пешим переходом добраться до темноты к предполагаемому месту высадки, получившего пробоину, Генки. По нашим расчетам необходимо будет пройти не менее двух километров сквозь заболоченную лесистую местность, прежде чем мы доберёмся к противоположной части самого большого острова, состоящего из бесчисленного количества мелких островков и кочек, разделёнными небольшими протоками, ручейками и лужами.

- Всё, ходу нет, - сказал Виталий, уткнувшись плотом в полусгнивший ствол упавшего дерева. – Дальше пойдём пешком, давай, ребята, выгружай снаряжение.
- Блин, опять рюкзаки переть, - негромко выругался Петька, присматриваясь какой из них поменьше. – Вот этот возьму, - и стал вытягивать самый маленький.
- Не трож, это мой гардеробчик! - остановил его Ярослав, отнимая рюкзак.
- Да ладно... какая разница, какой рюкзак, - хитрил Петька, делая равнодушное лицо, - всё равно лазить по болотам!
- Нет, разница есть, - ответил Ярослав, раскрывая рюкзак, - я не допущу, чтобы ты еще и оборудование утопил, когда влезешь куда-нибудь, - продолжал он, вынимая из него радиостанцию.

Перед тем, как отправляться в глубь болотистого острова, решили попытать счастья и «покричать» Генку. Зная, что делать это на куликовку бесполезно, Ярослав прихватил с собою метров двадцать антенного провода. Провод растянули между деревьев, на высоте двух-трёх метров. Включили «Недру», дали вызов. Но, сколько мы не вызывали, Генка так и не ответил.

- Наверное, радио у него окончательно сдохло, - расстроился Ярослав и выключил радиостанцию. – Теперь придётся нам весьма постараться, чтобы его найти.

- Может появится еще... - предположил Виталий, - проклятые комары! Прямо в глаза лезут! Петька, дай одеколон.

Комаров, которых и так на озёрах «немеряно», здесь, в самом заболоченном месте – просто тьма кишит. Наивный детский вопрос: « В каком ухе у меня жужжит?», в нашей ситуации выглядит, по меньшей мере, идиотическим. Во круг роились большущие тучи насекомых, из-за чего стоял сплошной монотонный гул, даже чем-то напоминающий Pile-up, когда на одной частоте находятся сотни вызывающих станций. Комары облепили наши спины плотным слоем; иногда, когда кто-то долго не шевелился, казалось, что слой даже двойной. Военные штаны и пиджак-афганку они не прокусывали, зато нагло лезли в лицо и кусали за шею, а Петьке, как только наша команда высадилась на остров, сильно искусали уши, поэтому он не мог воткнуть миниатюрные наушники, чтобы послушать китайский плеер. Правое еще ничего, а левое покраснело, разбухло и постоянно чесалось. Я посоветовал ему слушать только на левое, тем более, что плеер всё равно «моно», а то, что там написано «стерео» - это туфта, равно как и наклейка «200 ватт» на динамиках импортных магнитол.

- Пару лет назад, - сказал Виталий, тщательно наматывая накидку - поехал я в гости к своему товарищу Вовке, настраивать передатчик. А он, как раз, купил себе музыкальный центр, китайский конечно, и там висела наклейка «250 ваттс». Мы посмеялись, но отдирать не стали – уж очень красочно смотрелась. Вынесли его на двор и врубили. Послушали немного, как вдруг выбегает его мама и кричит: «Что же ты, ирод окаянный, делаешь, врубил аж свет мигает! А ну выключай сейчас же!». Вовка очень удивился, но громкость прикрутил. Но включенная на кухне лампочка продолжала периодически притухать, видимо кто-то варил электросваркой. Тут мы слышим: «Долго ты будешь издеваться?! Еще холодильник спалишь!». Вовка оправдывается, что магнитофон не может влиять на электричество, он и так маломощный и похрипывает. – Что ты из меня дуру делаешь, - отвечала Вовкина мама, - я прекрасно вижу, как он двести ватт мотает, еще и наклейка висит!

- Так что, - продолжал рассказывать Виталий, - пришлось наклейку отодрать и повесить её в сортире. Однако и тут не обошлось без приключений. Сортир находился во дворе на улице и обычно в такие сортиры ставили обогревательные тэны, естественно мимо счетчика. И, как мне Вовка потом рассказывал, когда к осени похолодало, стали ходить РЭСовцы в поисках ворующих электричество граждан. Пришли проверять и к ним. В общем, пока электрики проверяли счетчик, он побежал в сортир отключить и спрятать подальше 2х киловаттный тэн. Только открыл дверь, как видит: РЭСовец что-то заподозрил и направляется к сортиру. Вовка сразу закрылся на щеколду, а РЭСовец стоит и ждет. Тогда он испугался, сорвал тэн и спустил его в выгребную яму, потому что лучше утратить тэн, чем платить штраф. Оказалось, внимание работника электросетей привлекла красочная наклейка «250 Ваттс», которую он увидел, когда Вовка открыл дверь сортира. Ну, он и заинтересовался, что это там такое 250 ваттное включено, в то время, когда сортир считается не электрифицированным.

- Это еще что, - сказал Ярослав, - вот, например, в «Приключениях храброго солдата Швейка», одному мужику выслали медаль и царскую грамоту за погибшего в дурной войне, сына; он разозлился, грамоту выбросил, а медаль повесил в сортире. Так его потом посадили.

- Я читал, помню, - ответил Виталий, почесывая искусанные места, - зря я в перчатках пальцы срезал, кусают теперь. – Что ты там копаешься? Давай одеколон! – крикнул он Петьке, в надежде еще раз намазаться одеколоном. – Это что? – удивился Виталий, внимательно рассматривая на треть опустошенный бутылёк, - ты куда столько одеколону вылил? То-то я смотрю, что это от тебя так несет! Пол бутылка истратил!

А Петька действительно, чтобы меньше кусали комары, постоянно мазался одеколоном, вытаскивая с рюкзака и незаметно отливая в ладонь. Виталий, Ярослав и я, сделали специальные накидки, которые обматывались вокруг головы и надежно защищали шею от укусов паразитов, а также давали некоторую гарантию того, что за шиворот, с веток, нам не нападают клещи. Петька накидку одевать не стал, только тратил одеколон.

Распределив рюкзаки тронулись в путь, следуя вглубь острова. Шли медленно, так как постоянно проваливались по щиколотки в грязь, к тому же у Петьки не имелось второго кроссовка, вместо которого нога была обмотана брезентом и проволокой. Иногда проваливались по колена, не говоря уже о том, что наша обувь давным-давно промокла. Пройдя около километра к центру, стали двигаться быстрее, ступая по сырой, но уже твёрдой, почве; похоже, мы попали на самое

высокое место острова, здесь росли клёны и осины, а под ногами ежевика, вперемешку с крапивой. Также стали попадаться лианы дикого винограда и хмеля, с небольшими цветущими шишечками.

Вдруг резкий солнечный свет ударил в глаза – мы буквально вывалились из темного леса на залитую солнечным светом небольшую поляну, поросшую мягкой и шелковистой травой, цветущую полевыми цветами и пахнущую. После болотистых озёр, сырого темного леса, мы очутились словно в сказке. Посреди поляны росла высокая дикая груша, в легкой и прохладной тени которой, расслабившись, приятно отдыхать, сняв пропотевшую одежду и мокрую обувь. На солнце комаров практически не было, а так как дерево находилась в центре поляны, то и в тени они также отсутствовали.

Удобно расположившись под грушей, наша кампания отдыхала. Потные афганки и мокрую обувь разложили на солнышке, а сами вынимали из рюкзаков съестные припасы и радиооборудование. Ярослав поручил Петьке влезть на дерево и привязать антенный провод. Петька хотел уклониться от этого, не самого приятного занятия, но понял, что чем быстрее он подвесит антенну, тем больше вероятность услышать Генку, и соответственно его обнаружить, закончив мытарства среди сырого леса, болот и комаров. В общем, Виталий Петьку подсадил, и он медленно полез вверх, цепляясь за колючие ветки и проклиная тот день, когда напросился с нами в экспедицию.

- Всё, привязываю, - крикнул Петька, взобравшись чуть выше половины ствола.
- Какой, ты Петька, быстрый – не согласился Ярослав, - давай карабкайся выше.
- Не хочу, там какие-то пчёлы, еще покусают, – забеспокоился Петька.
- Тебе лишь бы отвертеться, - сказал Виталий, - пчелы все на лужайке, нектар собирают, нечего им там, на дереве, делать, ну может и залетело пару штук, случайно. Лучше признайся сразу, что облажался, - хитро подначивал Виталия.

- Я?! Я облажался?! – обиделся Петька. – Ладно, я залезу, но снимать её сам будешь, - сказал Петька и решил, на зло Виталию, взобраться как можно выше на грушу.

Он поднялся еще на пару метров и увидел в стволе небольшое дупло, вокруг которого роилось несколько десятков пчёл. И хотя от Петьки и до пчелиного гнезда было не мене полтора метра вверх, Петька здорово струхнул и стал медленно, не совершая резких движений, дабы не растревожить диких пчёл, сползать по веткам вниз, стараясь не замечать усиливающийся гул вокруг. Но пчелы вели себя подозрительно: сначала жужжали вокруг головы, но потом стали пикировать на волосы, одна даже запуталась в них и зло гудела. Петька, что есть прыти скакал по веткам, стремясь спуститься как можно скорее, мотая головой и отмахиваясь руками по мере возможности. Но было поздно – пчёлы словно озверели. Они жалили его в шею, и в лоб.

- А-а-а!!! – орал Петька, - проклятые пчёлы! – и, не прекращая ругаться, свалился с дерева. Виталий, Ярослав и я мгновенно бросились в рассыпную, так как вокруг было полно пчёл. Но долго отлёживаться после падения, Петьке явно не пришлось: десятка полтора пчёл постоянно роились вокруг его головы, и, как нам показалось, именно для того чтобы ужалить. Пораженные происходящим, мы, отбежав для безопасности метров на двадцать, с опаской наблюдали, как Петька, схвативши валяющуюся под деревом афганку, отчаянно отмахивается ею от нападающих со всех сторон агрессивных лесных пчёл. Секунд через двадцать у него сдали нервы, и он, что есть духу, рванул в лесные заросли, больше не в силах отмахиваться. Часть пчёл потянулась за ним, а часть просто разлетелась.

Мы, на всякий случай, еще немного постояв в кустах (Hi), осторожно вышли на поляну. Вопреки опасениям пчелы на нас не нападали.

- Ничего себе! – не переставлял удивляться Ярослав, - видал, как они за Петькой гнались?
- Интересно, догнали или нет? – спросил Виталий, собирая в траве всякую мелочь, выпавшую из карманов афганки во время отпугивания пчёл.
- Конечно догнали, - философски заметил Ярослав, - вот это видел? – и протянул Виталию полупустой бутылёк из под одеколona.
- Ну и что? – не понял тот.

- А то, что аналогичный случай произошёл с моей бабушкой, когда она, еще в молодости, была приглашена на свадьбу. Так вот, пригласили её, она приделась и надушилась специально припасёнными в то время очень редкими и дорогими духами. Идти пришлось ей мимо дома, где хозяйева держали пчёл и качали мёд на продажу. А пчелы, как оказалось, страшно не любят запаха некоторых духов, на них он действует словно красная тряпка на быка. Налетели они на бабушку, и давай жалить. Ужалили даже в лоб, как раз между глаз, потом кожу вздуло, глаза запухли и вместо свадьбы пришлось везти её в больницу, - рассказывал Ярослав, разглядывая в траве желтенькие цветочки, - но, еще хуже, было со мною: когда-то в детстве купил я пирожок с повидлом. Сел на лавочку, жую потихоньку, а сам думаю про всякое, птичек рассматриваю. Вдруг ка-а-ак запечёт язык! Я сразу харкнул, и выплюнул пожеванную осу, которая села на повидло, а я не заметил. Чувствую – набухает язык, жжет и немеет, дышать трудно стало, потому что он разбухает и перекрывает дыхательные пути. Мне когда-то рассказывали, как одна девочка даже задыхнулась. Страшно стало, схватил я дома столовую ложку и давай её в горло запихивать, прижимая язык, чтобы оставалась небольшая щель между ним и носоглоткой. Два часа просидел. Сижу, жму на ложку, а слюна по ручке стекает и капает...
- Тыфу! – сплюнул Виталий, - замолчи, а то меня стошнит, - не выдержал он, и, скривившись, бросил бутылёк на дно рюкзака. – Надо идти Петьку искать, может он уже задыхается, - предложил Виталий, и не понятно было, шутит он или говорит серьёзно, - и возьмём, на всякий случай, ложку.

Далеко забежать Петька не мог, поэтому вещи оставили под грушей, а сами, налегке, пошли смотреть, куда же он делся. Антенный провод, который Петька так и не привязал, весь запутался в ветках, правда, сейчас было не до него.

- Как бы не попал, как в тот раз, в болото, - забеспокоился Виталий, переживая за нерадивого брата.
- Здесь, по близости, болот нет, это самое высокое место, - сказал я.
- Да, это хорошо, - согласился Виталий.

Преодолев метров двести по лесу, вышли на большую, немного заросшую колючим кустарником, но всё еще достаточно солнечную, поляну. Виталий позвал брата и, к нашему удивлению он отозвался откуда-то из терновых зарослей.

- Иди сюда, чего ты там сидишь? – кричал ему Виталий.
- Не могу, мне плохо видно! – кричал в ответ Петька.
- Тебя что, пчела в глаз ужалила? – переживал Виталий.
- Да! – громко крикнул Петька в ответ.
- В глаз???! – поразился Ярослав. – В какой глаз?!
- В левую щёку, - объяснял Петька, уже неподалёку от нас, - глаз запух, а вторым тоже, плохо видно; я пошёл, а меня чуть змея не укусила.
- Час от часу не легче! – вздохнул Виталий, продираясь сквозь кусты прямо к Петьке, который сидел, приложив кусок влажного мха к разбухшей щеке.
- Здорово тебя разнесло, - сказал я, когда мы подошли, - но ничего, не смертельно, пчёлы это не змеи, пройдёт до завтра.

Ярослав взял Петьку за руку и мы направились назад под грушу, к месту нашей стоянки, предварительно успокоив Петьку и пообещавши облить водой с баклажки, чтобы устранить запах одеколona. Виталий сделал пару шагов в ближайšie кусты, но вдруг выскочил от туда как ошпаренный.

- Чёрт!!! Да здесь полно змей! – пятился назад ошарашенный Виталий.
- Где?! Где змеи?! – испугался я, отскочив сразу на три метра.
- Гадюки! Это чёрные гадюки! – на побледневшем лице Ярослава выступил пот, а руки слегка дрожали, - смотри, Валера, их тут целое кубло!

Действительно, куст, в который так беспечно мы собирались лезть, пробираясь сквозь заросли, буквально кишил гадюками. Нет, это не небольшие змеи-медянки, а целое кублице черных, больших и толстых гадюк, которые сплелись и шевелились. При нашем появлении гадюки заволновались и стали расползаться, но всё равно, самые толстые скрутились в общем, клубке как шланги, внушая ужас при мысли, что кто-нибудь из нас мог в туда попасть. Перепуганные, мы медленно и очень осторожно пятились назад, стараясь отойти подальше от столь опасного места.

***

К сожалению, далее продолжение не написано.

Это подготовленная автором официальная версия, доступная для публикации. Только эту версию Вы можете публиковать на интернет ресурсах под названием «Радиолюбительские приключения» с ссылкой на автора, а также распечатать для домашнего чтения. Автор против публикации более ранних произведений своего творчества в виду несовершенства последних. При публикации в печатных изданиях – просьба обращаться к автору. Это художественное произведение результат кропотливой литературной работы автора в течении полугода, пожалуйста не забывайте об этом.

03.01. 2003 - 26.08.2003 г.

***

SATKUR

Валерий Витальевич Ковтун US4LEH

Вопросы и отзывы:

zima31@kharkov.ukrtel.net

satkur@mail.ru

тел. 0 5746 30133 или мобильный 3 8 095 5403733

<http://us4leh.blogspot.com>

Подготовлено для печати 24.01.2010 US4LEH